



## Николай Николаевич Носов

(23.11.1908 – 26.07.1976).

Его отец был актером. После окончания школы-семилетки Николай Носов работал на бетонном заводе. В 19 лет он поступил учиться в в Киевский художественный институт, но в конце 1920-х годов перевелся на режиссерский факультет Государственного института кинематографии, который и окончил в 1932 году. С этого же года он больше двадцати лет проработал кинорежиссером и художником-мультипликатором. В годы Великой Отечественной войны за серию военно-технических картин режиссер был награжден боевым орденом Красной Звезды.

Литературный дебют Николая Носова состоялся в 1938 году, после публикации одного из рассказов, которые он придумывал для сына, в детском журнале "Мурзилка".

Вскоре рассказы Носова печатаются в одном из самых известных в то время журналов — «Мурзилке». Рассказы «Живая шляпа», «Огурцы», «Чудесные брюки», «Мишкина каша», «Огородники», «Фантазеры» и другие были объединены в детгизовском сборнике «Тук-тук-тук» и изданы в 1945 году. Сборники рассказов «Ступеньки» и «Веселые рассказы» (для детей младшего и среднего возраста) вышли в 1947 году. (В «Веселых рассказах» главные герои — неразлучная пара друзей, которые, являясь полной противоположностью, прекрасно дополняют друг друга.) Знание детской психологии и владение доступным и, вместе с тем, образным языком позволило завоевать прочное признание у детей и взрослых. Носов ввёл в детскую литературу нового героя — наивного и здравомыслящего, озорного и любознательного непоседу, одержимого жаждой деятельности и постоянно попадающего в необычные, зачастую комические ситуации.

В 1949-50 публикуются и становятся популярными повести «Веселая семейка» и «Дневник Коли Синицына».

Широкую известность детскому писателю принесла повесть "Витя Малеев в школе и дома", вышедшая в 1951 году и удостоенная в 1952 году Государственной премии СССР. В 1955 году по повести был снят кинофильм "Два друга".

И по сей день огромным успехом у юных читателей пользуется трилогия о Незнайке - " Приключения Незнайки и его друзей" (1953-1954), «Незнайка в Солнечном городе»(1958), «Незнайка на Луне» (1964-1965). По этим сказочным повестям поставлено несколько анимационных фильмов.

Прозаик, киносценарист, драматург Николай Носов скончался 26 июля 1976 года



### Дневник Коли Синицына Николай Носов

28 мая

У меня сегодня очень радостный день: занятия в школе окончились и я перешел в следующий класс с одними пятерками.

Завтра начинаются каникулы. Я задумал во время каникул вести дневник. Мама сказала, что подарит мне вечную ручку, если я буду вести дневник аккуратно. Я купил толстую общую тетрадь в синей обложке и решил аккуратно записывать в эту тетрадь разные интересные случаи.

Как только случится что-нибудь интересное, я сейчас же запишу.

Кроме того, буду записывать свои мысли. Буду думать о разных вещах и, как только в голову придет хорошая мысль, я тоже ее запишу.

Сегодня еще ничего интересного не случилось. Мыслей тоже пока еще не было.

**29 мая**

Сегодня тоже еще ничего интересного не случилось.

Мыслей тоже никаких не было. Наверно, это потому, что я все свободное время играл во дворе с ребятами и мне некогда было думать.

Ну ничего. Подожду до завтра. Может быть, завтра будет что-нибудь интересное.

**30 мая**

Сегодня опять ничего интересного не случилось. Мыслей тоже пока почему-то не было. Прямо не знаю, о чем писать! Может быть, мне просто выдумать что-нибудь да написать? Но это ведь не годится – в дневнике выдумки писать. Раз дневник, значит, нужно, чтоб все была правда.

**31 мая**

Сегодня у нас был сбор звена. Наш звеньевой Юра Кусков сказал:

– Ребята, вот уже началось лето, и нас отпустили на каникулы. Некоторые из вас, может быть, думают, что летом ничего делать не надо, только гулять, но это не правильно. Пионеры даже на лето не прекращают своей работы, чтобы время не пропадало зря. Давайте придумаем на лето какую-нибудь интересную работу и будем делать все всем звеном.

Мы все задумались и стали придумывать на лето работу. Сначала никто ничего не мог придумать, потом Витя Алмазов сказал:

– Ребята, у нас при школе есть опытный огород. Может быть, нам на огороде работать? Юра говорит:

– Опоздали: уже эту работу второе звено захватило. Они уже посадили огурцы, и помидоры, и тыквы.

– Тогда давайте деревья в школьном саду сажать, – предложил Женя Шемякин.

– Спихватился! – говорит Юра. – Деревья надо ранней весной сажать. И к тому же у нас все деревья уже посажены. Больше сажать негде.

– Давайте всем звеном собирать почтовые марки, – сказал Федя Овсянников. – Я очень люблю собирать марки.

– Марки каждый может в отдельности собирать, а для звена это не работа, – ответил Юра.

– А то есть еще такая работа: собирать конфетные бумажки, – сказал Гриша Якушкин.

– Еще что выдумашь! – ответил Павлик Грачев. – Ты еще скажешь – собирать спичечные коробки! Какая от этого польза? Надо такую работу, чтоб была польза.

Мы снова стали усиленно думать, но больше никому в голову ничего дельного не приходило. Юра сказал, чтоб мы еще дома как следует поразмыслили, а потом соберемся и обсудим, какие у кого будут предложения.

Дома я не сразу стал думать. Сначала я погулял во дворе с ребятами, потом пообедал, потом еще немножечко погулял, потом поужинал и еще чуточку погулял. Потом вернулся домой и стал писать дневник.

Тут мама сказала, что уже пора спать, и только тогда я вспомнил, что мне надо подумать о работе на лето. Я решил, что думать не обязательно нужно сидя. Думать можно и лежа. Сейчас я разденусь, лягу в постель и начну думать.

**1 июня**

Вчера я лег в постель и стал думать. Но вместо того чтобы думать о работе, я стал почему-то размышлять о морях и океанах: о том, какие в морях водятся киты и акулы; почему киты такие большие, и что было бы, если бы киты водились на суше и ходили по улицам, и где бы мы жили, если бы какой-нибудь кит разрушил наш дом.

Тут я заметил, что думаю не о том, и сейчас же забыл, о чем надо думать, и стал почему-то думать о лошадях и ослах: почему лошади большие, а ослы маленькие, и что, может быть, лошади – это то же, что и ослы, только большие; почему у лошадей и ослов по четыре ноги, а у людей только по две, и что было бы, если бы у человека было четыре ноги, как у осла, – был бы он тогда человеком или тогда он был бы уже ослом; почему осел маленький, а хвост у него большой, а слон большой, но хвост у него не такой уж большой; сколько из одного слона можно наделать лошадей или хотя бы ослов, и почему у слона хобот, а у человека нет, и что было бы, если бы у человека был хобот.

Тут я снова заметил, что опять думаю не о том, а сколько я ни пытался думать о деле, в

голову лезла только одна чепуха. Оказывается, у меня какая-то упрямая голова: когда мне нужно думать об одном, она обязательно думает о другом. Я решил, что с такой головой лучше совсем не думать, и быстро заснул.

## 2 июня

Ура! Мама подарила мне вечную ручку! Вот теперь я буду писать этой ручкой. Только вот беда: ручка есть, а писать нечего! Целый час думал, о чем писать, и ничего не придумал. Но я ведь не виноват, что никаких интересных приключений не было.

## 3 июня

Сегодня утром я вышел на улицу, смотрю – идет Гриша Якушкин. Я спрашиваю его:

– Куда ты идешь?

Он говорит:

– Я иду в школу на занятия кружка юннатов. Я говорю:

– Возьми и меня с собой. Он говорит:

– Пойдем.

Пошли мы вместе и по дороге встретили Юру Кускова. Он тоже шел на занятия кружка юннатов. Когда все юннаты собрались, наша учительница Нина Сергеевна, которая руководит кружком юннатов, повела нас в сад и стала показывать, как устроены цветы растений. Оказывается, в цветке имеются тычинки с пылью, и вот, если эта пыльца попадает с цветка на цветок, то из такого опыленного цветка образуется плод, а если пыльца на цветок не попадает, то из него никакого плода не получится. Разные насекомые садятся на цветы, пыльца прилипает к ним, и они ее переносят с цветка на цветок. Значит, насекомые помогают увеличивать урожай, потому что если бы они пыльцы не переносили, то плодов бы не получалось.

Больше всего увеличивают урожай пчелы, так как они собирают на цветах мед и по целым дням летают с цветка на цветок. Поэтому везде надо устраивать пасеки.

После занятия кружка юннатов Юра собрал сбор звена и стал спрашивать, кто что придумал. Оказалось, что никто из ребят ничего не придумал. Юра велел, чтоб мы еще хорошенько подумали, и уже хотел закрыть сбор звена, но тут Гриша Якушкин сказал:

– Давайте сделаем улей и будем разводить пчел. Мы все обрадовались. Нам понравилось это предложение.

– По-моему, это дело хорошее, – сказал Юра. – Пчелы приносят большую пользу – они не только делают мед, но и помогают увеличивать урожай.

– Ребята, – закричал Павлик Грачев, – мы прославимся на всю школу! Давайте поставим улей в саду, и у нас при школе будет пасека. Все звено наше прославится!

– Погоди, – сказал Юра, – сначала надо сделать улей, а потом уже можно думать о том, чтобы прославиться!

– А как сделать улей? – стали спрашивать все. – Мы ведь не знаем, как он устроен.

– Надо у Нины Сергеевны спросить. Она, наверно, знает, – ответил Юра.

Мы побежали в школу, увидели Нину Сергеевну и стали расспрашивать ее про улей.

– А почему вы ульем интересуетесь? – спросила Нина Сергеевна.

Мы сказали, что хотим разводить пчел

– Где же вы пчел возьмете?

– Наловим, – сказал Сережа.

– Как наловите?

– Руками. Как же еще?

Нина Сергеевна стала смеяться:

– Если вы станете ловить пчел по одной, то они не будут жить у вас, потому что пчелы живут только большими семьями, и каждая пчела улетит из вашего улья обратно в свою семью.

– Как же делают, если кто-нибудь хочет завести пчел? – спросили мы.

– Надо купить сразу целую пчелиную семью, или рой, – сказала Нина Сергеевна.

– А где они продаются?

– Можно по почте выписать.

– Как – по почте? – удивились мы.

– Нужно написать в какое-нибудь пчеловодное хозяйство, и оттуда могут прислать пчел в посылке.

– А где есть такое пчеловодное хозяйство?

– Вот этого я не знаю, – сказала Нина Сергеевна. – Но я постараюсь узнать и скажу вам.

Нина Сергеевна рассказала нам, как устроен улей. Оказалось, что улей – очень простая вещь. Это как будто большая деревянная коробка или ящик с дырой. Если в такой ящик посадить пчел, то пчелы будут в нем жить, строить из воска соты и приносить мед. Только соты они будут лепить прямо к стенкам ящика, и мед будет трудно доставать оттуда. Для того чтобы мед было легко доставать, пчеловоды придумали ставить в улей деревянные рамки с вошиной, то есть с тонкими листами воска. Пчелы строят соты на этой вошине, и, когда нужно достать мед, пчеловод достает рамки с готовыми сотами.

Мы решили с завтрашнего дня взяться за постройку улья. Толя Песоцкий сказал, что работать можно будет у него в сарае.

Юра сказал, чтоб каждый из нас принес какие у кого есть инструменты. Потом я пошел домой и стал думать о пчелах. Вот какая интересная штука! Оказывается, пчел можно посылать по почте. До чего только не додумаются люди!

#### 4 июня

Утром все наше звено собралось у Толи Песоцкого в сарае. Витя Алмазов принес пилу, Гриша Якушкин – топор, Юра Кусков – стамеску, клещи и молоток, Павлик Грачев – рубанок и молоток, а я тоже принес молоток, так что у нас оказалось сразу три молотка.

– А из чего делать улей? – спросил Сережа. Тут мы все вспомнили, что у нас нет досок.

– Вот беда! – сказал Юра. – Надо доски искать.

– Где же их искать? – говорим мы.

– Ну, надо посмотреть, может быть, у кого-нибудь в сарае найдутся.

Мы все пошли искать доски. Облазили все сараи и чердаки, нигде не нашли.

Юра говорит:

– Пойдем к Гале. Может быть, она нам поможет. Мы пошли к нашей старшей пионервожатой Гале и рассказали ей обо всем. Галя сказала:

– Я попрошу у директора школы. Может, он разрешит взять те доски, которые после ремонта остались.

Она поговорила с директором, и он разрешил нам взять для улья четыре большие доски. Мы приволокли их в сарай, и тут у нас закипела работа. Кто пилил, кто строгал, кто заколачивал гвозди. А Толя распорядился и кричал на всех. Он воображает, что если мы работаем у него в сарае, то он может кричать на каждого. Я даже чуть не поссорился с ним из-за этого. Понадобился ему молоток, он и давай кричать:

– Где молоток? Только что у меня в руках молоток был, а теперь вот куда-то делся!

– Постой, – говорит Юра, – я только что забивал гвоздь.

– Куда же ты молоток сунул?

– Да никуда я его не совал!

– Вот ищи теперь!

– И ты ищи.

Они принялись искать молоток, но его нигде не было. Тогда все ребята бросили работу и стали искать молоток. Наконец нашли его у меня в руках.

– Что же ты стоишь тут, как чучело! – напустился на меня Толя. – Не видишь разве, что мы молоток ищем?

– Откуда же я знаю, что вы этот молоток ищете? Кажется, у нас три молотка.

– “Три молотка”! “Три молотка”! Вот попробуй найди их, когда тут и одного не сыщешь!

– Ну и нечего тут кричать! – говорю я. – Я тоже имею право забивать гвозди. Всем работать хочется.

Сегодня мы еще не успели сделать улей, потому что день кончился и в сарае стало темно.

#### 5 июня

Ура! Улей уже готов! Вот он – я нарочно нарисовал его здесь на память. Внизу нарисован сам улей, а сверху – крыша. Снизу в передней стенке улья сделана дырка, чтобы пчелы могли вылезать. Эта дыра называется летком, потому что пчелы через нее вылетают из улья. Сверху имеется еще один маленький леток, для того чтобы, если какой-нибудь пчеле захотелось вылезти сверху, чтоб она могла вылезти. Возле нижнего летка прибита доска. Она называется прилетной доской. Пчелы на нее садятся, когда прилетают. Крыша сделана отдельно, чтоб ее можно было снимать с улья, когда нужно доставать рамки. Кроме улья, мы сделали двенадцать рамок.

Юра ходил к Нине Сергеевне, чтоб спросить про пчел, но Нина Сергеевна еще ничего не узнала, потому что была очень занята. А вдруг Нина Сергеевна так и не узнает, где достать

пчел, что тогда делать?

## 6 июня

Сегодня спрашивал у всех, не знает ли кто-нибудь, где достать пчел, но никто не знает. Целое утро я ходил скучный. Потом я вернулся домой, а к нам пришел дядя Алеша.

– Почему ты такой скучный? – спрашивает дядя Алеша. Я говорю:

– Я потому скучный, что не знаю, где достать пчел.

– А зачем тебе пчелы понадобились? Я рассказал, что наше звено решило устроить пасеку, только мы не знаем, где взять пчел. Дядя Алеша сказал:

– Когда я жил в деревне, у меня был знакомый пчеловод, который ловил пчел в лесу ловушкой.

– Какой ловушкой?

– Сделает из фанеры ящик с дырой, вроде скворечника, положит в него немного меда и повесит в лесу на дереве. Пчел привлекает запах меда. Если откуда-нибудь вылетит рой, он может поселиться в таком ящике, а пчеловод возьмет ящик, отнесет к себе на пасеку и посадит пчел в улей. Вот сделай такую ловушку, а когда поедешь с мамой на дачу, повесь в лесу, может быть, в ловушку попадет рой.

Я стал спрашивать маму, когда мы поедем на дачу.

– Не скоро, – говорит мама, – у меня отпуск в конце июля будет или, может быть, в августе.

Тогда я пошел прямо к Сереже и рассказал ему про ловушку.

Сережа говорит:

– Давай сделаем ловушку и будем ловить пчел у нас на даче. У нас там есть и лес хороший и река.

– А где ваша дача?

– В Шишигине, пять километров отсюда.

– А нам позволят там жить?

– Позволят. Там целый дом пустой. Одна тетя Поля живет.

Я сейчас же вернулся домой и стал проситься у мамы к Сереже на дачу.

– Что ты, что ты! – говорит мама. – Как вы туда поедете? Еще под поезд попадете.

– Да туда вовсе не надо на поезде ехать. Это недалеко. Мы пешком дойдем. Всего пять километров.

– Ну, все равно, – говорит мама. – Как вы там будете жить одни? Одно баловство!

– И никакого баловства нет, – говорю я. – И жить будем не одни: там тетя Поля.

– Что ж – тетя Поля! – говорит мама. – Разве вы станете слушаться тетю Полю?

– Конечно, станем.

– Нет, нет! – говорит мама. – Вот будет у меня отпуск, поедем вместе, а то вы там в реке утонете, и в лесу заблудитесь, и еще я не знаю что будет.

Я сказал, что мы вовсе купаться не будем, даже подходить близко не будем к реке, и в лес не будем ходить, но мама даже слышать ничего не хотела об этом. До самого вечера я кланчил и хныкал. Мама пригрозила, что пожалуется на меня папе. Тогда я перестал проситься, но за ужином ничего не хотел есть. Так и спать лягу голодный. Ну и пусть!

## 7 июня

Утром я проснулся пораньше и снова стал тянуть вчерашнюю канитель. Мама сказала, чтоб я не надоедал ей, а я все надоедал и надоедал, пока она не ушла на работу. Потом я пошел к Сереже, и он сказал, что уже договорился с Павликом и завтра они вдвоем отправятся на дачу, если я не смогу отпроситься. Мне стало завидно, что Сережа и Павлик отправятся без меня. Целый день я просидел скучный, и, как только мама вернулась, я принялся проситься с удвоенной силой. Мама рассердилась и снова сказала, что пожалуется папе, но я не унимался, потому что теперь мне уже было все равно. Наконец папа пришел, и мама пожаловалась ему. Папа сказал:

– Что ж тут такого? Пусть отправляется. Парень уже большой. Ему полезно приучаться самостоятельно жить.

Тогда мама сказала, что папа вечно мешает ей правильно воспитывать ребенка (это меня то есть), а папа сказал, что мама сама не правильно воспитывает меня, и они тут чуть из-за этого не поссорились, а потом помирились, и тогда мама пошла к Сережиной маме, и они сразу обо всем договорились. Сережина мама сказала, что на даче мы никому не помешаем, что тетя Поля за нами присмотрит и будет варить нам обед. Нам только надо взять с собой продуктов. Мама успокоилась и сказала, что отпускает меня на три дня, а если я буду вести

себя хорошо, то снова отпустит. Я сказал, что буду вести себя хорошо.

Все ребята очень обрадовались, когда узнали, что мы отправляемся ловить пчел на дачу. Юра подарил нам свой компас, чтоб мы не заблудились в лесу; Толя дал перочинный нож; Федя принес нам походный котелок на случай, если мы сами захотим себе варить обед на костре. Потом мы достали фанеры и стали мастерить ловушку для пчел.

Ловушка получилась хорошая. Спереди мы сделали дырку и дверцу, чтобы закрыть ее, когда поймаются пчелы. А крышу сделали, как в улье, отдельно, чтоб ловушку можно было открыть и достать пчел.

К вечеру мама накупила разных продуктов – крупы, муки, масла, сахару, булок, консервов – и сложила все это в рюкзак, так что рюкзак у меня получился тяжелый. У Сережи тоже получился большой рюкзак. Но самый огромный рюкзак у Павлика. Он положил в него котелок и фляжку, и еще не знаю чего он туда напихал. Словом, у нас все готово. Теперь поскорей бы пришел вечер, а завтра мы проснемся – и сразу в поход в Шишигино.

## 8 июня

Ура! Мы уже в Шишигине. Я думал, какая там дача, а это, оказывается, просто деревянный дом, а вокруг деревья, даже забора нет, только столбы врыты. Должно быть, не успели сделать. Дом оказался на замке, и в нем никого нет. Тетя Поля куда-то ушла. Мы ее ждали, ждали, а потом решили, чтоб не терять времени зря, пойти в лес и повесить ловушку. Пошли в лес, положили в ловушку меду и повесили ее на дерево. Потом отправились на реку купаться. Вода в реке была холодная. Мы купались, купались, пока не посинели от холода. Потом нам захотелось есть.

Мы вылезли из воды, разожгли на берегу костер и стали варить обед из консервов. После обеда мы вернулись на дачу, но тетя Поля еще не пришла. Павлик сказал:

– А что, если нам найти в лесу дупло с пчелами? Мы сразу поймали бы целую пчелиную семью.

– Как же найти дупло? – говорю я.

– Давайте следить за какой-нибудь пчелой, – предложил Павлик. – Пчела наберет меду и полетит в свое дупло, а мы побежим за ней и узнаем, где живет пчелиная семья.

Мы заметили на цветке пчелу и стали следить за ней. Пчела летала с цветка на цветок, а мы ползали за нею на четвереньках и не выпускали ее из виду.

От ползанья у меня заболели и руки, и ноги, и спина, и шея, а пчела все работала и не думала никуда улетать. Наконец Сережа сказал:

– Наверно, пчелы позже полетят к себе в дупло. Давайте пойдем еще искупаемся, а потом снова будем следить за пчелами.

Мы опять пошли на реку и стали купаться. Купались, купались, а потом увидели, что день уже скоро кончится. Тогда мы вернулись на дачу, а тети Поли все еще не было.

– Может быть, она куда-нибудь уехала и не вернется сегодня? – говорю я.

– Вернется, – говорит Сережа. – Куда она могла уехать?

– А вдруг не вернется? Пойдем лучше домой.

– У меня и так уже ноги болят, – говорит Павлик. – Я никуда не пойду.

– Где же ты ночевать будешь?

– Можно пойти на соседнюю дачу и попроситься, чтоб пустили переночевать, – сказал Сережа,

– Зачем на соседнюю дачу? – говорит Павлик. – Построим шалаш и переночуем здесь.

– Верно! – обрадовался Сережа. – В шалаше даже интереснее. Я ни разу еще в шалаше не ночевал.

Мы тут же взялись за постройку шалаша. Павлик велел нам наломать зеленых веток, а сам взял четыре шеста, поставил верхушками друг к другу, чтоб они стояли пирамидкой, и стал обкладывать вокруг ветками. Когда шалаш был готов, мы натаскали в него сухого мха, а под головы положили рюкзаки с продуктами. В шалаше получилось тесновато, но зато очень уютно.

Мы решили больше никуда не ходить, потому что очень устали. Подумать только, сколько мы сегодня ходили: из города шли, в лес ходили, на реку ходили, обратно с реки на дачу ходили, потом опять в лес, опять на реку, опять обратно на дачу. Потом еще шалаш строили. Какой-нибудь нормальный, простой человек за месяц столько не ходит, сколько мы за один день!

Сейчас мы сидим на крылечке и отдыхаем. Я пишу дневник своей вечной ручкой, а Сережа и Павлик любят на шалаш. Вечер такой тихий, хороший! Ветра нет. Деревья ветками не машут. Только на осине листья дрожат мелкой дрожью. Они как будто серебряные. На небе ни облачка. Красное солнышко заходит за лесом. Вот пастухи уже гонят колхозное

стадо домой. Коровы не спеша шагают по дороге. Их много: штук пятьдесят, наверно. Черные, бурые, рыжие, пегие и даже какие-то розовые, вернее сказать – телесного цвета, а есть и пятнистые. Всякие есть! Вот солнышко уже наполовину спряталось. Сейчас мы залезем в шалаш и будем спать. Еще, правда, светло, но скоро стемнеет. Не сидеть же нам до самой темноты под открытым небом, если у нас свой шалаш есть!

## 9 июня

Сейчас я запишу про то, что случилось ночью. Павлик оказался хитрый: он первый залез в шалаш и занял место посередине, а нам с Сережей достались места по краям. Сережа как лег, так сейчас же заснул, но я почему-то долго не мог заснуть. Сначала мне было очень удобно, и я даже удивлялся, для чего люди придумывают разные тюфяки и подушки, когда и без этого можно прекрасно обойтись. Потом меня стало что-то давить в затылок. Я решил узнать, на чем я лежу, на крупе или на макаронах, и стал щупать под головой рюкзак. Но там оказалась вовсе не крупа и не макароны, а котелок.

"Ага, значит, мне попался рюкзак Павлика", – сообразил я и перевернул рюкзак на другую сторону. Но теперь мне под голову попала консервная банка, и я снова не мог заснуть. Тогда я стал вертеть рюкзак в разные стороны, чтоб отыскать булку или что-нибудь другое, помягче...

– Что ты там ищешь? – спрашивает Павлик.

– Булку.

– Неужели так скоро проголодался?

– Да нет!

– Зачем же тебе булка понадобилась?

– Я буду на ней спать, а то твердо очень.

– Подумаешь, нежности! – говорит Павлик.

– Вот попробуй, поспи на консервной банке, так узнаешь, какие нежности, – говорю я.

Булки я так и не нашел, но мне попался какой-то пакет, наверно с сахаром. Я кое-как пристроился на сахаре и уже хотел заснуть, но тут у меня стала болеть спина. Видно, я отлежал ее. Тогда я стал переворачиваться на бок.

– Вот вертится, как уж на сковороде! – проворчал Павлик.

– А тебе что?

– Да ты меня все время толкаешь!

– Подумаешь, уж и не толкни его!

Я перевернулся на бок, но скоро бок тоже начал болеть. Некоторое время я молча терпел и изо всех сил старался заснуть. Наконец я не выдержал и стал переворачиваться на живот.

– Да дашь ли ты мне в конце концов заснуть! – зашипел Павлик.

– погоди, сейчас заснешь, – сказал я и... зацепился ногой за шест.

Шест рухнул, и весь шалаш обвалился прямо на нас.

– Вот тебе! Довертелся! – закричал Павлик. Сережа проснулся, высунулся из-под ветвей и ошалело посмотрел вокруг.

– Что это еще за шутки? – закричал он.

– Никакие не шутки! – говорит Павлик. – Просто этот вот бегемот обрушил шалаш! Ну, вставайте, что ли, починять будем.

Мы вылезли из-под обломков шалаша и в сумерках принялись восстанавливать разрушенную постройку. Ночь приближалась быстро, и мы едва успели кое-как сделать шалаш. Как только все было готово, я залез в него первым и лег посередине.

– А ты почему на мое место забрался? – удивился Павлик.

– Здесь места нумерованные, – говорю я. – Это тебе не театр.

Он хотел вытеснить меня, но я не уступил. Павлик лег с краю и сердито засопел. Он долго ворочался. Видно, не очень удобно было лежать. Я тоже долго не мог заснуть. Все-таки каким-то чудом я наконец заснул. Не знаю, долго ли я спал, и даже не помню, что мне снилось, только вдруг что-то как треснет меня по голове! Я моментально проснулся и долго не мог понять, что случилось. Постепенно я догадался, что шалаш снова обрушился и меня ударило по голове шестом. Вокруг было темно. Небо над нами чернело, как сажа, только звезды сверкали на нем. Мы снова выкарабкались из-под обломков шалаша.

– Что ж, надо опять чинить, – говорит Сережа.

– Починишь тут, когда такая темень!

– Надо попробовать. Не сидеть же нам под открытым небом.

Мы принялись ползать в темноте среди веток и разыскивать шесты. Три шеста мы сразу нашли, а четвертый никак не находился. Насилу мы его нашли, но, пока искали, потерялись те три шеста, которые уже были найдены. Наконец мы их снова нашли. Павлик хотел устанавливать шесты и вдруг говорит:

- Пойдите, а где же наше место?
- Какое место?
- Ну, где наши рюкзаки.

Мы стали бродить в темноте и разыскивать рюкзаки, но их нигде не было. Тогда мы решили построить шалаш на новом месте. Павлик принялся устанавливать шесты, а мы с Сережей стали обдирать кусты и носить ветки.

- Послушай, – закричал вдруг Сережа, – иди-ка сюда – здесь много наломанных веток!

Я подошел и наткнулся на целую кучу веток, которые ворохом лежали на земле. Мы притащили Павлику по охапке и вернулись за остальными ветками.

- Стой, – говорит Сережа, – здесь еще что-то лежит.
- Где?
- Вот под ветками. Какой-то вроде мешок. Я нагнулся и нащупал в темноте мешок.
- Верно, – говорю. – Мешок, чем-то набитый. И еще один тут.
- Правда! – ахнул Сережа. – Два набитых мешка!
- Смотри, еще один! – сказал я.
- Три набитых мешка! – закричал Сережа. – Кто же их положил тут?
- Ясно кто, – говорю я, – это мы.
- Как – мы?
- Конечно, мы. Это наши рюкзаки!
- Верно! А я и не сообразил сразу!

Мы позвали Павлика и сказали, что нашли старое место.

– А там уже шалаш готов, – говорит он.  
– Ну, перенесем туда наши вещи, и дело с концом. Мы взяли рюкзаки и пошли к шалашу. Я поспешил первым, чтоб занять место посередине, и стал бродить вокруг шалаша, но никак не мог отыскать вход.

- Где же вход? – спрашиваю.

– Ах, чтоб тебя! – говорит Павлик. – Забыл вход сделать, со всех сторон ветками заложил!

Он принялся разбирать ветки и делать вход. Как только это было готово, Павлик юркнул в шалаш первым и занял место посередине. Я так устал, что не стал даже с ним спорить. Мы с Сережей без разговоров улеглись по краям. Под голову мне опять попало что-то твердое – не то котелок, не то консервная банка, – но я даже не обратил на это внимания и заснул как убитый. Вот и все.

А сейчас уже утро. Я проснулся раньше всех и пишу дневник. Солнышко уже поднялось высоко и начинает припекать. По небу плывут белые кудрявые облака. Из деревни доносятся мычание коров и собачий лай. Сережа и Павлик еще спят в шалаше. Сейчас я их разбудю, и мы начнем варить завтрак.

В тот же день вечером

После завтрака мы пошли в лес, чтоб проверить ловушку. Ловушка была пустая. Мы решили снова следить за пчелами и ползали за ними часа два. Наконец у Павлика терпение лопнуло. Он решил напугать пчелу, чтоб она полетела в свое дупло, и принялся кричать на нее, махать руками и топтать ногами. Пчела стала кружиться над ним и вдруг как ужалил его в ухо! Павлик как завизжит! Ухо у него покраснело и моментально распухло. Мы стали вытаскивать у него пчелиное жало.

– Чтоб они сгорели, эти пчелы! – ругался Павлик. – Можете сами с ними возиться, а с меня хватит! Все ухо в огне!

- Ты потерпи, – говорим мы. – Ухо пройдет.
- Когда же оно пройдет! Горит как в огне! Что теперь делать?
- Может быть, платком завязать? – говорю я.
- Не надо платком. Лучше я пойду на реку и буду мочить ухо в воде.

Он ушел мочить ухо в реку, а мы с Сережей заметили одну пчелу и стали следить за ней по очереди. Один следит, а другой отдыхает. Следили, следили, вдруг пчела поднялась вверх и полетела. Мы стремглав побежали за ней, но пчела взлетела очень высоко, и мы потеряли ее из виду.

- Вот досада! – сказал Сережа. – Придется начинать все снова.

Тут Павлик вернулся с реки и закричал издали:

– Эй, смотрите, что у меня! Сейчас уху будем варить! Мы подбежали. В руках он держал свою кепку. Она вся была мокрая, а в ней прыгали живые караси.

- Где ты взял?
- Там, возле реки, в болоте поймал.
- Как же ты их поймал без удочки?
- Очень просто: болото пересохло, воды совсем мало осталось, я их руками поймал.



Мы побежали к болоту, наловили еще карасей и стали варить уху. Потом еще на ужин наловили карасей.

– Тут их много! – говорил Павлик. – Мы хоть каждый день можем карасей есть.

После обеда мы снова пошли в лес, чтоб следить за пчелами. Сережа говорит:

– А что, если пчелу обрызгать водой? Пчела, наверно, подумает, что пошел дождь, и полетит в свое гнездо.

Мы принесли в котелке воды, нашли на цветке пчелу и стали брызгать на нее водой. Пчела намочилась, полезла по стебельку вниз и притаилась под зеленым листочком. Значит, ей на самом деле показалось, что пошел дождь. Потом она увидела, что никакого дождя нет, вылезла из-под листа и стала греться на солнышке. Постепенно она обсохла, расправила крылышки и полетела. Мы уже хотели бежать за ней, но пчела тут же опустилась вниз, села на цветок и снова начала собирать мед. Тогда Сережа набрал в рот побольше воды и как брызнет на пчелу! Пчела снова намочилась и спряталась под листком, а когда обсохла, опять принялась летать с цветка на цветок.

– Ах ты, какая упрямая пчела! – сказал Сережа и окатил пчелу водой так, что она промокла насквозь.

Даже крылышки у нее от воды сморщились и прилипли к спине.

Пчела наконец увидела, что “дождь” не перестает, и, когда обсохла, полетела прочь.

Мы побежали за ней. Пчела летела сначала низко, между стволами деревьев, потом взвилась вверх, и мы потеряли ее. Тогда мы принялись поливать водой других пчел, но у них у всех была одинаковая манера: сначала они прятались от “дождя” под листьями, а потом улетали, и мы ни разу не могли проследить за ними, потому что они летали очень быстро и на большой высоте. Так мы бегали, пока пчелы не перестали летать.

День уже подходил к концу. Мы вернулись на дачу и стали варить ужин. Тетя Поля до сих пор почему-то еще не вернулась, и мы решили еще одну ночь провести в шалаше. Не знаю, может быть, это нехорошо, что мы живем в шалаше? Может быть, лучше вернуться домой? Я сказал Сереже и Павлику, а они говорят: “Все равно завтра вернемся”. Они решили починить шалаш и врыть шесты в землю, чтоб шалаш снова не развалился.

Сейчас они чинят шалаш, а я записываю в дневник наши приключения.

По небу плывут серые, свинцовые тучи. В воздухе стало прохладнее и потянул ветерок. А вдруг ночью начнется дождь? Надо шалаш хорошенько покрыть ветками, чтоб нас ночью не промочило. Сейчас кончу писать и пойду помогать Сереже и Павлику.

## 10 июня

Ночью никаких приключений не было. Вот что значит сделать шалаш как следует! Можно спать с чистой совестью и не бояться, что тебя стукнет по голове шестом. Дождя тоже не было. Проснулся я рано. Меня разбудили птички. Еще только начало светать, а они уже проснулись и принялись трещать, и чирикать, и пищать на разные голоса. Я вылез из шалаша и увидел, что солнышко еще не взошло. Вверху небо было чистое, голубое, а внизу, у самой земли, – белые облака, такие легкие, пушистые, будто мыльная пена. Постепенно облака росли и клубились, как пар, и взмывали все выше и выше, пока не заполнили все небо. Потом они загорелись и стали розовые, будто фруктовое мороженое. Я стал думать, что было бы, если бы нам дали столько мороженого; съели бы мы его или нет? Наверно, за всю жизнь бы не съели. Все люди не съели бы столько мороженого. Я замечтался и тут вдруг увидел, как из-под земли выкатилось огромное красное солнце. Все засияло вокруг и осветилось ярким светом. Зеленая трава стала еще зеленей, а на каждой травинке засверкали капли росы, как алмазы. Я поскорей принялся будить Сережу и Павлика, чтоб они посмотрели на это чудо, но, пока они протирали глаза, роса испарилась и такой красоты уже не было.

– Эх вы, – говорю, – сони! Спят тут, как суслики у себя в норе! Если будете так спать долго, то ничего в жизни хорошего не увидите!

Павлик только зевнул и сейчас же принялся потрошить карасей на завтрак, но Сережа сказал, что сначала надо было бы пойти умыться. Мы пошли на реку, умылись, а заодно и выкупались, а потом стали готовить завтрак. Нажарили карасей, напекли из муки лепешек. Лепешки оказались невкусными, но зато мне в голову пришла очень хорошая мысль.

– А что, если посыпать мукой пчелу? – говорю я. – Пчела станет тяжелой и не сможет так быстро летать.

Мы нашли на цветке пчелу и осыпали ее мукой. Пчела сейчас же принялась чиститься лапками. Стряхнула с себя всю муку и через минуту уже снова собирала мед.

– Я знаю, что нужно сделать, – сказал Сережа. – Нужно сначала обрызгать пчелу водой, а потом обсыпать мукой. Тогда мука прилипнет к пчеле, и она не сможет ее с себя счистить.

Мы так и сделали. Сережа набрал в рот воды и как брызнет на пчелу, а Павлик тут же

посыпал ее мукой. Мука раскисла и облепила пчелу со всех сторон. Пчела сейчас же принялась счищать с себя мокрую муку. Передними лапками она почистила головку и протерла глазки, потом стала чистить задними лапками брюшко и крылышки. Она очень аккуратно почистилась, только на спине у нее осталось немного мокрой муки. Мы хотели ее еще раз обсыпать, но тут пчела замахала крылышками и полетела. Мы побежали за ней. Пчела летела сначала медленно, потом полетела быстрее, вылетела из леса и понеслась через поле. Мы не взвидя света мчались за ней, прыгали через пни и кочки, через рвы и канавы. Потом пошли какие-то грядки с капустой, и вдруг перед нами появился забор. Пчела перелетела через него. Мы недолго думая тоже перемахнули через забор и очутились в каком-то саду. Вокруг росли деревья, а под ними стояли какие-то маленькие домики без окон, без дверей, вроде собачьих будок, только на ножках. Возле одного домика стоял старик с белой бородкой и удивленно смотрел на нас.

– Ну, что скажете? – спросил старичок, когда увидел, что мы, как истуканы, стоим без движения и молча на него смотрим.

– Ничего, – пролепетал Павлик и полез обратно через забор.

– Зачем же через забор? Вон ведь калитка, – сказал дедушка и укоризненно покачал головой.

– А я не заметил, что тут калитка, – ответил Павлик и спрыгнул с забора с другой стороны.

Мы с Сережей остались одни. Я стал думать, как бы нам лучше удрать – в калитку или через забор, – а дедушка спросил:

– Вы зачем же полезли сюда?

– Мы нечаянно, – говорю я.

– Сюда полетела наша пчела, а мы за ней, – ответил Сережа.

– Ваша пчела? – удивился старик. – Не может быть. Это, наверно, моя пчела. – А разве у вас есть пчелы? – спросил я.

– Конечно. Вон у меня сколько пчел.

Тут только мы поняли, что маленькие домики, которые стояли под деревьями, были просто ульи. Пчелы все время гудели вокруг. В воздухе стоял непрерывный гул.

– Для чего же вам понадобилось за пчелой бегать? – спросил дедушка.

Мы сказали, что хотели проследить за пчелой и найти дупло с дикими пчелами.

– Вы, наверно, хотели отыскать дикий мед? – сказал старик.

– Нет, мы хотели найти пчелиную семью. Нам пчелы нужны.

– Зачем же вам пчелы?

Мы стали объяснять, что решили всем звеном сделать улей и разводить пчел. Павлик увидел, что дедушка перестал сердиться и мирно беседует с нами. Он подбежал к калитке и стал заглядывать в нее, а потом совсем осмелел и подошел к нам. Мы рассказали, как сделали ловушку для пчел и повесили в лесу. Дедушка внимательно выслушал нас и сказал:

– Это вы хорошее затеяли дело. Пчеловодство – полезное занятие. Только поймать диких пчел очень трудно. Да здесь поблизости их и нет. Разве с пчельника у кого слетит рой да попадет в вашу ловушку.

– Что же нам делать? – спросили мы жалобно. Дедушка, видно, сжалился над нами.

– Что ж, – сказал он, – я вам дам на развод пчелок, раз вы так полюбили это дело. Пчеловоды должны выручать друг друга.

Сердце от радости запрыгало у меня в груди. Я думал, что дедушка сейчас же нам даст пчел, но он сказал:

– Приходите к концу дня. У меня тут из одного улья должен рой выйти. Вот я и отдам этот рой вам. Только принесите с собой какой-нибудь ящик или коробку, чтобы посадить пчел.

– Можно мы принесем ловушку? – спросил я.

– Можно. Да не приходите слишком скоро. Часика через три-четыре приходите, когда начнет спадать жара.

Мы побежали в лес, сняли ловушку с дерева и теперь ждем, когда можно будет идти к дедушке. Делать мне нечего, и я решил написать обо всем подробно, как следует. Все-таки, когда пишешь, время проходит незаметнее. Мы еще подождем немного, а потом пойдем обратно к дедушке. Может быть, рой уже вылетел. А сейчас писать больше пока не о чем.

### **В тот же день вечером**

Наконец-то у нас есть пчелы! Вот какой добрый оказался дедушка! Я думал, что все пчеловоды бывают злые, потому что их часто кусают пчелы, но этот пчеловод оказался вполне хороший и очень добрый. Он не только обещал нам дать пчел, но и выполнил свое обещание. Когда мы пришли на пасеку, рой уже сидел в круглой деревянной коробке вроде сита. Сверху

коробка была затянута марлей, сквозь которую были видны пчелы. Батюшки, сколько там было пчел! Прямо какая-то живая каша из пчел. Дедушка снял марлю и высыпал пчел в нашу ловушку, как будто крупу. Мы поскорей закрыли ловушку и уже хотели бежать домой, но дедушка задержал нас и стал учить, как обращаться с пчелами.

Он сказал, чтоб мы высыпали пчел в улей прямо на рамки с вошиной и поставили на первое время в улей кормушку с сахарным сиропом, пока пчелы не запасли для себя меда. Для того чтобы сделать кормушку, нужно сварить из сахара сироп, налить его в стеклянную банку и завязать горлышко тряпочкой. Потом банку нужно перевернуть вверх дном и поставить в улей на рамки. Сироп будет просачиваться из банки, и пчелы будут его понемногу сосать сквозь тряпочку. Кроме того, дедушка научил нас сделать из марли сетки, чтоб надевать на голову, когда мы будем открывать улей, и еще велел нам сделать дымарь, чтоб подкуривать пчел дымом. Пчелы боятся дыма. Они прячутся от него в улей и не разлетаются. Дедушка показал нам свой дымарь. Это такая круглая жестянка с носиком, а сбоку гармошка. В жестянку кладут гнилушки и разжигают. Если нажимать на гармошку, из носика идет дым.

– Пчеловодство – очень интересное занятие, – сказал дедушка. – Кто начнет заниматься пчеловодством, тот уж на всю жизнь пчел полюбит и никогда не бросит этого дела.

– Почему? – удивились мы.

– Да так уж, без пчел ему будет скучно.

Наконец дедушка отпустил нас, и мы отправились в обратный путь. Домой мы вернулись поздно, когда уже начало темнеть. Сережа понес ловушку с пчелами к себе домой. Мы с Павликом забежали на минутку домой, чтоб сказать, что уже вернулись, и тоже побежали к Сереже.

Сережина мама стала расспрашивать нас, как мы жили на даче. Мы боялись, как бы она не спросила про тетю Полю, потому что не знали, признаваться нам, что мы жили в шалаше, или лучше не признаваться. Сережа нарочно стал рассказывать про дедушку-пчеловода. Мама слушала, слушала, а потом спрашивает:

– А как там тетя Поля поживает?

Мы увидели, что попались, и не знали, что говорить, но тут раздался стук в дверь. Это пришла мама Павлика и сказала, чтоб он шел ужинать. Мы облегченно вздохнули, стали показывать ей пчел и рассказывать про дедушку-пчеловода. Тут Сережина мама опять спросила:

– Что же ты ничего не рассказал про тетю Полю? Мы опять растерялись, но тут снова кто-то постучался в дверь. Это пришла за мной моя мама. Мы обрадовались. Стали показывать ей пчел и рассказывать про дедушку. Моя мама тоже стала спрашивать, как мы жили на даче. Я говорю:

– Хорошо жили. Ничего себе.

– Не надоели там тете Поле?

– Нет, кажется не надоели, – говорю я, а сам не знаю, правду я говорю или нет.

– А к нам тетя Поля не собирается? – спросила Сережина мама.

– Нет, – говорит Сережа, – кажется, не собирается.

– Ничего не говорила про это?

– Нет, не говорила.

Это он, конечно, правду сказал, так как, что могла говорить тетя Поля, раз мы ее не видели! Не знаю, до чего дошел бы этот разговор, но тут опять постучался кто-то. Мы облегченно вздохнули. Дверь отворилась, и в комнату вошла сама тетя Поля. Мы разинули от удивления рты, да так и остались с открытыми ртами.

– Здравствуйте! – сказала тетя Поля.

– Здравствуйте, – ответила Сережина мама. – Какими судьбами к нам?

– Да вот из колхоза шла в город машина, я и приехала, – сказала тетя Поля.

Тут началось самое интересное. Тетя Поля протянула Сереже руку:

– Здравствуй, Сереженька! Сережа покраснел, как вареный рак.

– Здравствуйте, тетя Поля.

– Пойдите, как это – здравствуйте? – говорит Сережина мама. – Разве вы сегодня не виделись?

– Где же мы могли видаться? – удивилась тетя Поля.

– Как – где? В Шишигине.

– Да я уж три дня, как не была в Шишигине. Я в колхозе работала, в Тарасовке.

– А вы где же были? – спросила Сережина мама.

– Мы – в Шишигине, – говорит Сережа.

– Так дом-то ведь был закрыт.

– А зачем нам дом? Мы в шалаше жили.

– В каком шалаше?

– Ну, построили из веток шалаш и жили.

– Ах, вот как! Кто же вам разрешил в шалаше жить? Разве вы не могли домой вернуться?

Тут заговорили все сразу – и моя мама, и Павлика, и Сережина, – и я даже не знаю, что было дальше, потому что моя мама сказала:

– Так вот как ты слушаешься свою мать! Пойдем-ка, голубчик, домой! Я тебе покажу, как жить в шалаше без спросу!

Пришлось мне весь вечер просидеть дома и слушать упреки. Даже на пчел не удалось полюбоваться.

## 11 июня

Вот какая беда случилась сегодня. Утром я зашел к Павлику, и мы вместе пошли к Сереже. Сережа еще спал. Мы разбудили его. Он проснулся нехотя и стал ворчать на нас, потому что ему снился какой-то интересный сон и ему хотелось досмотреть его.

– Ладно, – говорим, – потом досмотришь. Надо вставать да пчел сажать в улей.

Сережа говорит:

– Вы пойдите скажите ребятам, что мы уже достали пчел, а я пока оденусь.

– А где же ловушка? – спрашиваем мы.

– Ловушка там, на балконе. Я ее вчера вечером поставил на балкон, чтоб пчелам не было в комнате душно.

Мы вышли на балкон. Смотрим... Батюшки, что творится! Дверца ловушки открыта, пчелы из нее вылетают и разлетаются в разные стороны.

– Ах ты чучело! – закричал на Сережу Павлик. – Спит себе, а тут пчелы удрали!

Сережа выскочил на балкон.

– Что же вы смотрите? – закричал он. – Пчелы разлетаются, а они смотрят!

Он подбежал к ловушке и закрыл поскорей дверцу.

– Чего ты кричишь? – говорит Павлик. – Будто мы виноваты! Ты сам оставил ловушку открытой.

– Как это я вчера не заметил, что дверца открыта? – говорит Сережа. – Почему же она открылась?

– Разиня! – говорю я.

– А я виноват? Это все тетя Поля! Мне тут из-за нее головомойка была. Совсем не до пчел было.

– Ну вот! А теперь там небось ни одной пчелы не осталось, – сказал Павлик. – Наверно, все разлетелись.

– Может быть, хоть немного осталось, – говорит Сережа. – Надо посмотреть.

Я поскорей открыл крышку ловушки, и мы втроем стали заглядывать в нее. В ловушке оказалось еще много пчел. Они начали вылезать вверх. Павлик стал махать на них рукой, чтоб они залезли обратно. Одна пчела вылетела и села мне на руку. Я испугался, уронил крышку и стал трясти рукой, чтоб сбросить пчелу, а она как ужалил меня! Я как заору, как хлопну пчелу рукой и раздавил. Тут остальные пчелы загудели, начали вылетать из ловушки и жалить нас. Павлик испугался – и бегом в комнату. Сережа за ним. Одна пчела ужалила меня в шею, другая вцепилась в волосы. Я тоже побежал в комнату и принялся вытаскивать пчелу из волос, но она все-таки успела меня ужалить в голову. Павлика две пчелы ужалили в шею и одна в губу. Сережу одна пчела ужалила в нос, а другая в затылок.

Мы побежали на кухню и стали мочить укусы под краном. Боль жгла, как каленым железом. Мы принялись вытаскивать друг у друга пчелиные жала. Возились, возились, насили вытаскивали, но боль все-таки не проходила.

– Это все ты виноват! – кричал Сережа на Павлика, – Размахался тут руками! Пчелы не любят, когда на них руками машут.

– А ты потише кричи! – говорит Павлик. – Разве тебя одного ужалили? Меня тоже небось ужалили, да еще в губу!

– А меня в нос ужалили. Знаешь, как больно!

– Подумаешь, в нос! Что тебе носом делать? А мне губой разговаривать надо.

– Можешь не разговаривать.

Они надулись и перестали спорить.

Мы долго молча сидели на кухне, мочили в воде платки и прикладывали их к укусам.

– А ловушка открыта! – сказал вдруг Сережа. Мы побежали в комнату и стали заглядывать на балкон. Ловушка была открыта. Над ней кружилось несколько пчел, но скоро они улетели прочь. Мы вышли на балкон и заглянули в ловушку. Внутри было пусто.

– Все разлетелись! – сказал Сережа.

– А может быть, они еще прилетят обратно? – говорю я.

– Дождись! – ответил с досадой Павлик. В это время на улице показались Толя и Юра. Они увидели нас на балконе и закричали:

– Эй! Вы уже вернулись?

– Вернулись.

– С пчелами или без пчел?

– С пчелами.

Они быстро поднялись к нам:

– Где же пчелы?

– А их уже нет, – говорим. – Улетели.

– Куда улетели?

– Ну, “куда”, “куда”! – рассердился Павлик. – Будто они нам сказали куда!

– Чего же ты сердись? Разве нельзя рассказать спокойно!

Мы стали рассказывать про все, что случилось: и как достали пчел у дедушки, и как они улетели.

– Может быть, удастся достать еще у этого дедушки? – говорит Юра.

– Что ты! – говорим мы. – И просить больше не станем. Он нам дал, а мы уберечь даже не сумели. Не даст он нам больше.

– Что ж делать?

– Подождем. Может быть, прилетят обратно.

Стали мы ждать.

Юра и Толя сидели, сидели, потом им надоело. Они ушли и рассказали всем ребятам о том, что случилось.

Ребята один за другим приходили и расспрашивали нас. Нам даже надоело рассказывать каждому. У Сережи нос красный, как клюква, и распух на одну сторону. У Павлика раздулась губа так, что он сам на себя не похож. А у меня на голове вскочила шишка, и шея тоже распухла.

Мы прождали до обеда, но ни одна пчела не вернулась обратно.

– Наверно, они улетели к себе домой, на пасеку к дедушке, – сказал Сережа.

– Скатертью дорожка! – говорит Павлик. – Если бы они и прилетели обратно, я все равно не стал бы с ними возиться.

– А я, думаешь, стал бы? – говорит Сережа, – Очень мне нужно, чтоб они меня жалили! Я говорю:

– По-моему, это дело неинтересное: с ними возишься, возишься, а они тебя изжалят и улетят. Тут прибежал Юра и закричал:

– Ребята, идите скорее, будем письмо писать!

– Какое письмо?

– Ну, письмо в пчеловодное хозяйство. Нина Сергеевна узнала адрес. Мы напишем письмо, и нам пришлют пчел в посылке.

Павлик говорит:

– Можете писать сами: нас пчелы теперь уже не интересуют

– Почему не интересуют?

– Мы не хотим больше пчелами заниматься. Мы решили это дело бросить.

– Как так? – говорит Юра. – Мы ведь всем звеном взяли за эту работу, а вы не хотите.

– Ну, мы будем какую-нибудь другую работу делать. Разве только эта работа на свете и есть?

Юра стал уговаривать нас, но мы твердо решили:

– Не хотим, вот и все

Так ему и не удалось уговорить нас. Мы теперь хитрые: будем что угодно делать, а с пчелами пусть кто-нибудь другой возится.

## 12 июня

Утром я проснулся и насилу встал с постели.

Шея у меня распухла и болит так, что даже голова не вертится. Если хочется посмотреть в сторону, то приходится поворачиваться всем туловищем. И еще шишка на голове болит. И рука болит.

Я пошел к Павлику. Он сидит дома, а на шее у него компресс из ваты. Мы стали с ним вдвоем ругать пчел за то, что они нас изжалили. Потом пришел Сережа с распухшим носом, и мы стали проклинать пчел втроем. Вдруг прибежал Гриша Якушкин:

– Ребята, пойдемте пчеловодный инвентарь делать.

– Это какой-то инвентарь?

– Будем делать дымарь и сетки, чтоб не изжалили пчелы.

– Нас и так не изжалят, – говорим мы, – мы это дело бросили.

Гриша стал уговаривать нас.

– Нет, – сказали мы. – Пчеловодство нам уже надоело. Мы уже попробовали, а теперь вы сами попробуйте.

– Ну что ж, и попробуем,

– И тоже бросите.

– Не бросим. Мы не такие, как вы!

– А вот увидим.

Гриша обиделся и ушел.

Ну и ладно.

Вот изжалят их пчелы, тогда перестанут храбриться.

### 13 июня

Сегодня шея уже не так болит. Головой можно вертеть, только не очень быстро. Если быстро вертеть, то еще немного болит. У Павлика шея тоже еще болит.

Приходил Гриша и показывал, какой они сделали дымарь. Напустил полную комнату дыму и ушел. Подумаешь! Будто мы дыму не видели!

### 14 июня

Сегодня шея уже совсем не болит. И шишка на голове не болит. Да и шишки никакой нет. Уже прошла шишка, и голова тоже хорошо вертится. Даже махать могу головой. Только зачем мне махать головой? Я ведь не лошадь, чтоб головой махать. Больше ничего интересного не было.

### 15 июня

Утром мы с Павликом пришли к Сереже и стали играть в шашки. Я выиграл у Сережи два раза, а у Павлика только раз, а Павлик у меня выиграл три раза, а у Сережи ни разу, а у меня Сережа тоже выиграл два раза. Вдруг прибежали Женя и Юра:

– Ребята, идите скорее! Пчелы приехали!

– Откуда?

– Ну, посылка пришла. Целый ящик, а в нем пчел видимо-невидимо! Так и кишат! И еще там две рамки с готовыми сотами. Идите скорее, будем пчел в улей сажать. Очень интересно!

Мы вскочили и хотели бежать.

– А! – обрадовался Юра. – Говорили, что вас пчелы не интересуют, а теперь самим интересно!

– И ничуть не интересно, – говорим мы. – Будто мы пчел не видели!

– Видели, да не таких. Наши пчелы хорошие!

– Ну и целуйтесь с ними, если такие хорошие!

– И будем целоваться. А вы еще придете к нам. Юра и Женя ушли. Я говорю:

– Интересно пойти взглянуть, какие это у них там пчелы.

– Не надо, – говорит Павлик – Все скажут, что у нас никакой твердости нет.

– Почему?

– Потому что теперь ребята подумают, будто мы испугались трудностей и бросили дело, а когда за нас другие добились, мы тоже пришли. Раз мы твердо решили бросить, то нужно быть твердыми.

– Правильно, – говорит Сережа. – Мы всем докажем, что у нас есть твердость.

Вечером я пошел домой и стал думать о пчелах. Все-таки пчелы, по-моему, не такие уж плохие. Они честно работают и носят в свой улей мед. И очень дружно живут. Я ни разу не видел, чтоб две пчелы подрались между собой.

### 16 июня

С утра мы сидели у Павлика и играли в шашки. Потом мне надоело играть, и я пошел домой. Дома я опять думал о пчелах. Почему они жалят: от злости или просто так? По-моему, все-таки не от злости.

Пчелы защищаются жалами от своих врагов. Если кто-нибудь нападет на улей, то они его жалят. Они даже медведя изжалят, если он полезет к ним в улей за медом.

И правильно сделают. Ведь они для себя запасают мед, а не для медведей. А людей они жалят, должно быть, по ошибке. Пчелы ведь не знают, что люди не хотят им сделать зла.

Откуда им это знать!

Хотя люди тоже забирают у пчел мед. Но люди ведь забирают не весь мед. Сколько нужно, столько и забирают, а за это люди заботятся о пчелах, делают для них ульи, прячут на зиму в хорошие зимовники.

Если бы люди не заботились о пчелах, то пчелам было бы гораздо хуже. Жили бы они только в дуплах или в каких-нибудь щелках, а теперь они живут в красивых ульях, и, когда им нечего есть, люди даже подкармливают их сахарным сиропом.

Поэтому пчелам не нужно обижаться на людей, а людям не нужно обижаться на пчел, если пчелы их жалят.

Чтобы пчелы не жалили, нужно надевать сетки и подкуривать пчел дымом. Вот и все будет хорошо!

А мы полезли к пчелам без сеток, за что и были наказаны.

### 17 июня

Сегодня Павлик сделал из бумаги голубя и стал пускать по комнате. А Сережа сделал голубя и пустил его с балкона прямо на улицу. Голубь кувыркался в воздухе, кувыркался и упал прямо посреди мостовой. Мы все трое стали мастерить голубей и пускать с балкона. У меня один голубь перелетел через улицу и упал на крышу дома напротив. А у Сережи голубь упал на автомобиль, который ехал по улице, и уехал на этом автомобиле. Потом мне стало скучно, и я пошел домой. Дома на меня почему-то напала тоска. Вот я сижу и хандрю, и ничего делать не хочется.

### 18 июня

Опять делали голубей и пускали с балкона, только это нам быстро надоело. Мы стали играть в шашки, но шашки тоже быстро надоели. Тогда мы стали играть в другие разные игры, но они тоже нам все надоели.

Сережа сказал, что ему скучно, и ушел домой. Мне тоже уже не хотелось играть. Я пошел домой, и снова на меня напала тоска. Я стал думать, что такое тоска и откуда она берется. Может быть, тоска – это скука? Нет, по-моему, тоска не скука. Если скучно, то можно поиграть во что-нибудь, и скука пройдет, а если у человека тоска, то ему даже играть не хочется.

По-моему, тоска нападает от безделья. Когда делаешь какое-нибудь полезное дело, то никогда не бывает тоски. А когда целый день бездельничаешь или занимаешься какой-нибудь чепухой, то потом становится досадно, что потерял время зря. По-моему, тоска – это досадная скука. Вот это что такое!

### 19 июня

Павлик с утра хандрил и не хотел ни во что играть. После обеда он куда-то пропал. Мы с Сережей обыскали весь двор, облазили все чердаки, сараи – нигде не нашли. Тогда мы решили, что он пошел к кому-нибудь из ребят, и перестали его искать. Потом нам стало скучно. Сережа сказал:

– Если бы мы работали вместе с ребятами на пасеке, нам не было бы скучно. Я говорю:

– Давай, пока Павлика нет, пойдем и посмотрим на пчел.

Сережа обрадовался:

– Пойдем скорей, пока не вернулся Павлик, а то он скажет, что у нас не хватило твердости.

Мы поскорей пошли в школьный сад и еще издали увидели улей. Возле улья сидела какая-то фигура и пялила глаза на пчел. Мы подошли ближе и увидели, что эта фигура был Павлик.

– А, – закричали мы, – так вот какая у тебя твердость! Нам сказал, что не нужно интересоваться пчелами, а сам сидишь тут и интересуешься! Разве так товарищи поступают?

Павлику стало стыдно.

– Я, – говорит, – нечаянно сюда зашел. Шел, шел и зашел.

– Сказки! – говорим мы. – Просто захотел на пчел посмотреть!

– Честное слово, ребята! Зачем мне на них смотреть? Совсем незачем!

– Зачем же ты смотришь, если незачем?

– А вы сами чего пришли?

– А мы тоже шли, шли и зашли. Видим – ты тут сидишь, ну и зашли на тебя посмотреть.

– Врете! У вас, наверно, твердости не хватило, вот вы и пришли на пчел посмотреть.

– У нас, – говорим, – твердости больше, чем у тебя: ты первый пришел.

Мы стали спорить, у кого больше твердости – у нас или у него. Тут сзади слышались шаги. Мы обернулись и увидели Юру. Он услышал, о чем мы спорили, и говорит:

– У вас у троих нет никакой твердости,

– Почему?

– Потому что вы начали работать и бросили на полпути. У кого есть твердость, тот не бросает работы, несмотря ни на какие трудности.

– А мы и не бросили, – говорит Павлик. – Мы просто отдохнуть хотели немножко, а теперь снова будем работать.

– Вот и хорошо! – говорит Юра. – Вы себе сделайте сетки и приходите. Будете работать со всем звеном. А сейчас уходите, чтобы пчелы не изжалили,

– Мы немножко посмотрим и уйдем, – сказал Павлик. Мы потихоньку присели возле улья и стали смотреть на пчел. Они выползали одна за другой из летка и улетали за медом. Другие пчелы, наоборот, откуда-то прилетали, садились на прилетную доску и заползали в улей. Возле летка все время толпились пчелы.

Вот и ожил наш улей! На него было радостно смотреть. Потом мы пошли домой, достали марли и проволоки и стали делать сетки. С этим делом мы возились до вечера, и сетки у нас получились хорошие. И никакой скуки не было.

## 20 июня

Вот сегодня какой счастливый день! Наше звено в полном составе собралось с утра на пасеке. Все ребята принесли сетки, а Юра принес дымарь. Мы насобирали в саду гнилушек и положили в дымарь. Юра разжег их и начал раздувать. Дымарь работал исправно.

Мы открыли улей и заглянули внутрь. Батюшки, сколько там было пчел! Они вплотную друг к дружке сидели на рамках. Некоторые пчелы стали вылезать на рамки вверх, но Юра сейчас же стал пускать на них дым, и они спрятались обратно.

Потом Толя вынул одну рамку из улья. И вот тут-то мы увидели, как пчелы строили соты. Они делали из воска такие длинные шестиугольные трубочки и лепили их одну рядом с другой, так что получались сплошные ряды трубочек, или ячеек.

Мы поскорей поставили рамку на место, чтоб не мешать пчелам работать.

Удивительные насекомые пчелы – как они ловко умеют строить соты! Глядя на соты, просто не верится, что их делают обыкновенные пчелы, до того эти соты правильные и красивые. Конечно, многие другие животные тоже очень умные, например собаки. Но никакая собака не смогла бы сделать такие соты!

## 21 июня

Сегодня к нам на пасеку пришла Галя и принесла фотоаппарат. Она сказала, что снимет нас вместе с ульем. Все ребята выстроились позади улья, только нам с Сережей и Павликом не досталось места. Мы стали позади ребят, но там нас не было видно. Тогда мы уселись впереди улья. Галя навела аппарат, щелкнула – и готово! Занятное дело фотография! Щелкнут тебя, а потом – в проявитель. Я раз видел, как проявляют карточки. Болтают, болтают, сначала ничего нет, а потом – батюшки, человек лезет!

Интересно, какая получится карточка. Только я очень боюсь, что выйду безглазый, потому что моргнул, когда Галя щелкнула аппаратом. У меня уже был такой случай: нас снимали всем классом, а я моргнул, вот и получился на карточке с закрытыми глазами, как будто сплю сидя. Меня тогда все ребята ругали; “Эх ты, тетеря сонная! Всю карточку испортил!”

Будто я виноват!

## 22 июня

Вот какая досада! Еще не готова карточка! Галя говорит, пленка еще не просохла. Мы стали спрашивать, хорошо ли мы получились. Она говорит:

– Вот завтра сделаю карточку, увидим. Я очень волнуюсь: слепой я или с глазами? И как это меня угораздило моргнуть в такое время! Скорее бы завтра пришло!

## 23 июня

Карточка готова! Все ребята хорошо получились, только я вышел с открытым ртом. Не понимаю, как это меня угораздило раскрыть рот! Все хорошо, и глаза есть, а рот раскрыт. Ребята снова бранят меня:

– Зачем тебе понадобилось рот разевать?



– Я нечаянно.  
– “Нечаянно”! Ты бы еще язык высунул!  
– А вам-то что? Ведь вы хорошо получились.  
– Мы-то хорошо, а ты весь вид портишь.  
– Чем же я его порчу?  
– Да сидишь тут с разинутым ртом, как акула! Тогда я стал просить Галя:  
– Галя, нельзя ли мне чем-нибудь рот замазать? Ну, пожалуйста!  
– Чем же его замазать? – говорит Галя, – По-моему, ты хорошо получился. Очень похож.  
– Да, – говорю я, – похож! Разве я такой? Я красивый.  
– Ну, ты и здесь очень красивый.  
– И совсем не красивый! Здесь у меня какой-то глуповатый вид получился.  
– Вообще не глуповатый. Просто рот чуть-чуть приоткрыт, потому что ты улыбаешься, а вид нормальный. Очень даже умный вид.

Это Галя, наверно, нарочно сказала, чтоб меня утешить. А может быть, у меня на самом деле умный вид, только мне самому незаметно? Не знаю... Только на карточках я почему-то всегда получаюсь плохо. В жизни-то я очень красивый, а как только снимусь, обязательно не такой. Вот и на этой карточке. Рот ладно уж, это я сам виноват, а нос почему такой? Разве у меня такой нос? У меня нос хороший, а здесь он задирается кверху, вроде запятой. А уши? Разве у меня уши торчат, как самоварные ручки? Ну ничего Все-таки я немного похож. Можно узнать, что это я снят, а не кто-нибудь другой. Какое-то сходство есть. Главное – улей хорошо вышел. И мы с Сережей и Павликом впереди всех, на самом виду.

Когда мы пошли домой, Сережа сказал:

– И зачем мы вперед вылезли? Даже неудобно как-то! Можно подумать, что мы самые главные в этом деле.

– Да, – говорит Павлик, – дела не сделали, даже бросили, а когда и без нас все вышло, так мы вперед лезем. Теперь все про нас будут думать, что мы хвастуны.

Дома я думал о хвастовстве. Что такое хвастовство? Почему люди хвастают? Вот, например, некоторые воображают, что они очень хорошие, и всем твердят, какие они хорошие. А зачем об этом твердить? Если ты хороший, то и без слов видно, что ты хороший, а если ты нехороший, то сколько ни тверди, все равно тебе не поверят. А то есть еще такие люди, которые воображают, что они очень красивые, и всем об этом рассказывают. А чего об этом говорить, если и так видно, красивый ты или некрасивый. А то еще попадаются такие люди, которые воображают, что они страшно умные, и вот они болтают, болтают, даже о том говорят, чего сами не понимают. И вот тут-то все видят, умные они или неумные. По-моему хвастовство – это просто глупость. Глупому всегда почему-то кажется, что он лучше других, а умный понимает, что другие еще, может быть, лучше его, значит, и хвастаться нечем.

## 24 июня

Сегодня Нина Сергеевна научила нас сделать поилку для пчел.

Нужно взять бочонок, налить в него воды и устроить затычку так, чтоб вода сочилась по капле. Снизу под бочонком нужно поставить наклонно дощечку. Вода будет растекаться по дощечке, и пчелы будут пить прямо с нее.

Мы стали думать, где взять бочонок. Гриша сказал, что у них на чердаке есть старая бочка. Мы пошли к нему. Он попросил у мамы разрешения взять бочку. Мама позволила.

Бочка была тяжелая. Мы насилу стащили ее с чердака и покатали по улице. Вдруг Федя навстречу:

– Вы куда бочку тащите?  
– На пасеку. Будем делать поилку для пчел.  
– С ума сошли! Куда им столько воды?  
– Ничего, – говорит Юра. – Выпьют.

Мы приволокли бочку на пасеку и стали таскать в нее воду, а бочка разохлась, и вся вода из нее выливалась, как сквозь решето. Мы уже думали, что придется ее выбросить, но Галя сказала:

– Надо хорошенько размочить бочку. Когда клепки разбухнут, она перестанет течь.

Мы снова принялись таскать воду.

Сколько воды мы в эту бочку влили! Ведер сто или, наверно, двести. Сначала вода выливалась сквозь щели, но постепенно бочка разбухла и к вечеру уже была наполовину с водой.

Завтра будем снова воду таскать.

## 25 июня

За ночь бочка разбухла и совсем перестала течь. Мы наносили в нее воды доверху, а потом пришлось всю эту воду вылить, потому что бочка стояла на земле, а ее нужно было поставить на подставку, повыше. Мы вылили воду, вбили в землю четыре столбика, поставили на них бочку и снова натаскали в нее воды. Потом устроили затычку так, чтоб вода капала на дощечку. Скоро на дощечку села пчела и стала тыкать своим хоботком в воду, которая растекалась по доске. Через некоторое время и другие пчелы проведали, что для них здесь поилка устроена. Они стали прилетать и пить воду. А мы смотрели на них и радовались.

Потом у нас был сбор отряда. Галя рассказала о работе нашего звена. Весь отряд заинтересовался нашей работой, а ребята из второго звена сказали, что бросят на огороде работать и присоединятся к нам.

– А вот это уж не годится, – сказала Галя. – Кто же будет на опытном огороде работать?

– Ну, мы будем и на огороде работать и будем приходить на пасеку изучать пчел, – сказали ребята.

– Это дело другое! – сказала Галя. – Приходите, пожалуйста, только и своего дела не оставляйте. Добивайтесь, чтоб был большой урожай.

## 26 июня

Сегодня мы следили, куда летают наши пчелы за медом. Оказывается, они летают на опытный огород. Там уже зацвели огурцы, кабачки и тыквы. Все грядки усеяны желтенькими цветами. Пчелы все время жужжат вокруг. Они летают низко над землей и залезают в чашечки цветов.

Одна пчела залезла в цветок тыквы и так извалялась в пыльце, что стала вся желтая. Другие пчелы летают куда-то через улицу, но за ними нельзя проследить, потому что они летают высоко над домами. Должно быть, они летают в парк.

## 27 июня

Юра принес в стакане немного меда и решил угостить пчел. Он налил меда на стеклышко и положил его недалеко от улья. Пчелы летали мимо и не замечали, что на земле лежит для них угощение. Тогда Женя поймал одну пчелу стаканом и осторожно перенес ее в стакане прямо на стеклышко с медом. Пчела увидела мед и начала его есть. Мы стали следить за ней. Пчела наелась меда и полетела обратно в улей. Через некоторое время из улья вылезла другая пчела, подлетела к меду и стала есть. Наевшись, она улетела, а минуточки через две из улья снова вылетела пчела и полетела прямо к стеклышку с медом, как будто она заранее знала, что там приготовлен для нее мед. Мы удивились: откуда она знает, что на стеклышке мед?

– Наверно, ей рассказала та пчела, которую Женя поймал стаканом, – говорю я.

Все стали надо мной смеяться:

– Разве пчелы могут между собой разговаривать?

– Что же, по-вашему, пчела сама догадалась, что здесь лежит мед?

– А может, она и не догадалась, просто летела мимо и увидела мед.

Когда пчела улетела, Федя сказал:

– А что, если спрятать мед?

Мы поскорей взяли стеклышко с медом и спрятали. Вдруг из летка вылезла пчела и полетела прямо к тому месту, где раньше лежал мед. Она увидела, что мед куда-то исчез, и принялась жужжать и кружиться над этим местом. Тут уж все убедились, что пчела знала про мед. Значит, ей кто-то сказал! Она долго кружилась и не хотела никуда улетать. Тогда мы положили стеклышко с медом на прежнее место. Пчела быстро нашла мед, наелась и улетела. Мы взяли стеклышко, положили его шага на два в сторону и стали следить. Следующая пчела вылезла из улья и полетела не туда, где лежало стеклышко, а на старое место. Она даже как будто удивилась, когда не нашла меда, а долго кружилась в воздухе, пока не нашла стеклышко с медом на новом месте. Зато следующая пчела полетела сразу на новое место.

– Ага! – обрадовался я. – Значит, ей уже сообщили, что мед на новом месте лежит.

Мы следили за пчелами до конца дня. Каждый раз, когда мы перекладывали мед на новое место, пчелы не могли его сразу найти; если же мед оставался на старом месте, пчелы быстро находили его. В конце концов всем стало ясно, что пчелы разговаривают между собой.

Вечером я пошел домой и стал думать, как пчелы разговаривают. Если они разговаривают, как люди, то у них должен быть во рту язык. Только разве разглядишь у них во рту язык? Они ведь маленькие. А потом я подумал, что если пчелы разговаривают, то у них должны быть уши, потому что как же ты услышишь, о чем говорят, если безухий?

Завтра обязательно посмотрю, есть ли у пчел уши.

## 28 июня

У пчел ушей нет. Я очень внимательно рассматривал пчелу, но никаких ушей не заметил. По-моему, пчелы совсем ничего не слышат. Я нарочно кричал на пчел, но они не обращали на мои крики никакого внимания.

Сегодня к нам на пасеку пришла Нина Сергеевна. Мы рассказали ей о наших опытах с пчелами. Нина Сергеевна тоже захотела посмотреть. Мы поймали пчелу и посадили на стеклышко с медом. Пчела поела меду и улетела в улей, а через несколько минут из улья снова вылетела пчела и полетела прямо к меду.

– Вот видите! – обрадовались мы. – Значит, она узнала от первой пчелы, что здесь лежит мед.

– А ну-ка, давайте пометим эту пчелу, – сказала Нина Сергеевна.

Мы не поняли, как это пометить пчелу. Нина Сергеевна объяснила, что нужно взять немножечко краски и поставить на спинке пчелы отметку. Толя быстро сбегал домой и принес краски и кисточку.

Как только к меду прилетела пчела, он быстро мазнул ее по спине белой краской. Пчела так увлеклась медом, что даже не заметила, как ее покрасили. Она только тогда улетела, когда наелась как следует меду. Мы стали ждать, что будет дальше. Вдруг, смотрим, из улья опять вылезает эта же самая пчела с белой отметинкой и летит прямо к меду. Мы подумали, что она еще не наелась как следует, и стали смотреть, как она ест.

Наконец она наелась и снова полетела в улей. Через несколько минут она прилетела снова и опять стала есть мед.

– Куда она столько ест? Ведь она в конце концов лопнет от жадности!

– Она вовсе не ест, – объяснила Нина Сергеевна. – Она набирает в хоботок меду, относит его в улей и складывает в соты. Пчелы всегда так поступают. Если какая-нибудь пчела найдет мед, она сейчас же начнет переносить его в свой улей.

Мы стали следить за нашей пчелой с белой отметинкой и увидели, что она то и дело подлетает к стеклышку и, набрав меду, улетает в улей. Тут нам стало понятно, что и вчера на наше стеклышко с медом летала только одна пчела, а мы подумали, что это все разные.

– Значит, пчелы вовсе не разговаривают друг с другом? – спросили мы.

– Разговаривать, как люди, пчелы, конечно, не могут, – сказала Нина Сергеевна, – но все-таки пчелы могут кое-что сообщить друг другу. У них есть свой пчелиный язык. Вот вы понаблюдайте за ними, может быть, вам удастся подметить, как они это делают.

## 29 июня

Сегодня мы решили исследовать, найдет ли пчела дорогу к себе домой, если ее занести куда-нибудь далеко от улья.

Я поймал стаканом одну пчелу, а снизу под стакан подсунул кусочек картона, чтобы пчела не могла улететь. Теперь нужно было пометить пчелу краской и занести куда-нибудь далеко. Я сказал ребятам, что отнесу пчелу домой, помечу ее там и выпущу с балкона.

Ребята остались ждать и следить, когда помеченная пчела прилетит обратно в улей, а я понес пчелу домой. Я нарочно держал стакан повыше, чтоб пчела замечала дорогу. Снизу стакан был закрыт картоном, так что пчела не могла удрать, а сквозь стакан ей все было видно.

Потом я пришел домой и стал думать, как мне пометить пчелу, чтоб она не улетела прежде, чем я поставлю у нее на спинке отметку краской. Тогда я решил покормить пчелу медом и, пока она будет есть, пометить ее. Я поставил на балконе блюдечко, налил в него капельку меду и поставил стакан с пчелой на блюдечко. Скоро пчела увидела мед и стала его есть. Я осторожно снял стакан и мазнул пчелу по спине краской. Пчела не испугалась и продолжала есть мед. Потом она улетела, а я пошел на пасеку, чтоб узнать, прилетела пчела обратно или нет. Я вышел на улицу и пошел поскорее. Вдруг навстречу Сережа.

– Прилетела! – кричит. – Уже прилетела! Мы принялись прыгать от радости посреди улицы. Вот какая пчела! Маленькая, а все-таки не заблудилась. Нашла дорогу в свой родной улей! Сережа говорит:

– Давай стакан, мы поймаем еще одну пчелу и снова сделаем опыт.

А я стакан дома забыл. Побежали мы домой за стаканом. Я хотел убрать с балкона блюдечко, вдруг смотрю – прилетела пчела, села на блюдечко и давай есть мед. Мы присмотрелись к ней, а у нее на спине пометка краской.

– Да это ведь та же пчела! – догадался я. – Это она снова прилетела за медом.

– Вот так пчела! – говорит Сережа. – Она не только нашла дорогу домой, но даже

запомнила, что здесь мед лежит, и прилетела еще раз!

– Подождем. Может быть, она еще прилетит, – говорю я. Мы стали ждать. Минут через десять пчела прилетела снова. До вечера она раз двадцать прилетала за медом. Удивительное насекомое! Какая-нибудь муха наелась бы меду и улетела, а пчела не пожалела труда. Она и сама поела и своим товарищам отнесла меду. Очень хорошее насекомое! Таких, как пчелы, надо уважать.

### 30 июня

Мы удивлялись: почему, если мед положить далеко от улья и посадить на него пчелу, то пчела запоминает место, на котором нашла мед, и прилетает снова, а если мед положить близко от улья, но не сажать на него пчел, то пчелы сами не могут его найти. Нина Сергеевна сказала:

– Сделайте такой опыт. Возьмите два стеклышка, налейте на них меду. Одно стеклышко положите прямо на землю, а другое положите на кусочек цветной бумаги и следите, на какое стеклышко раньше сядет пчела.

Мы так и сделали. Одно стеклышко с медом положили прямо на траву, а под другое стеклышко положили кусочек голубой бумаги. Сначала пчелы летали мимо и не замечали меда. Вдруг на стеклышко с голубой бумагой села пчела и стала есть мед. Мы пометили пчелу краской. Через некоторое время эта же пчела прилетела снова, а потом на это же стеклышко с голубой бумажкой прилетела еще одна пчела, без отметки. Мы и ее пометили краской. Часа через два на стеклышко с голубой бумажкой летало пять пчел, а на стеклышко без бумаги пчелы не обращали никакого внимания.

– Голубая бумага заметнее, поэтому пчелы, должно быть, и садятся на нее, – сказал Витя.

– Правильно, – сказала Нина Сергеевна. – Теперь вам понятно, для чего у растений бывают красивые, яркие цветы – красные, синие, желтые?

– Для чего? – не поняли мы.

– Неужели не догадались?.. Для того, чтобы привлекать пчел и других насекомых.

– Зачем же растениям привлекать пчел? – говорю я.

– Чтобы пчелы помогали опылению. Чем больше пчел и других насекомых будет прилетать на цветы, тем лучше растение опыляется и размножается.

Нина Сергеевна рассказала, что не все растения опыляются насекомыми. Есть такие растения, которые опыляются ветром, например рожь. У ржи цветочки совсем маленькие, незаметные, даже на цветы не похожи, потому что им вовсе не нужно привлекать пчел и других насекомых.

Потом я пошел домой и стал думать о том, как удивительно все в природе устроено. Раньше я думал: почему цветы такие красивые? А теперь оказывается, что цветы красивые не просто для красоты. У тех растений, которые опыляются насекомыми, большие, красивые цветы нужны для того, чтобы насекомые быстрее находили их и помогали опылению. Значит, красота нужна не только для красоты, а и для пользы.

### 1 июля

Продолжаем опыты с пчелами. Сегодня мы взяли два кусочка бумаги, красный и синий, налили на них меду и посадили пчелу на синюю бумагу, а на красную не посадили пчелы. Пчела стала прилетать и носить мед в улей с синей бумаги. Каждый раз она прилетала и садилась только на синюю бумагу, хотя красная лежала рядом и на ней тоже был мед. Тогда мы поменяли местами обе бумажки. Пчела прилетела, увидела, что вместо синей бумаги лежит красная, и не стала на нее садиться. Она покружилась, увидела синюю бумажку и села на нее. Тогда мы отнесли синюю бумажку немного подальше, но пчела все-таки отыскала ее.

Мы делали опыты с разными цветными бумажками и заметили, что пчела всегда летит на тот цвет, на котором она нашла мед. Значит, пчелы не только различают цвета, но даже запоминают тот цвет, на котором нашли мед. Это очень хорошо, что у пчел такая способность. Она помогает им собрать побольше меду.

Завтра Гриша и Федя уезжают в пионерлагерь. Сегодня они попрощались со всеми ребятами и сказали, что завтра уже не придут на пасеку. Федя сказал, что ему жалко расставаться с пчелами, даже в лагерь ехать не хочется. А мы сказали, что пчелы и без него проживут. Нечего ему выдумывать!

### 2 июля

Чем больше мы смотрим на пчел, тем больше удивляемся. С виду пчелы – это как будто все равно что мухи. Но куда там мухам до пчел! Что такое мухи? Мухи – это безмозглые балаболки. Они только жужжат, лезут, куда их не просят, надоедают людям да еще заразу разносят. А пчелы – это совсем другой народ! Они всегда занимаются нужным делом, работают дружно, каждая трудится не только для себя, а для всех. И чего только они не делают! Сегодня приходим на пасеку, смотрим – что за непонятная картина! Несколько пчел уселись в летке и машут изо всех сил своими крылышками. Сначала мы подумали, что они просто к доске прилипли и не могут взлететь. Мы согнали их, но они снова уселись возле летка и давай махать крылышками. Мы побежали к Нине Сергеевне и рассказали об этом. Нина Сергеевна сказала:

– Сегодня день очень жаркий, и в улье стало душно, вот пчелы и решили проветрить помещение. Они машут крылышками и гонят в улей свежий воздух. Это у них вентиляция такая.

Вот какие пчелы, даже вентиляцию выдумали! И еще у меня сегодня была радость: мои мама и папа пришли на пасеку и смотрели на наших пчел.

### 3 июля

Опять жаркий день. Пчелы снова проветривают улей. А у поилки что творится! Пчелы одна за другой вылетают из улья и летят к поилке, а напившись, тут же летят обратно в улей. В воздухе как будто цепочка из пчел. Одна цепочка тянется от улья к поилке, другая – от поилки к улью.

Мы смотрели на них и удивлялись: почему пчелы, напившись воды, не летят за медом, а тут же возвращаются в улей?

Нина Сергеевна сказала, чтоб мы пометили краской пчел, которые прилетают пить воду. Толя принялся мазать краской всех пчел, которые прилетали к поилке.

Меченые пчелы улетали в улей, а из улья вылетали новые пчелы и летели к поилке. Толя мазал их всех по очереди. Вдруг мы заметили, что из улья вылезла одна меченая пчела и полетела к поилке, за ней другая, третья... Скоро мы увидели, что к поилке летают одни только меченые пчелы и помечать больше некого.

– Да это какая-то водяная бригада! – закричал Федя. – Эти пчелы, наверно, не пьют, а носят зачем-то воду в улей.

– Это так и есть, – сказала Нина Сергеевна. – В жаркую погоду часть пчел всегда носит в улей воду для тех пчел, которые заняты работой внутри.

– Разве те пчелы сами не могут вылететь из улья, чтобы попить? – спросил я.

Нина Сергеевна объяснила нам, что у пчел есть разделение труда. Молодые пчелы, которые еще не научились разыскивать цветы, работают в улье: строят соты, следят за чистотой, проветривают помещение, кормят детву, а старые пчелы летают за медом, носят в улей воду, когда очень жарко.

– Жалко, что нельзя посмотреть, как там в улье пчелы работают, – сказал Женя.

Нина Сергеевна сказала, что бывают такие ульи со стеклянными стенками, сквозь которые можно наблюдать, как работают пчелы.

Мы решили, что, когда у нас будет несколько ульев, мы обязательно сделаем один со стеклянной стенкой.

### 4 июля

Сегодня Нина Сергеевна сказала:

– Скоро зацветет липа. Надо нам приготовиться к главному медосбору.

– А что такое главный медосбор? – спросили мы.

– Это такая пора, когда зацветает сразу много цветов: цветет на полях клевер или гречиха, зацветает акация, или клен, или ветла. Как раз в это время пчелы делают самые большие запасы меда. Это и есть главный медосбор.

– А у нас ведь нет ни клевера, ни гречихи, – говорим мы.

– Зато у нас много липы. У нас будет главный медосбор с липы.

Нина Сергеевна научила нас сделать для улья надставку, которая называется магазином. Этот магазин – как будто второй этаж улья. В него ставят добавочные рамки, чтобы пчелам было куда складывать мед, когда начнется большой медосбор.

Мы сделали для улья надставку, а Нина Сергеевна сказала, чтоб мы следили, когда начнет цвести липа.

Как только липа зацветет, мы поставим на улей надставку.

## 5 июля

Липа еще не зацвела. Я нарочно залез на дерево, чтобы проверить, но цветы еще не распустились.

Галя увидела и говорит:

– Ты зачем по деревьям лазишь? Слезай сейчас же вниз! Я говорю:

– Я цветы проверяю.

– Для этого не надо по деревьям лазить, и так будет видно.

Но я все-таки проверил как следует. Вдруг прозеваем!

## 6 июля

Я уже давно заметил, что в летке улья постоянно сидят две или три пчелы.

Другие пчелы прилетают и улетают, а эти сидят и никуда не уходят. Я долго думал, что это за пчелы.

А сегодня в улей пытался пробраться шмель. Он жужжал вокруг улья, жужжал – наверно, искал какую-нибудь дырку, чтоб залезть в улей и полакомиться медом. Дырки он так и не нашел и полез прямо в леток. Тут эти три пчелы набросились на него и стали прогонять.

Он пустился от них удирать, но они догнали его и стали жалить. И правильно! Зачем он позарился на чужой мед! Пчелы ведь не для него собирают мед. Кто работает, тот и ест мед, а кто не работает, тому не надо давать меда.

А потом я подумал: “Может быть, эти пчелы нарочно сидят в летке и караулят, чтобы к ним не пробрались какие-нибудь разбойники?” Я спросил Нину Сергеевну. Нина Сергеевна сказала, что я правильно угадал.

Все-таки, оказывается, у меня голова кое-что умеет соображать.

Нина Сергеевна рассказала, что пчелы не жалеют жизни, защищая свой родной улей. Если на улей нападет даже такой большой зверь, как медведь, все пчелы бросаются на него и жалят.

Только если пчела ужалит кого-нибудь, то она не может вытащить жало, а без жала пчела обязательно умирает.

Вот какие храбрые пчелы!

## 7 июля

Вот какое большое научное достижение! Сегодня Женя Шемякин изобрел способ наблюдать пчелиную жизнь внутри улья. Он взял зеркальце и пустил в леток солнечный зайчик. Солнечный зайчик осветил внутренность улья, и пчелы стали видны. Только всем сразу нельзя смотреть, потому что леток маленький и можно смотреть только одному человеку. Все ребята смотрели по очереди, и я никак не мог дождаться. Передо мной стал смотреть Витя Алмазов. Я все просил, чтоб он пустил меня, а он все “подожди” да “подожди”. Целый час, наверно, смотрел! Потом говорит:

– На, смотри.

Я взял у него зеркальце и стал пускать в улей зайчик, но солнце уже перешло на другую сторону, и зайчик не попадал в леток.

Я говорю:

– Что же ты дал зеркало, когда солнце ушло?

– А я виноват, что оно ушло?

Вот и поговори с ним! Такая жадина! Завтра возьму зеркало, приду раньше всех и захвачу место у улья. Пусть тогда попросят меня.

Дома читал газету. В газете была статья про мед. Оказывается, мед – лечебное вещество. У кого больной желудок, или сердце, или легкие, или нервы, или еще что-нибудь, всем надо есть мед, и они быстро поправятся. А если у кого-нибудь нарыв или чирей, то надо намазать его медом и завязать тряпочкой, и чирей быстро пройдет.

## 8 июля

Вот какая досада! Сегодня нарочно пришел на пасеку с зеркалом, а солнышка нет. За весь день солнце не выглянуло ни разу. Не везет мне!

Потом у нас был сбор отряда. Все звенья рассказывали о своей работе. Мы рассказали о наших опытах с пчелами, а звеньевой второго звена Шура рассказал о работе на опытном огороде. Он сказал, что у них будет очень большой урожай огурцов; гораздо больше, чем в прошлом году. Это, конечно, потому, что в прошлом году пчел не было, а в этом году наши

пчелы собирали на огуречных цветах мед и помогали опылению.

### 9 июля

Наконец-то солнышко выглянуло! Я надел на голову сетку, на руки натянул рукавицы, чтоб пчелы не жалили, уселся возле улья и стал пускать зеркальцем зайчик в леток. Батюшки, что там в улье творилось! Пчелы копошатся на сотах, лазят по ним вверх и вниз, для чего-то залезают в ячейки, потом вылезают обратно. Когда солнышко начало припекать, пчелы снова стали вентилировать улей. Они махали крылышками не только в летке, но и внутри улья. Некоторые пчелы сидели прямо на сотах и изо всех сил работали крыльями. Каждая пчелка – как будто маленький вентилятор. Мне очень хотелось увидеть пчелиную детву, но сколько я ни смотрел, ни одной маленькой пчелки не видел.

Вечером я сказал Нине Сергеевне, что у наших пчел нет никакой детвы.

– А какая, по-твоему, пчелиная детва? – спросила Нина Сергеевна.

– Ну, это такие маленькие пчелки, совсем-совсем крошечные, – говорю я.

Нина Сергеевна засмеялась и говорит:

– Нет, пчелиная детва не такая. Вот мы завтра откроем улей, я вам покажу пчелиную детву.

Я сказал всем ребятам, чтоб приходили завтра смотреть пчелиную детву.

### 10 июля

Все наше звено собралось с утра на пасеке. Скоро пришла Нина Сергеевна и стала рассказывать, как пчелы выводят детву. Оказывается, что пчелы строят ячейки из воска не только для того, чтобы складывать в них запасы меда, но и для того, чтобы выводить в них детву. В каждой пчелиной семье есть одна самая большая пчела – матка. Пчелиная матка ничего не делает в улье, только кладет яйца. Остальные пчелы не могут класть яйца, они только работают и поэтому называются рабочими пчелами. Пчелиная матка может отложить за день до двух тысяч яиц. Она откладывает яйца в пустые восковые ячейки. Каждая ячейка – это как будто гнездышко, в котором лежит яйцо.

Нина Сергеевна велела нам открыть улей и вынула из него одну рамку. Мы стали рассматривать соты. Сначала нам показалось, что соты пустые, но Нина Сергеевна сказала, что в них лежат яйца. Мы присмотрелись и увидели, что на дне каждой ячейки лежит крошечное яйцо. Каждое яйцо не больше макового зернышка, только маковое зернышко черное, а яйцо белое.

\* \* \*

Мы никак не могли понять, как из таких маленьких яиц выходят пчелы, но Нина Сергеевна сказала, что из яиц выходят не пчелы, а личинки, то есть такие маленькие червячки или гусенички, только без ножек. Нина Сергеевна нашла на сотах ячейки, в которых из яиц уже вывелись личинки, и показала их нам. Одни личинки были совсем маленькие, другие побольше. Они свернулись калачиком и лежали на дне ячеек.

– Вот эти личинки и есть пчелиная детва, – сказала Нина Сергеевна.

Мы удивились. А Толя сказал:

– Какая же это детва? Они когда вырастут, из них получатся какие-нибудь червяки или гусеницы. Что с ними будут делать пчелы?

Нина Сергеевна сказала:

– Когда личинка вырастет, она превращается в куколку, а из куколки через несколько дней уже выходит сразу настоящая большая пчела.

Еще Нина Сергеевна рассказала, что, кроме рабочих пчел, в ячейках выводятся молодые матки и трутни. Для молодых маток пчелы делают большие, просторные ячейки. Перед тем как должна вывестись молодая матка, часть пчел вместе со старой маткой улетает из улья, и получается рой. Если рой посадить в другой улей, то получится новая пчелиная семья. Трутни немного крупнее рабочих пчел. Рабочие пчелы – это самки, а трутни – самцы. Меда трутни не собирают, а едят за четверых. Когда приходит зима, пчелы прогоняют всех трутней из улья, чтоб они не уничтожали запасов меда.

Сегодня вечером я долго думал о пчелах. Сначала я решил, что пчелы – это все равно что птицы: у птиц есть крылья, и у пчел крылья; птицы несут яйца, и пчелы тоже откладывают яйца. Только из птичьих яиц сразу выводятся птенцы, а у пчел сначала выводятся какие-то личинки или гусеницы. Значит, пчелы – не птицы. Что же такое пчелы? Я думал, думал и решил, что пчелы – это все равно, что бабочки. У бабочек тоже есть крылья, бабочки тоже

откладывают яйца, а из яиц выводятся гусеницы, а из гусениц получаются куколки, а из куколок получаются снова бабочки. Это я точно знаю, потому что у меня в прошлом году жила в ящике большая мохнатая гусеница, которая в один прекрасный день превратилась в куколку. И вот эта куколка лежала-лежала, и в один еще прекрасный день из нее вышла большая, замечательно красивая бабочка. Значит, и пчелки – это такие маленькие бабочки.

## 11 июля

Сегодня был очень хороший, солнечный день. Утром я прихожу на пасеку, а Толя уже сидит возле улья с маленьким зеркальцем, заглядывает одним глазом в верхний леток и потихоньку смеется.

- Чего ты смеешься? – спрашиваю я.
- Они танцуют.
- Кто танцует?
- Пчелы.
- С ума, – говорю, – спятил!
- Посмотри сам.

Я взял у него зеркальце и стал смотреть в леток.

Одна пчела бегала вприпрыжку по сотам. Она поворачивалась то в одну сторону, то в другую, то быстро вертелась. Вдруг другая пчела бросилась следом за ней, и они стали вертеться вместе. Следом за второй пустилась плясать третья пчела.

Я не выдержал и громко рассмеялся.

- Все время так, – сказал Толя. – Я за ними уже давно слежу.

Я пустил зайчик в нижний леток и увидел на дне улья настоящий хоровод. Одна пчела бегала впереди, а за нею вприпрыжку мчалась целая вереница пчел. Первая пчела вертелась в разные стороны, описывала круги, а остальные пчелы в точности повторяли ее движения.

Повертевшись на месте, первая плясунья перелетела в другое место и начала снова плясать. Постепенно к ней присоединились другие пчелы, и опять получился пчелиный хоровод.

Тут пришли остальные ребята. Мы стали показывать им, как пляшут пчелы.

– Что же это происходит? – говорит Витя. – Может быть, у них тут какой-нибудь пчелиный праздник? Все засмеялись:

- Разве у пчел бывают праздники?

Мы побежали к Нине Сергеевне и стали спрашивать, почему пчелы пляшут. Нина Сергеевна сказала, что, когда какая-нибудь пчела находит место, где цветет много цветов, она возвращается в улей и начинает плясать. Этим она дает знать другим пчелам, что надо лететь за медом. Во время танца остальные пчелы обнюхивают первую пчелу и по запаху узнают, на каких цветах она брала мед. После этого пчелы вылетают из улья и летят туда, откуда доносится запах этих цветов.

– В особенности часто пчелы танцуют во время главного медосбора, – сказала Нина Сергеевна. – Вы проверьте, может быть, уже зацвела липа.

Мы скорей побежали к школе. Во дворе перед школой росли большие старые липы. Мы посмотрели вверх и увидели, что пчелы во множестве летают вокруг деревьев и садятся на цветы.

Мы увидели, что липа уже зацвела, побежали на пасеку а поставили на улей надставку. Пчелы до вечера продолжали плясать в улье.

Одна пчела так расплясалась, что выскочила на прилетную доску и там еще продолжала плясать, а потом улетела за медом.

Вечером я пошел домой и стал думать о пчелах. Так вот какой пчелиный язык! Когда пчелам нужно сообщить друг другу, что надо лететь за медом, они просто пляшут. Конечно, пчелы не могут сказать, куда нужно лететь за медом, а только по запаху узнают дорогу. Значит, у них хорошее обоняние, гораздо лучше, чем у людей. В этом, конечно, ничего удивительного нет, собаки тоже очень хорошо умеют находить дорогу по запаху, но зато собаки не умеют плясать. Правда, хорошую собаку тоже можно научить танцевать, но все-таки никакая собака не поймет, что если другая собака пляшет, то это значит, что нужно лететь за медом. А пчелы это хорошо понимают.

Потом я еще о цветах думал: почему цветы пахнут? Неужели они пахнут для того, чтобы людям было приятно их нюхать? Нет, наверно, они пахнут для того, чтобы пчелы скорее находили их и помогали опылению. Ведь растениям выгодно, чтобы побольше пчел и других насекомых прилетало на цветы.

И потом еще вот что: для чего в цветах сладкий сок? Может быть, тоже для того, чтобы приманивать насекомых? Ведь если бы сладкого сока не было, зачем бы пчелы стали летать



на цветы?

Завтра спрошу у Нины Сергеевны, правильно я думаю или нет.

### 12 июля

Я спросил Нину Сергеевну, и она сказала, что я додумался правильно.

Вот, оказывается, какой я умный – до чего сам додумался! Теперь всегда буду думать о разных вещах. Все-таки у меня хорошие результаты получаются от думанья.

Сегодня у нас на пасеке работа кипит вовсю. Пчелы жужжат так, что в воздухе стоит непрерывный гул, как на текстильной фабрике, куда нас Галя водила на экскурсию в позапрошлом месяце. Пчелы носятся туда и сюда. Они как будто спешат нанести побольше меду, пока цветет липа. На прилетной доске возле летка толкучка: одни пчелы лезут из улья, чтоб поскорей лететь за медом, другие уже прилетели и лезут навстречу в улей, чтобы сложить добычу. А на деревьях их сколько! Тысячи! Все деревья облепили. Мы и не думали, что у нас столько пчел.

Нина Сергеевна рассказала, что во время главного медосбора в улье бывает до восьмидесяти тысяч рабочих пчел, а в некоторых очень сильных семьях – даже до ста тысяч.

Подумать только – сто тысяч! Это как людей в большом городе. А что такое улей? Это и есть пчелиный город.

### 13 июля

Кипит работа! Пчелы носятся, как эскадрильи самолетов. Возле летка по-прежнему суета. А внутри улья и сегодня танцы. Будто на самом деле праздник. А может быть, это и есть праздник у пчел – праздник Медосбор? Пчелы ведь должны радоваться, когда много меду. Поработают, зато на зиму будут запасы.

### 14 июля

Вот так чудо чудное! Про наше звено написали в газете! Утром мы пришли на пасеку, вдруг смотрим – бежит Витя, а в руках у него газета.

– Ребята! – кричит он. – Посмотрите, про нас в газете написано!

Мы посмотрели, а в газете карточка, на которой мы все сняты с ульем, и напечатано, как мы сделали улей и стали разводить пчел. И все наши фамилии напечатаны. Даже сказано, в какой мы учимся школе.

Мы скорей побежали к киоску и стали покупать газеты. Все купили себе по газете, а мы с Павликом купили даже по две. Потом мы стали думать, кто же это про нас написал. Юра говорит:

– Это, наверно, Галя. Ведь она нас снимала. Должно быть, это она послала в газету нашу фотокарточку и написала статью.

Мы побежали к Гале и спросили ее. Оказалось, что это на самом деле написала Галя. Мы стали говорить ей спасибо.

Галя говорит:

– За что же мне спасибо? Ведь вы сами сделали улей, сами работали, себя и благодарите.

Все побежали показывать газеты домой. Мы с Сережей и Павликом тоже пошли. Павлик сказал:

– А вот нам-то и благодарить себя не за что!

– За что же нам благодарить себя – мы пришли на готовое, – говорит Сережа. – Нам надо ребят благодарить за то, что они дела не бросили.

– За что же про нас в газете написано?

– Ни за что. Мы просто случайно попали.

– Чем же нам гордиться тогда?

– Да и гордиться нечем! Это ребята могут гордиться: они дела не бросали.

– Как же так? – говорит Павлик. – Ведь и про нас будут в газете читать. “Вот, – скажут, – хорошие ребята!” А мы разве хорошие?

– Я лучше никому не буду газету показывать, – сказал Сережа.

– Я тоже, – говорит Павлик.

Не знаю, показывали они кому-нибудь газету или нет, а я показал. И маме, и папе, и дяде Васе, и тете Наде. Потом пошел всем соседям показывать. Все хвалили меня, хвалили. Мне даже совестно стало. Я вернулся домой и стал думать, почему мне совестно, и что это за совесть такая, и зачем она людей мучит. Почему, когда сделаешь хорошо, совесть не мучит, а

когда сделаешь плохо, так мучит?

По-моему, совесть – это что-то вроде человека внутри человека. Только этот человек очень хороший и не любит, когда делают плохо. Когда я сделаю что-нибудь плохое, он упрекает меня. Конечно, это только я так думаю про этого человека внутри человека, потому что внутри человека нет никакого человека... Разве кто-нибудь другой упрекает меня? Это я сам упрекаю себя. Значит, я сам своя совесть. Вот что такое совесть! Совесть – это я сам. За что же я упрекаю себя?.. За то, что перед соседями хвастался. Может быть, соседи подумали, что я важная птица, а на самом деле я самый простой человек. В следующий раз не буду хвастаться, если хвастаться нечем.

### 15 июля

Слава про наш улей разнеслась по всей школе. Сегодня к нам приходили ребята из младших классов и даже из старших. Все расспрашивали нас про пчел, а мы показывали им наш улей и рассказывали, как обращаться с пчелами. Ребята сказали, что будут приходить учиться у нас пчеловодному делу. Потом пришел один незнакомый дяденька:

- Это вы те ребята, про которых в газете написано?
- Мы, – говорим мы.
- Неужели у вас пчелы живут?
- Живут.

Он присел возле улья и долго смотрел на пчел. Потом сказал:

- Ишь ты, какая удивительная вещь!

И пошел домой.

Вот! Даже взрослые начинают интересоваться нашей работой. А если бы в газете не было написано, то никто и не знал бы про нас.

### 16 июля

Сегодня к нам приходили двое ребят из другой школы. Они читали про наше звено в газете и пришли посмотреть, как сделан улей, чтоб и у себя в школе устроить. А потом опять пришел тот гражданин, который вчера приходил. Он снова долго сидел возле улья и разговаривал с нами, а потом его укусила пчела, и он ушел.

### 17 июля

Вот как быстро разносится слава! Сегодня на пасеку пришла Галя и говорит:

- Подите, ребята, в школу: там вам письмо пришло.

Мы удивились: кто же это мог нам письмо написать? Потом побежали в школу, взяли письмо и стали читать. Вот что там было написано. Я нарочно решил переписать его себе в дневник на память:

"Здравствуйте, дорогие ребята юные пчеловоды! Примите наш пламенный ученический привет. Пишут вам ученики ремесленного училища мебельного комбината. Мы прочитали про вас в газете и хотим познакомиться с вами посредством письма и наладить связь. Ваша работа очень понравилась нам, и у нас появилась охота тоже заняться пчеловодством. Просим сообщить нам размеры улья и, по возможности, прислать чертежик. Мы деревообделочники, будущие столяры-мебельщики, Уже умеем делать табуретки, скамейки, столы, а с будущего года начнем делать гнутую мебель. Думаем, что улей мы сумеем хорошо сделать и даже другим ребятам, какие захотят, можем тоже наделать ульев. Еще сообщите, где можно достать пчел. Еще раз примите наш пламенный, горячий привет! Не считите за труд ответить. Пишите как можно скорее. Ждем с нетерпением ответа. Поздравляем с великим достижением и желаем вам новых больших успехов в работе".

Как раз в этот день у нас был сбор отряда. Галя прочитала письмо на сборе, и мы все решили написать ребятам ответ.

Написали все как следует, даже улей нарисовали и сообщили адрес пчеловодного хозяйства, чтобы ребята знали, откуда выписать пчел.

### 18 июля

А сегодня вдруг снова пришло еще одно письмо. Прислал его какой-то совсем маленький мальчишка. Только он хоть и маленький, а письмо сумел хорошо написать. Нам всем оно очень понравилось. Я и это письмо решил списать в свой дневник. Вот что там было написано:

"Здравствуйте, милые друзья пионеры и школьники! Я к вам с просьбой. Очень прошу

сообщить. Милые друзья! Уже с прошлого года я занимаюсь пчеловодством и стараюсь развести пчел в коробке. Только, сколько я ни стараюсь, ничего у меня не выходит. Пчелы не хотят у меня жить и улетают от меня. Я кладу им в коробку меду и сахару, но они поедят меду и улетят из коробки. А вчера я поймал в саду десять пчел, а сегодня они удрали от меня. А у меня мечта – накопить пчел побольше, чтобы, когда я подрасту, можно было устроить улей или хотя бы два, потому что я решил стать пасечником. Сообщите мне, милые друзья, как вы делаете, чтобы пчелы не улетали от вас, а то я еще маленький и, может быть, делаю что не так. И еще сообщите, милые друзья, кусают ли вас пчелы. Меня они кусают, но я терплю, как на войне раненые бойцы терпят. До свиданья, милые друзья. Писал Митя Ромашкин. Жду ответа, как соловей лета!”

Мы прочитали это письмо, и нам стало очень смешно, а потом мы вспомнили, как сами собирались ловить пчел по одной, и перестали смеяться и написали Мите Ромашкину все, что сами знали о пчелах и как нужно с ними обращаться, чтоб они жили в улье.

Мы долго писали ответ, и письмо получилось длинное, а потом мы пошли па пасеку.

## 19 июля

Вот так дела пошли! Каждый день по письму! Сегодня пришло письмо мне. На конверте так и написано: “Коле Синицыну – знаменитому пчеловоду”. У меня даже задрожали руки, когда я получил это письмо. Я поскорей распечатал его и начал читать:

“Здравствуйте, дорогой незнакомый друг Коля Синицын! Вы, может быть, удивитесь, что Вам пишет совсем незнакомая девочка, которой Вы вовсе не знаете, а может быть, и не интересуетесь знать, так как Вы теперь человек известный, про которого даже в газете написано. Я, конечно, как и другие, узнала про Вас из газеты, в которой напечатана карточка, где Вы сняты со всем звеном, и написано про Вашу работу.

Мы прочитали эту газету на сборе звена и решили последовать Вашему примеру и заниматься этой интересной работой.

Вы, может быть, улыбнетесь, читая эти строчки моего письма, потому что некоторые мальчики презрительно относятся к девочкам и воображают, что девочки ничего не могут, а мальчики могут всё. И вот мы решили доказать всем мальчикам, что девочки ничуть не хуже их, и тоже хотим разводить пчел. Может быть, многим из нас это пригодится в жизни, и мы на своей школьной пасеке будем изучать пчеловодство, а когда вырастем, будем работать колхозными пчеловодками. И вот все звено поручило мне написать Вам письмо и спросить, как Вы сделали улей и развели пчел. А я решила написать лично Вам, потому что мне понравилась Ваша фамилия, и Вы, наверно, мальчик добрый и не откажете в нашей просьбе.

А теперь до свиданья.

С пионерским приветом пионерка Люся Абанова”.

Я сначала не знал, стоит ли писать этой девчонке ответ, но все ребята сказали, что надо написать, и Галя тоже сказала, чтоб я обязательно написал, потому что раз девочки хотят работать, так надо им помочь, и это будет очень нехорошо, если я не отвечу.

Тогда я пошел домой и стал писать ответ. Целый час корпел над письмом, потому что мне хотелось написать получше и не ударить, как говорится, в грязь лицом. В конце концов я написал все как следует.

Очень красивое письмо получилось. Мне даже самому понравилось. Все ребята сказали, что не стыдно такое письмо посылать.

## 20 июля

Сегодня к нам опять приходили ребята, а потом пришел тот гражданин, которого в прошлый раз укусила пчела. Мы очень боялись, как бы его снова пчела не ужалила, и дали ему сетку, чтобы он надел на голову. Гражданин надел на голову сетку, а когда пришла Нина Сергеевна, он стал ее спрашивать:

– Скажите, пожалуйста, что, этот улей – просто для изучения или от него может быть польза?

– И для изучения, и польза будет, – сказала Нина Сергеевна.

– Какая же, скажите, пожалуйста, польза? Разве в городе можно пчел держать?

– Почему же нет? В городе растет очень много медоносных растений. В парках, в садах, на бульварах, даже просто на улицах и во дворах растут такие медоносы, как клен, липа, акация, ветла, черемуха и многие другие. Кроме того, пчелы могут летать за добычей очень далеко. Они могут вылетать из города и собирать мед в окрестных полях. Это раньше думали, что пчел можно держать только в деревне, а теперь даже в таких больших городах, как Москва, живут пчеловоды, которые держат пчел.

– Ну, если так, то я тоже начну разводить пчел, – сказал гражданин. – Да вот беда – у меня ульи поставить негде.

– Почему же негде? – спросила Нина Сергеевна. – Для ульев всегда можно найти подходящее место. Если нельзя поставить во дворе, то поставьте на балконе, или на чердаке, или же просто в сарае.

– Ах, так? Ну, если так, то конечно. А я и не знал, что ульи можно на балконе поставить. Скажите пожалуйста! Вот как далеко шагнула наука!

Гражданин поблагодарил Нину Сергеевну, сказал, что еще придет поучиться у нас, и ушел с нашей сеткой на голове. Пришлось его догнать и напомнить, чтоб сетку отдал.

## 21 июля

Сегодня было очень жарко, и пчелы почему-то плохо работали. Они выкучивались из летка и целой гроздью висели на прилетной доске, прицепившись друг к дружке. У улья получилась как будто борода из пчел. Эта “борода” висела, висела, а потом пчелы залезли обратно в улей, и “борода” пропала. Потом они снова вылезли, и опять получилась “борода”. Наконец они спрятались в улей и сидели до вечера.

## 22 июля

Мы с Сережей и Павликом пришли с утра на пасеку и увидели, что пчелы снова стали выкучиваться из летка. Мы думали, что им опять захотелось повисеть “бородой”, но пчелы кучей взлетели кверху и стали кружиться над ульем. Они громко жужжали, а за ними вслед вылетели другие пчелы. Из улья началось повальное бегство. Мы испугались и спрятались за дерево, а пчелы тучей летали по саду и гудели так, что, наверно, за версту было слышно.

– Что это они, взбесились? – говорит Павлик.

– Да ведь это рой! – догадался Сережа.

– Верно! Куда же мы его будем сажать?

– Надо принести ведро, – говорю я.

– Так бегите скорей домой, а я буду следить, куда сядет рой, – говорит Павлик.

Мы с Сережей выбежали за ворота и во весь дух помчались по улице. Я прибежал домой и принялся искать ведро, но не нашел и схватил вместо него большую картонную коробку от радиоприемника. Прибегаю назад с коробкой, смотрю – возле улья никого нет, а Сережа как угорелый бегаёт по саду с ведром.

– Где же Павлик? – спрашиваю я.

– Не знаю. Я уже весь сад обыскал. Нигде нет.

– А рой где?

– И роя нет.

Мы остановились и стали осматриваться. Тут из-за забора высунулась голова Павлика и сказала:

– Ну, чего вы стоите там? Идите скорее сюда!

Мы скорее перелезли через забор в соседний двор. Сережа зацепился ногой за забор и уронил ведро. Оно с грохотом покатилося на землю.

– Тише ты! – зашипел Павлик. – Испугаешь ведь рой!

– А где он?

– Вот, разве не видишь?

Тут мы увидели рой. Он гроздью висел на ветке дерева. Все пчелы слепились плотным комком, и только две-три пчелы летали вокруг, будто не могли пристроиться к общей куче.

– Ну, давайте скорее ведро, – говорит Павлик.

– Может быть, их лучше в коробку собрать? – говорю я. – Коробка побольше ведра.

– Ладно, давай коробку.

Я осторожно поднес коробку под рой. Павлик сильно потрянул веткой, и весь рой моментально свалился в коробку. Я сейчас же закрыл ее крышкой.

– Есть! – говорю. – Теперь они никуда не улетят. Мы перелезли обратно через забор и увидели, что на пасеку пришли остальные ребята.

– Идите скорее посмотреть! – закричал я. – У нас рой.

– Где рой?

– А вот, в коробке.

– Где вы его взяли?

– Из улья вылетел.

Ребята заглянули в коробку и удивились:

– Вот так чудо! Значит, у нас вторая пчелиная семья будет! Надо поскорей новый улей

делать.

Мы принесли инструменты и в спешном порядке стали делать новый улей. Пришла Нина Сергеевна. Мы показали ей рой в коробке. Нина Сергеевна посмотрела и говорит:

– Не вовремя рой вылетел,

– Почему не вовремя?

– Потому что сейчас большой медосбор. Когда пчелы роются, они плохо работают и мало собирают меда.

– Ничего, – говорим мы. – Нам много меду не нужно. Пусть лучше будет побольше пчел.

К вечеру мы сделали улей, поставили в него несколько рамок с вощиной и перенесли из старого улья одну рамку с личинками и одну рамку с медом, чтоб у новой пчелиной семьи сразу было свое хозяйство. Потом мы вытряхнули из коробки весь рой прямо в улей на рамки, накрыли улей крышей и пошли домой.

Мы с Сережей и Павликом очень довольны, потому что если бы не мы, то рой улетел бы. Значит, и от нас тоже бывает польза.

### 23 июля

Вчера Нина Сергеевна сказала, чтоб мы внимательно следили за новой пчелиной семьей, так как рой иногда не приживается на новом месте и может улететь, чтоб найти для себя другое жилище. Сегодня мы нарочно пришли пораньше и стали следить.

И вот мы увидели, как из нового улья вылетела первая пчелка. Она обернулась в воздухе головкой к летку, как будто старалась запомнить, откуда она вылетела, потом стала кружиться в воздухе, как будто для того, чтобы запомнить место, где стоит улей, а потом уже улетела прочь. Тут стали вылетать и другие пчелы. Все они сначала кружились около улья, а потом улетали. Мы очень беспокоились, найдут ли пчелы дорогу в свой новый дом или полетят, по привычке, в старый улей, но через некоторое время пчелы стали возвращаться назад. Мы очень обрадовались. Значит, пчелам понравилось их новое жилище.

### 24 июля

С утра мы снова пришли на пасеку и любовались на своих пчел. Работа кипит в обоих ульях. Но в новом улье пчелы работают активнее. Каждая пчелка не теряет времени даром, а как только выползет из летка, сейчас же расправляет крылышки и быстро летит за медом.

Нина Сергеевна сказала, что рой в новом улье всегда проявляет большую энергию, потому что пчелам надо успеть построить гнездо и собрать побольше меду на зиму.

### 25 июля

Дует ветер. Небо хмурится. Солнышко то выглянет, то спрячется в тучи. Иногда начинает накрапывать дождь. Пчелы в старом улье сидят и не хотят никуда вылетать. Но в новом улье работа не прекращается. Как только солнышко выглянет, пчелы начинают вылетать за медом. Молодцы! Пусть стараются.

Федя и Гриша вернулись из лагеря. Вот как быстро время прошло! Ну и удивились же они, когда увидели, что у нас теперь уже два улья. Они думали, что мы выписали еще одну пчелиную семью, но мы рассказали им, что это вылетел рой. Потом мы показали им газету с карточкой и письма, которые нам прислали ребята. Они очень обрадовались. Гриша сказал:

– Ну и дела пошли, а мы и не знали, что тут творится!

### 26 июля

Совсем плохая погода. Почти весь день шел дождь. Обе пчелиные семьи сидели в ульях и не летали за медом. Нам было скучно без пчел. Галя сказала, что сегодня мы всем нашим отрядом пойдем в кино смотреть новую картину.

После обеда Галя взяла на всех билеты, и мы ходили в кино.

### 27 июля

Вот и окончился главный медосбор. Липа уже отцвела. Теперь пчелам придется разыскивать какие-нибудь цветы в разных местах. Тут уж не наберешь много меду. Мы стали бояться, что новая пчелиная семья останется на зиму без меда, но Нина Сергеевна сказала, что ей можно будет уделить часть меда из старого улья. Мы проверили запасы меда, и оказалось, что меда хватит на обе семьи.

– Только вам самим уж не придется в этом году поесть своего меда, – сказала Нина Сергеевна.

– А мы и не хотим меда, – говорим мы. – Пусть лучше пчелам останется. Ведь они сами трудились, значит, это их мед.

– Вот и прекрасно, – сказала Нина Сергеевна. – Зато у пчел будут достаточные запасы на зиму. Пчелы хорошо перезимуют, а на следующий год соберут столько меда, что и для вас останется.

– Вот тогда-то мы и попробуем своего меда! – сказал Павлик.

– А где же будут зимовать наши пчелы? Для них, наверно, надо зимовник сделать? – спросил Юра.

– Один или два улья могут зимовать в хорошем сухом погребе или просто в землянке, – сказала Нина Сергеевна. – Под землей пчелам будет хорошо.

Мы решили с завтрашнего дня приняться за постройку землянки, чтоб нашим пчелам было помещение на зиму.

## 28 июля

С утра все ребята собрались на пасеке, и мы приступили к постройке землянки. Мы решили сначала выкопать в саду яму, потом накрыть эту яму досками, а сверху засыпать землей, чтобы внутрь не пробрался холод. Мы принесли лопаты и стали копать яму.

Земля была твердая. Мы провозились до вечера, но зато яма получилась хорошая. Юра придумал развести в яме костер, чтобы стены хорошенько просохли и в зимовнике не было сырости. Мы натаскали хворосту и разожгли в яме большой костер.

Все ребята разбрелись по саду, стали собирать сухие ветки и подбрасывать их в огонь. Скоро стемнело. Костер догорел. Мы забрались в яму, убрали золу, а потом уселись на дне и стали мечтать. Вверху над нами чернело небо, а на нем сверкали яркие звездочки. Ветер шумел в ветвях деревьев, а у нас в яме было тепло и уютно.

– А я буду скучать по пчелам зимой, – сказал Гриша. – Я к ним очень привык и люблю их за то, что они такие хорошие маленькие труженики.

– Я тоже буду скучать по пчелам зимой, – сказал Федя.

– До зимы еще далеко, – ответил Толя. – А зимой мы будем учиться, и скучать будет некогда.

– А ведь правду сказал нам дедушка-пчеловод: “Кто начнет заниматься пчеловодством, тот никогда не бросит этого дела”, – сказал Павлик. – Вот я, например, – я уже твердо решил: когда вырасту, обязательно стану пчеловодом на колхозной пасеке. У меня будет много ульев, штук сто или двести. Скорее даже двести, чем сто!

– Тебе хорошо, – ответил Федя. – А мне как быть? Ведь я уже решил сделаться инженером, чтобы строить мосты, тоннели, каналы...

– Ну и что же? – говорю я. – Будь себе инженером, а дома у тебя будут ульи. Они ведь не помешают тебе.

– Конечно, – говорит Витя. – Вот я, например, буду художником и пчеловодом. Разве нельзя сразу по двум специальностям работать?

– Художнику хорошо! – ответил Женя. – А мне-то как быть? Я хочу быть летчиком.

– Ну и будь летчиком, – говорю я. – Не будешь же ты по целым дням на самолете летать. Полетаешь, полетаешь и домой прилетишь, посмотришь на своих пчел и опять полетишь куда надо.

– А если на несколько дней понадобится куда-нибудь лететь?

– Несколько дней пчелы и без тебя проживут. Они сами о себе могут заботиться. Им не нужна нянька,

– Летчику-то еще ничего, – сказал Юра. – Я вот хочу быть матросом или капитаном на пароходе, а пароход как уйдет в дальнее плавание, чуть ли не на весь год!

– А ты улей поставь на палубе, – говорю я. – Пусть он и стоит себе. Пока плывешь по морю или по океану, затыкай леток, чтобы пчелы не разлетелись, а как остановишься у берега, выпускай пчел, чтоб они на берегу покормились. Вот и хорошо будет.

Так мы разговаривали, и я всем доказал, что каждый может заниматься пчеловодством: и летчик, и шофер, и машинист, и шахтер. А потом я пошел домой и стал думать, как же мне самому быть. Ведь я уже решил работать в Арктике, а разве в Арктике могут жить пчелы? Там ведь нет ни цветов, ни деревьев, одни только льды да белые медведи. А потом я подумал, что, наверно, пока я вырасту, люди насадят в Арктике цветов и деревьев, так что и там можно будет разводить пчел. А если к тому времени не успеют насадить, то я сам насажу, а пока цветы вырастут, буду кормить пчел сахарным сиропом.

Обязательно разведу в Арктике пчел!

29 июля

Мы думали, что нам больше не будет писем, а сегодня вдруг снова письмо. Мы с утра пришли на пасеку, только Юра Кусков не пришел. Вдруг, смотрим, Юра бежит и размахивает конвертом в руке. Оказывается, он заходил в школу и получил письмо. Мы поскорей распечатали конверт и стали читать письмо вслух. Вот что там было написано:

"Дорогие друзья пионеры и школьники! Пишут вам пионеры из колхоза "Ленинский путь". Мы прочитали про вас в газете и решили написать вам письмо. Дорогие ребята, нам очень совестно, что мы, колхозные пионеры, еще не устроили у себя пришкольную пасеку, в то время как вы, городские ребята, уже начали эту работу и у вас уже есть улей. Дорогие друзья, мы эту нашу ошибку исправим и уже договорились с колхозом, и колхоз выделяет для нашей школьной пасеки два улья с пчелами. Так что пасека у нас будет. Но не думайте, дорогие друзья, что мы все время сидели сложа руки и ничего не делали.

Наш колхоз находится далеко в степи. Природа у нас суровая: зимой трещат невыносимые морозы, дуют метели и надувают столько снега, что мы даже в школу ходим на лыжах. Летом дуют сильные суховеи, так что все сохнет и земля от жары трескается. Чтобы победить засуху, наши колхозники насаждают леса. Мы тоже решили в этом деле помочь родному колхозу и уже собрали шесть мешков отборных желудей для посадки дуба. Мы боремся с вредителями сельского хозяйства – сусликами. В этом году наш пионерский отряд уничтожил полторы тысячи сусликов и спас от гибели пятнадцать тонн зерна, так как каждый суслик съедает за лето до десяти килограммов зерна. И еще мы взяли шефство над колхозным телятником. У каждого пионера теперь есть по два подшефных теленка. Мы следим, как растут и развиваются наши подшефные четвероногие. При школе у нас есть сад и опытный огород. Все мы работаем в саду и на огороде и добиваемся, чтобы был большой урожай.

Дорогие ребята, мы знаем, что вы в городе тоже работаете – сажаете цветы и деревья, устраиваете сады и парки, а вот теперь, оказывается, даже начали разводить пчел. И это очень хорошо, дорогие друзья! Давайте еще лучше будем работать, вы там, а мы здесь, чтобы наша любимая Родина процветала и покрылась зеленью и садами, чтоб всего было много и всему нашему народу жилось хорошо, как учит нас наша партия.

На этом мы кончаем свое письмо. До свиданья, дорогие друзья! К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!"

Мы прослушали письмо до конца, и все, как один, ответили:

– Всегда готовы!

А потом я пошел домой и стал думать об этом письме. Я долго думал и увидел, что мы, городские ребята, еще очень мало сделали и нам нужно еще очень много работать, чтобы сравняться с колхозными пионерами. Мне очень понравилось их письмо, и я решил переписать его в свой дневник на память. И вот я писал, писал – написал все, что здесь написано, и тут только заметил, что мой дневник кончается и мне негде больше писать.

Ну что ж, когда-нибудь я куплю еще одну толстую тетрадь и снова буду писать дневник. А сейчас на этом конец.

Писал пионер Коля Синицын.



Николай Носов «Весёлая семейка»

#### Аннотация

*Эта книжка поведает юным читателям о весёлых приключениях ребят-непосед.*

## Важное решение

Это случилось после того, как взорвалась паровая машина, которую мы с Мишкой делали из консервной банки. Мишка слишком сильно нагрел воду, банка лопнула, и горячим паром ему обожгло руку. Хорошо, что Мишкина мама тут же намазала ему руку нафталановой мазью. Это очень хорошее средство. Кто не верит, пусть сам попробует. Только мазать нужно сейчас же, как обожжёшься, пока не сошла кожа.

После того как машина лопнула, Мишкина мама запретила нам с ней возиться и выбросила её в мусорный ящик. Пришлось нам некоторое время слоняться без дела. Скука была смертельная.

Началась весна. Снег таял повсюду. По улицам журчали ручьи. Солнышко уже по-весеннему светило в окна. Но ничто нас не радовало. Такой уж у нас с Мишкой характер — нам обязательно нужно какое-нибудь занятие. Когда нечего делать, мы начинаем скучать и скучаем до тех пор, пока не находим какого-нибудь дела.

Один раз я прихожу к Мишке, а он сидит за столом, носом уткнулся в какую-то книгу, голову обхватил руками и ничего на свете, кроме этой книги, не видит и даже не замечает, что я пришёл. Я нарочно хлопнул погромче дверью, чтобы он обратил на меня внимание.

— А, это ты, Николадзе! — обрадовался Мишка. Он никогда не называл меня по имени. Вместо того чтобы сказать просто «Коля», он называет меня то Никола, то Ми-кола, то Микула Селянинович, то Миклухо-Маклай, а один раз даже стал называть по-гречески Николаки. Словом, что ни день, то новое имя. Но я не обижаюсь. Пусть себе зовёт, если ему это нравится.

— Да, это я, — говорю я. — А что это у тебя за книжка? Чего ты в неё вцепился, как клещ?

— Очень интересная книга, — говорит Мишка. — Я её сегодня утром в газетном киоске купил. Я посмотрел: на обложке — петух и курица и написано «Птицеводство», а на каждой странице какие-то курятники и чертежи.

— Что же тут интересного? — говорю я. — Это какая-то научная книжка.

— Вот и хорошо, что научная. Это тебе не какие-нибудь сказки. Тут все правда. Это полезная книга.

Мишка такой человек — ему обязательно надо, чтоб от всего была польза. Когда у него бывают лишние деньги, он идёт в магазин и покупает какую-нибудь полезную книжку. Один раз он купил книгу, которая называется «Обратные тригонометрические функции и полиномы Чебышёва». Конечно, он ни слова в этой книжке не понял и решил прочитать её потом, когда немножечко поумнеет. С тех пор эта книга лежит у него на полке — ждёт, когда он поумнеет.

Мишка отметил страницу, на которой читал, и закрыл книжку.

— Тут, брат, про все есть, — сказал он, — как разводить кур, уток, гусей, индюков.

— Уж не собираешься ли ты разводить индюков? — спросил я.

— Нет, что ты! Просто интересно почитать про это. Оказывается, можно устроить такую машину — инкубатор, и цыплята сами будут выводиться, без курицы.

— Кто же этого не знает! — говорю я. — В прошлом году я был с мамой в колхозе и видел инкубатор. Там цыплята выводились каждый день штук по пятьсот или по тысяче. Их насилу успевали вынимать из инкубатора.

— Что ты говоришь! — удивился Мишка. — А я раньше не знал об этом. Я думал, что цыплят всегда высидивает курица. Когда мы жили в деревне, я видел, как наседка высидивает цыплят.

— Я тоже видел наседку. Но инкубатор гораздо лучше. Под наседку положишь десяток яиц — и все, а в инкубатор можно заложить сразу тысячу.

— Я знаю, — говорит Мишка. — Здесь про это написано. И потом, пока курица сидит на яйцах и воспитывает цыплят, она не несёт яиц, а если цыплят высидивает инкубатор, курица всё время несётся, и яиц получается гораздо больше.

Мы стали высчитывать, сколько лишних яиц получится, если все куры не станут высидивать цыплят, а вместо этого будут нести яйца. Оказалось, что курица высидивает цыплят двадцать один день, потом она выращивает маленьких цыплят, так что пройдёт три месяца, прежде чем она снопа начнёт нестись.

— Три месяца — это девяносто дней, — сказал Мишка. — Если бы курица не высидивала цыплят, она смогла бы снести за год на девяносто яиц больше. В каком-нибудь маленьком хозяйстве, где всего десять кур, за год получилось бы на девятьсот яиц больше. А если взять такое хозяйство, как колхоз или совхоз, где на птицеферме тысяча кур, то там получится на девяносто тысяч больше яиц. Подумать только — девяносто тысяч!



Мы долго рассуждали о том, какая польза получается от инкубатора. Потом Мишка сказал:

— А что, если нам самим сделать маленький инкубатор, чтоб в нём вывелись из яиц цыплята?

— Как же мы это сделаем? — говорю я. — Ведь это все надо знать, как делать.

— Ничего хитрого нет, — говорит Мишка. — В книжке тут всё написано. Главное, чтобы яйца нагревались ровно двадцать один день подряд, и тогда из них выведутся цыплята.

Мне вдруг очень захотелось, чтоб у нас были маленькие цыплята, потому что я очень люблю всяких птиц и зверей. Осенью мы с Мишкой даже записались в кружок юннатов и работали в живом уголке, а потом Мишка придумал делать эту паровую машину, и мы перестали ходить на кружок. Витя Смирнов, который был у нас старостой, сказал, что вычеркнет нас из списка, если мы не будем работать, но мы сказали, что будем, и он не вычеркнул.

Мишка принялся рассказывать, как будет хорошо, когда у нас выведутся маленькие цыплята.

— Они будут такие хорошенькие! — говорит он. — Можно будет отгородить им угол на кухне, и пусть они там живут, а мы будем кормить их и ухаживать за ними.

— Но ведь придётся три недели возиться, пока они выведутся! — говорю я.

— Чего возиться? Сделаем инкубатор — они и выведутся. Я задумался. Мишка с беспокойством поглядывал на меня. Я видел, что ему очень хочется взяться поскорее за дело.

— Ну ладно! — говорю я. — Делать нам все равно нечего, попробуем.

— Я так и знал, что ты согласишься! — обрадовался Мишка. — Я и сам взялся бы за это дело, да без тебя мне скучно.

### Неожиданное препятствие

— Давай не будем делать инкубатор, а положим яйца в кастрюлю и поставим на печку, — предложил я.

— Что ты, что ты! — замахал Мишка руками. — Печка остынет, и тогда все пропало. В инкубаторе должна быть всё время одинаковая температура — тридцать девять градусов.

— Почему тридцать девять?

— Потому что такая температура бывает у курицы, когда она сидит на яйцах.

— Разве у курицы бывает температура? — говорю я. — Температура бывает у человека, когда он болен.

— Много ты понимаешь! Температура есть у каждого человека — и у больного и у здорового, только у больного она повышается.

Мишка раскрыл книгу и стал показывать чертежи;

— Вот смотри, как настоящий инкубатор устроен. Здесь — бак с водой. От бака проведена трубка к ящику с яйцами. Внизу бак нагревается. Нагретая вода проходит по трубке и обогревает ящик с яйцами. Здесь вот градусник, чтоб можно было следить, какая температура.

— Постой, — говорю я, — где же мы возьмём бак?

— А зачем нам бак? Вместо бака возьмём консервную банку. Ведь нам небольшой инкубатор надо.

— А чем нагревать? — спрашиваю я.

— Нагревать можно керосиновой лампой. У нас где-то в сарае есть старая керосиновая лампа.

Мы пошли в сарай и стали рыться в куче рухляди, которая лежала в углу. Тут были старые ботинки, калоши, сломанный зонтик, очень хорошая медная трубка, множество бутылок и старых консервных банок. Мы перерыли всю кучу, но лампы там не было, а потом я увидел, что она стояла вверху на полке. Мишка полез и достал её. Лампа вся была покрыта пылью, но стекло было цело, а внутри оказался даже фитиль. Мы обрадовались, взяли лампу и медную трубку, выбрали хорошую, большую консервную банку и потащили все это на кухню.

Сначала Мишка вычистил лампу, налил в неё керосину и попробовал зажечь. Лампа горела исправно. Фитилёк можно было подкручивать и делать пламя то больше, то меньше.

Мы потушили лампу и принялись мастерить инкубатор. Первым делом мы сколотили из фанеры большую коробку, чтобы в неё поместилось штук пятнадцать яиц. Эту коробку мы выложили внутри ватой, а поверх ваты обили ещё войлоком, чтобы яйцам было теплей. Сверху к коробке приделали крышку с дырочкой. В эту дырочку просунули градусник, чтобы следить за температурой.

После этого мы приступили к устройству нагревательного аппарата. Взяли консервную банку, просверлили в ней два круглых отверстия: одно — вверху, другое — внизу. К верхнему

отверстие припаяли медную трубку, потом проделали в инкубаторе сбоку дырочку, просунули в неё трубку и согнули её так, чтобы она проходила внутри коробки, как будто паровое отопление. Конец трубки мы вывели наружу и припаяли к нижнему отверстию консервной банки.

Теперь нужно было устроить так, чтобы банку можно было нагревать снизу лампой. Мишка принёс на кухню фанерный ящик. Мы поставили его стоймя, прорезали в верхней стенке ящика круглую дырку и установили инкубатор так, чтоб консервная банка находилась как раз над дыркой. Лампу мы поставили в ящик снизу, чтоб она могла нагревать банку.

Наконец всё было сделано. Мы налили в банку воды и зажгли лампу. Вода в банке начала нагреваться. Она проходила по трубке и нагревала наш инкубатор. Ртуть в градуснике стала подниматься и постепенно дошла до тридцати девяти градусов. Она, наверно, поднялась бы и выше, но тут пришла Мишкина мама.

— Почему керосином воняет? Что вы тут делаете? — спросила она.

— Инкубатор, — говорит Мишка.

— Какой инкубатор?

— Ну, чтоб цыплята вывелись.

— Какие ещё цыплята?

— Ну какие... Обыкновенные. Сюда, понимаешь, кладутся яйца, а вот тут, понимаешь, лампочка...

— А лампочка зачем?

— Как же без лампочки? Без лампочки ничего не выйдет.

— Нет, ты уж, пожалуйста, это оставь! Лампочка опрокинется, керосин загорится.

— Не загорится. Мы будем смотреть.

— Нет, нет! Что это ещё за игрушки с огнём! Мало тебе, что кипятком обварился, ещё хочешь пожар устроить?

Как ни просил Мишка маму, она не разрешила нам жечь керосиновую лампу.

— Вот тебе и вывели цыплят! — сказал Мишка с досадой.

## Выход найден

В эту ночь я долго не мог заснуть.

Целый час я лежал в постели и думал об инкубаторе. Сначала я хотел попросить мою маму, чтоб она разрешила нам жечь керосиновую лампу, но потом понял, что и моя мама не позволит нам возиться с огнём, так как она очень боится пожара и всегда прячет от меня спички. К тому же Мишкина мама отняла у нас керосиновую лампу и ни за что не отдала бы обратно. Все давно уже спали, а я думал об этом и никак не мог заснуть.

Вдруг в мою голову пришла очень хорошая мысль: «А что, если нагревать воду на электрической лампочке?»

Я потихоньку встал, зажёл настольную лампу и приложил к ней палец, чтобы узнать, много ли от электрической лампочки получается тепла. Лампочка быстро нагрелась, так что палец невозможно стало держать. Тогда я снял со стены градусник и прислонил к лампочке. Ртуть быстро поднялась и упёрлась в верхний конец, так что на градуснике не хватило даже делений. Значит, тепла получалось много.

Я успокоился и повесил градусник на место. Впоследствии, через некоторое время, мы обнаружили, что этот градусник стал врать и показывать неправильную температуру. Когда в комнате было прохладно, он почему-то показывал градусов сорок жары, а когда становилось теплей, ртуть забиралась на самый верх и торчала там до тех пор, пока её не стряхивали. Меньше тридцати градусов жары он никогда не показывал, так что мы даже зимой могли бы не топить печку, если бы он не врал. Может быть, это случилось оттого, что я прикладывал градусник к лампе? Не знаю.

На другой день я рассказал о своей выдумке Мишке. Когда мы вернулись из школы, я выпросил у мамы старую настольную лампу, которая стояла у нас в шкафу, и мы решили попробовать нагревать воду электричеством. Мы поставили настольную лампу вместо керосиновой в ящик, а чтобы лампочка была поближе к банке с водой и лучше нагревала её, Мишка подложил под неё несколько книжек. Я включил электричество, и мы стали следить за градусником.

Сначала ртуть в градуснике долго стояла на месте, и мы даже стали бояться, что у нас ничего не выйдет. Потом лампочка постепенно нагрела воду, и ртуть начала медленно подниматься кверху.

Через полчаса она поднялась до тридцати девяти градусов.

Мишка от радости захлопал в ладоши и закричал:

— Ура! Вот она, настоящая куриная температура!.. Оказывается, электричество не хуже

керосина.

— Конечно, — говорю, — не хуже. Электричество ещё даже лучше, потому что от керосина может случиться пожар, а от электричества ничего не получится.

Тут мы заметили, что ртуть в градуснике полезла выше и поднялась до сорока градусов.

— Стой! — закричал Мишка. — Стой! Смотри, куда она лезет!

— Надо как-нибудь остановить её, — говорю я.

— А как её остановишь? Если бы это была керосиновая лампа, можно было бы подкрутить фитилёк.

— Какой же тут фитилёк, когда это электричество!

— Никуда оно не годится, твоё электричество! — рассердился Мишка.

— Почему моё электричество? — обиделся я. — Оно такое же моё, как и твоё.

— Но это ведь ты выдумал нагревать электричеством. Смотри, уже сорок два градуса! Если так пойдёт, то все яйца сварятся, и никаких цыплят не получится.

— Постой, — говорю я. — По-моему, надо лампочку опустить ниже, тогда она станет слабей нагревать воду и температура понизится.

Мы вытащили из-под лампы самую толстую книжку и стали смотреть, что будет. Ртуть медленно поползла вниз и опустилась до тридцати девяти градусов.

Мы облегчённо вздохнули, и Мишка сказал:

— Ну, теперь все в порядке. Можно начинать выводить цыплят. Сейчас я попрошу у мамы денег, а ты беги домой и тоже попроси денег. Мы сложимся вместе и купим в магазине десяток яиц.

Я побежал поскорей домой и стал просить у мамы денег на яйца.

Мама никак не могла понять, зачем мне понадобились яйца. Насилу я растолковал ей, что мы устроили инкубатор и хотим вывести цыплят.

— Да у вас ничего не выйдет, — сказала мама. — Шуточное ли дело — вывести без наседки цыплят! Вы только время потеряете даром.

Но я не отставал от мамы и все просил.

— Ну хорошо, — согласилась мама. — А где же вы хотите покупать яйца?

— В магазине, — говорю я. — Где же ещё?

— Яйца из магазина для такого дела не годятся, — говорит мама. — Для цыплят нужны самые свежие яйца, которые курица недавно снесла, а из тех яиц, которые долго лежали, цыплята уже не выведутся.

Я вернулся к Мишке и рассказал ему об этом. — Ах я разиня! — говорит Мишка. — Ведь и в книжке об этом написано. Совсем забыл!

Мы решили поехать на другой день в деревню к тётё Наташе, у которой мы жили в прошлом году на даче. У тётё Наташи свои куры, и мы были уверены, что достанем у неё самых свежих яиц.

## На другой день

Вот как смешно получается в жизни! Ещё вчера мы и не думали никуда ехать, а на другой день мы уже сидели в поезде и катили в деревню к тётё Наташе. Нам хотелось поскорей привезти яиц и начать выводить цыплят. Поезд, как нарочно, тащился черепашьим шагом, и дорога нам показалась ужасно длинной. Это всегда так бывает: когда спешишь, то все, как будто назло, делается медленно. Мы с Мишкой нервничали и боялись, что тётя Наташа куда-нибудь уйдёт и мы не застанем её дома.

Но все обошлось благополучно. Тётя Наташа оказалась дома. Она очень обрадовалась нам и даже подумала, что мы уже приехали к ней на дачу.

— Да ведь у нас ещё каникулы не начинались, — говорит Мишка.

— Мы по делу приехали, — говорю я, — за яйцами.

— За какими яйцами?

— Ну, за обыкновенными, за куриными. Нам нужны свежие куриные яйца.

— Только и всего? — сказала тётя Наташа. — Неужели в городе негде купить яиц?

— Конечно, негде, — говорит Мишка. — Яйца-то в магазине есть, только они все несвежие.

— Как — несвежие? Не может быть, чтоб в магазине продавали несвежие яйца!

— Почему же не может быть? — говорит Мишка. — как только курица снесёт яйцо, ведь его не везут сейчас же в магазин, правда?

— Правда.

— Вот то-то и есть! — обрадовался Мишка. — Яйца собирают, чтоб получилось сразу много; может быть, целую неделю собирают, а то и две, и только тогда везут в магазин.

— Ну и что же? — говорит тётя Наташа. — Не могут же яйца за две недели испортиться.

— Как — не могут? У нас в книжке ясно написано, что если яйца пролежали больше десяти дней, то из них уже цыплята не выведутся.

— Цыплята — это другое дело, — сказала тётя Наташа. — Для цыплят нужны самые свежие яйца, а в пищу годятся яйца, которые лежали и месяц и два... Вы ведь не собираетесь выводить цыплят?

— Почему не собираемся? Мы как раз собираемся. Затем и приехали, — говорю я.

— Как же вы будете их выводить? — спрашивает тётя Наташа. — Для этого ведь наседка нужна.

— А мы без наседки — мы инкубатор сделали.

— Инкубатор сделали? Вот чудеса! Да зачем вам инкубатор понадобился?

— Ну, чтоб цыплят выводить.

— А цыплята зачем?

— Так просто, — говорит Мишка. — Без цыплят как-то скучно. У вас тут небось всё есть: куры, гуси, коровы, свиньи, а у нас ничего нет.

— Потому что у нас тут деревня. А в городе кто же станет коров держать?

— Ну, коров, конечно, никто не станет, а вот мелкую какую-нибудь скотину, наверно, можно.

— В городе и с мелкой скотиной замучишься! — засмеялась тётя Наташа.

— Почему — замучишься? — говорит Мишка. — У нас в доме один человек живёт и держит птиц. У него в клетках разные птицы живут: чижики, канарейки, щеглы и даже скворцы.

— Ну, так у него птицы в клетках сидят. Разве вы станете держать цыплят в клетках?

— Нет, цыплят можно держать просто на кухне. Уж мы подыщем им хорошее место. Только вы дайте нам самых хороших яиц, самых что ни на есть свежих, потому что из плохих яиц цыплята не выведутся.

— Дам, дам, — сказала тётя Наташа. — Уж я знаю, какие вам яйца нужны: такие, что под наседку кладут. У меня недавно занесли куры, так что яйца будут самые свежие.

Тётя Наташа пошла на кухню и отобрала полтора десятка яиц. Все они были как на подбор: чистенькие, беленькие, без единого пятнышка. Сразу видно, что самые свежие. Она положила яйца в корзинку, которую мы привезли с собой, а сверху накрыла тёплым платком, чтоб они не простудились в дороге.

— Желаю вам успеха! — сказала тётя Наташа. На дворе уже стало темнеть, и мы с Мишкой поспешили обратно на станцию.

Домой мы вернулись в двенадцатом часу ночи. Мама принялась бранить меня за то, что я задержался так поздно. Мишке тоже досталось от его мамы. Но это все ничего! Досаднее всего было то, что в этот день мы уже не могли начать выводить цыплят. Пришлось это дело отложить на завтра.

## Начало

На другой день, вернувшись из школы, мы принесли на кухню корзину и уложили яйца в инкубатор. Места оказалось достаточно, даже ещё немного осталось.

Мы накрыли инкубатор крышкой, вставили в отверстие градусник и уже хотели зажечь лампу, но тут Мишка сказал.

— Надо подумать, все ли мы правильно сделали. Может быть, сначала надо нагреть инкубатор, а потом класть в него яйца?

— Вот этого я уж не знаю, — говорю я. — Надо почитать. Наверно, в книге написано.

Мишка взял книгу и стал читать. Читал, читал, потом говорит:

— Ты знаешь: мы чуть не задушили их!

— Кого?

— Яйца. Они, оказывается, живые.

— Что ты! Яйца живые? — удивился я.

— Правда, правда! Вот почитай: «Яйца — это живые существа. Только жизнь незаметна в них. Она как будто дремлет внутри яйца. Но, если яйцо начать нагревать, жизнь пробуждается, и внутри яйца станет развиваться зародыш, который постепенно превращается в маленького птенца. Как и все живые существа, яйца дышат...» Понял? Мы с тобой дышим, и яйца дышат.

— Сказки! — говорю я. — Мы с тобой дышим ртом, а яйца чем дышат? Где у них рот?

— Мы с тобой дышим не ртом, а лёгкими, — говорит Мишка. — Воздух попадает к нам в лёгкие через рот, а яйца дышат прямо через скорлупу. Воздух проходит сквозь скорлупу, и они дышат.

— Ну и пусть себе дышат, — говорю я. — Разве мы не даём им дышать?

— Да как же они могут дышать в коробке? Ведь при дыхании выделяется углекислый газ. Если ты залезешь в коробку и тебя в ней закрыть, то от твоего дыхания в коробке накопится

много углекислого газа, и ты задохнёшься.

— Зачем же я полезу в коробку? Очень мне нужно задышаться! — говорю я.

— Конечно, ты не полезешь... А яйца-то мы куда кладем? В коробку. Вот они и задохнутся в коробке.

— Что же нам делать?

— Надо устроить вентиляцию, — говорит Мишка. — В настоящих инкубаторах всегда делают вентиляцию.

Мы осторожно вынули из коробки все яйца и сложили их в корзину. Потом Мишка принёс сверло и провертел в инкубаторе несколько маленьких дырочек, чтобы углекислый газ мог выходить наружу.

Когда всё было сделано, мы уложили яйца обратно в коробку и снова накрыли крышкой.

— Постой, — говорит Мишка. — Мы ведь так и не узнали, что нужно сделать сначала: нагреть инкубатор или положить яйца.

Он снова принялся читать книжку. Потом говорит:

— Опять у нас чепуха получается. Тут написано, что в инкубаторе должен быть влажный воздух, потому что если воздух будет сухой, то из яиц сквозь скорлупу будет испаряться много жидкости и зародыши могут погибнуть. В инкубатор всегда помещают сосуды с водой. Вода испаряется из сосудов, и воздух становится влажным.

Мы снова вынули из инкубатора яйца и решили поставить в него два стакана с водой. Но стаканы оказались слишком высокими, и крышка не закрывалась. Мы стали искать какую-нибудь другую посуду, но ничего подходящего не было. Тут Мишка вспомнил, что у его младшей сестрёнки Майки есть игрушечная деревянная посуда, и говорит:

— Может быть, взять у Майки чашки от этой посуды?

— Верно! — говорю я. — Тащи!

Мишка разыскал Майкину посуду и взял четыре деревянные чашки. Они оказались подходящими. Мы налили в них воды и поставили в инкубатор — в каждый угол по чашке — и стали укладывать яйца. Но теперь чашки заняли место, и все яйца не помещались. Укладывалось только двенадцать яиц, а три яйца никак не помещались.

— Ну ладно, — говорит Мишка. — Хватит с нас двенадцати цыплят. Куда нам больше? На них корма сколько понадобится.

Тут пришла Майка, увидела в инкубаторе свои чашки и подняла крик.

— Послушай, — говорю я, — мы ведь не навсегда берём. Через двадцать один день отдадим обратно, а за это, если хочешь, подарим тебе три яйца.

— Зачем мне яйца? Они пустые!

— Нет, не пустые. Они с желтком и с белком — все как следует.

— Если б они с цыплятами были!

— Ну, мы подарим тебе одного цыплёнка, когда выведутся.

— А не обманете?

— Нет, не обманем.

Майка согласилась, и мы её выпроводили.

— Теперь иди себе, — говорим, — нам надо заниматься делом. Мы тут и без тебя не разберём, с чего начинать: то ли положить в инкубатор яйца, а потом нагревать, то ли сначала нагреть, а потом положить.

Мишка снова засел за книжку и вычитал, что можно делать и так и так.

— Тогда включай электричество, и приступим к делу, — говорю я.

— Даже как-то приступить страшно, — говорит Мишка. — Включай лучше ты: я несчастливый.

— Почему же это ты такой несчастливый?

— Мне не везёт в жизни. Я за какое дело ни возьмусь, обязательно неудача будет.

— У меня ведь тоже всегда неудачи — говорю я. Мы стали припоминать разные случаи из нашей жизни, и оказалось, что мы оба страшные неудачники.

— Нельзя нам начинать такое дело, — говорит Мишка, — все равно ничего не выйдет.

— Может быть, позвать Майку? — предложил я. Мишка позвал Майку:

— Слушай, Майка, ты счастливая?

— Счастливая.

— У тебя какие-нибудь неудачи были в жизни?

— Не было.

— Вот это хорошо! Видишь в ящике лампочку, которая стоит на книжках?

— Вижу.

— Ну-ка, подойди и поверни выключатель.

Майка подошла к инкубатору и зажгла лампу.

— А теперь что? — спрашивает.

— А теперь уходи и не мешай нам.

Майка обиделась и ушла. Мы поскорее накрыли инкубатор крышкой и стали следить за градусником. Сначала ртуть в градуснике стояла на восемнадцати градусах, потом медленно стала двигаться вверх, добралась до двадцати градусов, полезла немножко быстрее, добралась до двадцати пяти градусов, потом — до тридцати, потом стала двигаться медленнее. За полчаса она поднялась до тридцати шести градусов и застыла на месте. Я подложил под лампу ещё одну книжку, и ртуть снова начала подниматься. Она долезла до тридцати девяти градусов, но не остановилась на месте, а полезла ещё выше.

— Стоп! — говорит Мишка. — Смотри: сорок градусов! Ты слишком толстую книжку подложил.

Я поскорее вынул эту книжку и подложил другую, потоньше.

Ртуть в градуснике постояла на месте и начала опускаться. Опустилась до тридцати девяти градусов и поехала ещё ниже.

— А эта книжка слишком тонкая, — говорит Мишка. — Сейчас я тетрадку принесу.

Он быстро принёс тетрадь и сунул её под лампу. Ртуть стала опять подниматься, дошла до тридцати девяти градусов и остановилась.

Мы не отрываясь смотрели на градусник. Ртуть спокойно стояла на месте.

— Ну вот, — прошептал Мишка, — теперь такая температура должна держаться двадцать один день. Удержим?

— Удержим, — говорю я.

— Смотри, если не удержим, то всё пропало.

— Почему не удержим? Удержим!

Мы сидели возле инкубатора до конца дня. Даже уроки стали делать на кухне. Градусник всё время исправно показывал тридцать девять градусов.

— Хорошо идёт дело! — радовался Мишка. — Если всё будет благополучно, то через двадцать один день у нас будет цыплята. Целых двенадцать штук. Весёлая будет семейка!

## Температура падает

Не знаю, как остальные ребята, но я в воскресенье люблю подольше поспать. В школу не нужно идти, спешить некуда. Раз в неделю можно поваляться в постели. Ничего плохого в этом нет, я думаю. Как раз на другой день было воскресенье, но я почему-то проснулся рано. Солнышко ещё не взошло, но на дворе уже было светло. Я решил полежать ещё немного и вдруг вспомнил про инкубатор. Меня как будто подбросило на постели. Я быстро оделся, побежал к Мишке и принялся звонить у двери. Мишка сейчас же отворил дверь и зашипел на меня:

— Тссс! Всех перебудишь! Утро, а он тут трезвонит как угорелый!

— Он был ещё не одет: в нижней рубашке и босиком.

— Но ведь ты уже встал? — говорю я.

— «Встал»! — буркнул Мишка. — Ещё и не ложился.

— Почему?

— Да все вот из-за него, из-за инкубатора.

— А что с ним случилось?

— Да все падает.

— Почему же он падает? Мы ведь его прочно установили.

— Да не инкубатор падает, голова! Температура, говорю, падает.

— А температура почему падает?

— Спроси у неё! Я лёг спать, всё было в порядке, только я долго не мог заснуть. Все лежал и мечтал о цыплятах. Потом думаю: «Дай-ка пойду посмотрю, как там инкубатор работает». Прихожу на кухню, смотрю... Батюшки-матушки — тридцать восемь с половиной градусов! Я поскорей подложил под лампу ещё одну тетрадку. Подождал. Температура поднялась до тридцати девяти градусов. «Ну, — думаю, — хорошо, что я не заснул, а то погибли бы наши цыплята». Решил посмотреть, что дальше будет. Сижу, значит, жду. Час жду, два жду — температура нормальная. Мне надоело без дела сидеть. Взял книжку и стал читать. Зачитался и забыл про градусник. Вдруг смотрю — снова тридцать восемь с половиной градусов. Опять на полградуса упала! Я скорей ещё одну тетрадку под лампу. Температура опять выровнялась. Вот видишь, сейчас пока держится, а что дальше будет, не знаю.

— Ты теперь ложись спать, а я пока подежурю у инкубатора, — предложил я.

— Куда теперь спать! — говорит Мишка. — Уже на дворе утро.

Он вернулся потихоньку в комнату, принёс свою одежду и принялся одеваться. Надел брюки, рубашку, зашнуровал ботинки, потом лёг на кушетку и захрапел. «Ну, — думаю, — пусть поспит. Человек ведь не может так, чтоб совсем не спать».

Я уселся возле инкубатора и стал следить за градусником.

Потом мне стало скучно, я взял книжку про птицеводство и стал читать, как нужно следить за инкубатором. В книжке говорилось о том, что если яйца будут лежать в инкубаторе неподвижно, то зародыши в них могут прилипнуть внутри к скорлупе. От этого получаются кургузые, кривобокие, недоразвитые цыплята и даже задохлики, то есть совсем дохлые. Для того чтобы зародыши не прилипали внутри к скорлупе, яйца в инкубаторе нужно через каждые три часа переворачивать на другую сторону.

Я поскорее открыл инкубатор и начал переворачивать яйца на другой бок.

Тут Мишка проснулся, увидел, что я открыл инкубатор, и как закричит:

— Ты что там делаешь, а?

Я испугался от неожиданности и чуть не уронил яйцо.

— Ничего, — говорю.

— Как — ничего? Ты зачем инкубатор открыл? Сказано, тебе, что нужно двадцать один день ждать! Может быть, ты думаешь, что цыплята на другой день выведутся?

— Ничего я не думаю... — говорю я и хочу объяснить, что яйца нужно переворачивать через каждые три часа.

Но Мишка ничего слушать не хочет и орёт во всё горло:

— Закрой, говорят! Что за наказание! Уж на минуточку заснуть нельзя! Чуть только заснёшь, так он сейчас же в инкубатор лезет, чтоб посмотреть на яйца!

— Да зачем мне на них смотреть? — говорю я.

Тут Мишка подскочил и закрыл крышку, но я всё же успел перевернуть все яйца. На крик пришли Мишкины папа и мама.

— Что тут за шум? — спрашивают.

— Да вот этот умник открыл инкубатор, — говорит Мишка.

Тут я стал объяснять, что нужно переворачивать яйца, так как могут получиться задохлики.

— Какие задохлики? — кричит Мишка. — Почему у курицы не получаются задохлики?

— Курица всегда переворачивает яйца, когда высиживает цыплят, — сказала Мишкина мама.

— Откуда она знает, что яйца нужно переворачивать? Курица глупая, — говорит Мишка.

— Не такая уж глупая, — ответила мама. Мишка задумался.

— А я ведь и сам видел, как наседка переворачивала яйца! — сказал наконец он. — То-то я думал, зачем она ворочает их своим носом?

Мишкин папа засмеялся.

— Эх, ты! — сказал он. — Разве у курицы нос?

— Ну клюв. Какая разница — нос или клюв?

### Температура повышается

Часам к десяти ртуть в градуснике почему-то поднялась на полградуса, так что на этот раз нам пришлось вытащить одну тетрадку и опустить лампу.

— Что за история с этой температурой? — удивлялся Мишка. — Ночью она все опускалась, а теперь почему-то полезла вверх.

До обеда нам ещё раз пришлось опустить лампу, так как температура опять повысилась.

После обеда Мишка прилёг на кушетке и снова заснул. Мне было скучно одному сидеть — я принёс свои альбом для рисования и принялся рисовать Мишку, как он спит на кушетке. Спящих легче всего рисовать, потому что они лежат спокойно и не шевелятся.

Тут к нам пришёл Костя Девяткин. Он увидел, что Мишка спит, и спрашивает:

— Что это у него, сонная болезнь?

— Нет, — говорю, — это он так просто спит. Костя принялся тормошить Мишку за плечо и как закричит:

— Вставать пора!

Мишка вскочил как ошпаренный.

— А? Что? Уже утро? — спрашивает.

— Какое утро? — засмеялся Костя. — Скоро вечер уже. Вставай скорей, пойдём гулять. Посмотри, солнышко светит! Весна! И воробьи поют.

— Нам гулять теперь некогда. У нас дело, — говорит Мишка.

— Какое дело?

— Очень, брат, важное дело.

Мишка подошёл к инкубатору, взглянул на градусник и как закричит на меня:

— А ты что тут сидишь, как коза на базаре? Не видишь, что делается!

Я посмотрел на градусник — опять тридцать девять с половиной градусов!

Мишка поскорее понизил лампу.

— Если б я не проснулся, ты, наверно, до сорока бы догнал! — продолжал кричать он.

— Я же не виноват, что ты спишь всё время.

— А я виноват, что я ночью не спал?

— Ну и я, — говорю, — не виноват. Костя увидел инкубатор и спрашивает:

— Что это вы, опять паровую машину делаете?

— Что ты! Разве паровая машина такая?

— А что это?

— Угадай.

— Гм... — сказал Костя и почесал затылок. — Наверно, паровая турбина.

— Нет, не угадал.

— Ну, тогда какой-нибудь реактивный двигатель. Мы с Мишкой рассмеялись:

— Сто лет будешь гадать — не догадаешься!

— Что же это такое?

— Инкубатор.

— Ах, инкубатор! Вот оно что! А что он делает, этот инкубатор?

— Как — что? — удивился Мишка. — Цыплят выводит.

— А, понимаю, понимаю! Из чего же он их выводит?

— «Из чего!» — фыркнул презрительно Мишка. — Из яиц, конечно. Из чего же ещё?

— Ах, из яиц! Ну конечно! Он вместо курицы их высиживает. Это я знаю, только я думал, что он не инкубатор, а индюкатор или курбюратор — забыл, как называется. Он, значит, называется инкубатор... А где же яйца?

— Яйца вот здесь, в коробке.

— А ну покажи.

— Ну, уж если каждому показывать, то наверняка никаких цыплят не получится! Подожди, когда наступит время переворачивать яйца, тогда и увидишь.

— Когда же вы будете переворачивать?

Мы с Мишкой стали высчитывать, и оказалось, что яйца нужно будет переворачивать в восемь часов вечера.

Костя остался ждать. Мишка принёс шахматы, и мы стали играть. Только если сказать по правде, то играть втроём в шахматы — это самое последнее дело, потому что играть могут только двое, а третий сидит и подсказывает то одному, то другому. Из этого никогда ничего хорошего не получается. Если ты выиграешь, то тебе говорят, что ты выиграл потому, что тебе помогали. А если проиграешь, то над тобой смеются и говорят, что ты проиграл, несмотря на то что тебе подсказывали. Нет, лучше всего играть в шахматы вдвоём, когда никто не мешает.

Наконец пробило восемь часов. Мишка открыл инкубатор и стал переворачивать яйца. Костя сосчитал их и говорит:

— Одиннадцать яиц. Значит, одиннадцать цыплят будет?

— Как — одиннадцать? — удивился Мишка. — Ведь было двенадцать! Неужели одно яйцо кто-то стащил? Что за наказание! Не успеешь заснуть, как яйцо стащат!.. А ты что тут смотрел? — набросился он на меня.

— Да я, — говорю, — никуда не уходил. Надо пересчитать: может, Костя просто ошибся.

Мишка принялся пересчитывать яйца, и у него получилось тринадцать.

— Ну вот! — заворчал он. — Теперь даже лишнее одно оказалось. Кто его сюда сунул?

Тогда я сосчитал яйца, и получилось ровно двенадцать.

— Эх вы, — говорю, — арифмометры! Двенадцать яиц сосчитать не могут!

— Пойдите, — говорит Мишка. — Совсем вы меня запутали! Я одно яйцо не перевернул, только не помню какое.

Он задумался, а тут прибежала Майка, высмотрела в инкубаторе самое большое яйцо и говорит:

— Вот из этого вот яйца когда выведется цыплёнок, мой будет.

Мишка рассердился и вытолкнул её за дверь:

— Если ты ещё хоть раз придёшь мешать нам, никакого цыплёнка не получишь! Майка расхныкалась:

— Там мои чашечки стоят! Я имею право смотреть!

— Вот я тебе покажу, какое у тебя право! — сказал Мишка и закрыл дверь.

— Что же теперь делать? — говорю я. — Может, снова перевернуть все яйца?

— Нет, лучше не надо, а то перевернём их опять на ту сторону, на которой они уже лежали. Пусть лучше одно неперевернутое лежит. В следующий раз надо внимательнее быть.

— А вы поставьте на яйцах отметки, вот и будет видно, какое яйцо перевернуто, какое нет, — предложил Костя.

— А какие отметки ставить? — спросил Мишка.



— Поставь просто крестики.

— Нет, я лучше номера напишу.

Мишка взял карандаш и написал на всех яйцах номера — от первого до двенадцатого.

— Теперь, когда будем переворачивать, все номера будут снизу, а в следующий раз номера опять будут сверху. Так и пойдёт без ошибок, — сказал Мишка и закрыл инкубатор.

Костя собрался уходить, домой. Мишка ему говорит:

— Только ты в школе никому не рассказывай, что у нас инкубатор.

— Почему?

— Ребята станут смеяться.

— Что ж тут смешного? Инкубатор — очень полезная вещь. Над чем тут смеяться?

— Знаешь, какие ребята: скажут — мы, как наседки, высиживаем цыплят. А вдруг ничего не выйдет? Тогда совсем засмеют.

— Почему же не выйдет?

— Мало ли что может случиться... Это ведь трудное дело. Может быть, мы что-нибудь не так делаем. Так что ты помолчи.

— Ладно, — ответил Костя. — Не беспокойтесь, я буду молчать как рыба.

### Майка дежурная

— Ну как, все в порядке? — спросил я на следующее утро Мишку.

— В порядке. Только температура опять всю ночь понижалась.

— Ты опять, значит, всю ночь не спал?

— Нет. Теперь я стал хитрый! Я положил под подушку будильник, и он меня будил через каждые три часа.

— Почему же температура понижалась? Днём она повышалась, — говорю я.

— Я знаю, в чём дело, — говорит Мишка. — Ночью всегда прохладнее, и инкубатор охлаждается больше, а днём становится теплее, поэтому днём температура повышается, а ночью понижается.

— Как же нам быть? — спрашиваю я. — Мы ведь в школу уйдём. Кто будет следить за градусником?

— Может быть, попросить Майку? Мишка позвал Майку, и мы стали просить её, чтобы она подежурила у инкубатора, пока мы будем в школе.

— Вчера за дверь вытолкали, а сегодня сами просите! Вот не буду дежурить! — сказала Майка.

— Послушай, — говорю я, — ведь цыплята погибнут. И твой цыплёнок погибнет. Мы ведь не для себя просим, а для цыплят.

Тогда она согласилась. И я принялся объяснять ей, что нужно делать.

— Вот это градусник, — сказал я. — Ртуть должна стоять точно на тридцати девяти градусах. Вот видишь две цифры: три и девять. Запомнишь?

— Запомню.

Чтоб она не забыла, я взял красный карандаш и отметил на градуснике, где должна находиться ртуть.

— Смотри хорошенько, не напутай, — говорю я. — Как только ртуть поднимется хоть чуточку выше, ты сейчас же вытащи из-под лампы одну тетрадку, тогда лампа опустится и ртуть тоже опустится в градуснике. Понятно?

— Понятно.

После этого я научил её переворачивать яйца и велел, как только пройдёт одиннадцать часов, открыть инкубатор и перевернуть все яйца.

Майка все поняла. Я заставил её повторить задание. Она повторила все правильно, и мы с Мишкой отправились в школу.

— Ну как, инкубатор действует? — спросил Костя, как только мы пришли в класс.

— Тише! — зашипел на него Мишка и оглянулся по сторонам.

— Да я ведь шёпотом спрашиваю.

— «Шёпотом, шёпотом!» — проворчал Мишка. — Орёт на весь класс.

— Ну молчу, молчу... А может быть, можно рассказать ребятам, а?

— Я тебе расскажу! Тогда и не приходи к нам. Мы тебе по дружбе сказали, а ты...

— Ну молчу, молчу. Знаешь, что я придумал? Я скажу на уроке естествознания Марье Петровне, что вы устроили инкубатор. Марья Петровна похвалит вас.

— Попробуй только! Ведь сейчас же все ребята услышат.

— Ну молчу, молчу. Как рыба молчу!

Костя зажал рот рукой и отошёл. Видно было, что язык у него так и чешется и ему хочется рассказать кому-нибудь про наш инкубатор.

Начались уроки. Мишка все волновался. Ни минуты не мог посидеть спокойно.

— А вдруг Майка без нас там что-нибудь спутает?

— Что ж она может спутать?

— Ну, не уследит за градусником.

— Я ведь ей все хорошо объяснил.

— А вдруг ей надоест сидеть дома и она пойдёт гулять?

— Зачем же она пойдёт, раз обещала сидеть?

— А вдруг она вытащит из инкубатора свои чашки?

— Не вытащит.

— А вдруг лампочка перегорит? Что тогда делать? На уроке естествознания Марья Петровна услышала, что мы с Мишкой всё время разговариваем, и рассадила нас на разные парты. Мишка сидел мрачный как туча и поглядывал на меня с другого конца класса. А тут Костя приложил ко рту руку и громко прошептал:

— Слушай! Я сейчас скажу Марье Петровне про инкубатор.

Мишка заёрзал на своём месте и прошипел:

— Вот я тебе скажу, изменник! Но Костя уже поднял руку.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Марья Петровна.

Мишка пригрозил Косте кулаком.

— Марья Петровна, а что такое инкубатор? — задал вопрос Костя.

Марья Петровна начала рассказывать про инкубатор. Она сказала, что люди уже давно научились выводить цыплят без насекомых, нагревая до определённой температуры яйца. Ещё в древнем Египте и Китае, две тысячи лет назад, люди устраивали инкубаторы и выводили цыплят. Учёные, делая раскопки, находят в земле помещения, в которых древние египтяне устраивали свои инкубаторы. Конечно, тогда инкубаторы были небольшие и цыплят в них выводилось немного, но теперь у нас есть такие инкубаторы, в которые закладывают по несколько тысяч яиц.

— А у меня есть два знакомых мальчика, — сказал Костя. — Они сами сделали инкубатор. Как вы думаете, выведутся у них цыплята или нет?

— В самодельном инкубаторе получить цыплят можно, только это очень трудное дело, — сказала Марья Петровна. — В фабричных инкубаторах есть разные приспособления, которые регулируют температуру и влажность, а если инкубатор самодельный, то за всем надо внимательно следить. Если ребята старательные и дисциплинированные, то цыплята у них выведутся, а если такие, как наши Миша и Коля, то ничего не получится.

— Почему это у нас не получится? — не выдержал Миша.

— Потому что вы недисциплинированные: даже в классе не можете как следует посидеть, — сказала Марья Петровна и стала продолжать урок.

После уроков нас задержал Витя Смирнов и сказал, что сегодня наша очередь дежурить в живом уголке.

— Что ты, что ты! — замахал Мишка руками. — Какой там живой уголок! Нам некогда.

— Вам всегда некогда! Записались в кружок, а не ходите. Сейчас самое горячее время. Весна! Надо скворечники делать.

— Мы потом будем делать скворечни.

— Когда — потом? Скоро прилетят птицы.

— Не прилетят.

— Как так — не прилетят? Птицы не станут вас ждать.

— Ну немножечко-то подождать можно, — сказал Мишка.

И мы побежали домой.

Дома все оказалось в порядке. Лампочка не перегорела, температура была нормальная.

Майка исправно сидела у инкубатора. Мы похвалили её и отпустили гулять.

## Все пропало

С тех пор у нас потекла настоящая трудовая жизнь. Днём и ночью нужно было следить за температурой и каждые три часа переворачивать яйца. Вода в консервной банке и деревянных чашечках быстро испарялась, так что часто приходилось подливать свежую воду. Дело как будто нетрудное, но всё время приходилось быть настороже. Как только зазеваешься, так сейчас же что-нибудь случится: или температура подскочит, или забудешь перевернуть яйца. Нельзя было ни на минуту забывать об инкубаторе.

Особенно трудно приходилось Мишке, потому что ему нужно было следить за инкубатором ночью. От этого он не высыпался и по целым дням ходил сонный, как осенняя муха. После обеда он часто засыпал на кушетке в кухне, и я всегда рисовал его, пока он спал.

Так прошло пять дней и пять ночей. На шестой день Мишка не выдержал и нечаянно

заснул на уроке. За это ему досталось от Надежды Викторовны, и весь класс над ним смеялся.

Конечно, Мишке было обидно. Каждый любит посмеяться над кем-нибудь, но никто не любит, когда смеются над ним самим.

Всё было бы ничего, но как раз в этот день я принёс в школу свой альбом, чтобы показать ребятам, как я рисую. Ребята увидели рисунки и догадались, что у меня нарисован Мишка, который спал в самых разных позах: и лёжа, и сидя, и чуть ли не стоя.

— Да ты у нас прямо чемпион по спанью! — сказал Мишке Лёша Курочкин.

— Мировой рекордсмен! — похвалил Сеня Бобров. — Спит, как лошадь, двадцать четыре часа в сутки!

Альбом пошёл по рукам. Все рассматривали его и помирали со смеху.

— Ты зачем притащил сюда этот идиотский альбом? — напустился на меня Мишка.

— Откуда же я знал, что ребята станут смеяться? — говорю я.

— Не знал! Нарочно, должно быть, подстроил, чтоб надо мной весь класс потешался! Хорош друг! Знать тебя не хочу больше!

— Честное слово, я не нарочно! Если б я знал, что так выйдет, не рисовал бы тебя, — оправдывался я.

Но Мишка дулся на меня весь день. Вечером он сказал:

— Вот возьми инкубатор и подежурь ночью, тогда узнаешь, как рисовать на меня карикатуры.

— Ну что же, — говорю я, — ты уже пять ночей отдежурил, теперь я отдежурю пять ночей. Будем дежурить по очереди.

Мы перенесли инкубатор ко мне, и с тех пор начались мои мучения.

С вечера я клал под подушку будильник, и ночью он начинал мне в самое ухо трещать. Я вставал, как лунатик, шёл на кухню, проверял температуру, переворачивал яйца и возвращался обратно. Часто я не мог сразу заснуть и долго ворочался на постели, а как только начинал засыпать, будильник снова трещал, и я готов был разбить его вдребезги, чтоб он не мешал мне спать.

Каждое утро я просыпался измученный и насилу вставал с постели. Одевался, как будто во сне, и даже не понимал, что я делаю: штаны начинал надевать через голову, рубашку натягивал вместо штанов. Один раз я даже перепутал ботинки и надел на правую ногу левый ботинок, а на левую — правый и в таком виде явился в класс.

Ребята заметили это и стали смеяться. Пришлось мне переобуваться во время урока.

Но самое большое несчастье произошло на десятую ночь. То ли я забыл завести будильник, то ли не слышал, как он прозвонил. С вечера я лёг и проснулся утром, когда было уже совсем светло. Сначала я даже не понял, что случилось, потом вспомнил, что ни разу не вставал ночью, и как ошпаренный бросился к инкубатору. Градусник показывал тридцать семь градусов. На целых два градуса меньше, чем нужно! Я поскорее сунул под лампу пару тетрадей и тут же подумал:

«Зачем я это делаю? Все равно яйца остыли, и теперь, наверно, уже все пропало! Десять дней мы трудились без отдыха; в яйцах, должно быть, развились большие зародыши, а теперь вот я всё это погубил!»

От досады мне хотелось отколотить самого себя, и я стукнул себя кулаком по макушке.

Ртуть в градуснике медленно поднималась и постепенно дошла до тридцати девяти градусов. Я печально смотрел на градусник и размышлял про себя:

«Ну вот, температура нормальная, яйца снаружи такие же, как и прежде, а внутри в них уже, наверно, нет жизни, и никогда из них не выведутся цыплята!»

Потом я стал думать, что, может быть, ничего опасного не случилось. Может быть, зародыши ещё не успели погибнуть. Но как узнать об этом? Единственный способ узнать — это продолжать нагревать яйца, и, если на двадцать первый день из них не выведутся цыплята, значит, они погибли. А может быть, они и не погибли. Об этом я узнаю только через одиннадцать дней.

«Вот тебе и получилась весёлая семейка! — горевал я. — Вместо двенадцати цыплят, наверно, ни одного не будет!»

Тут пришёл Мишка. Он посмотрел на градусник и весело сказал:

— Красота! Температура нормальная. Дело чудесно идёт! Теперь моя очередь по ночам дежурить.

— Нет, лучше я сам буду дежурить, — говорю я. — Зачем тебе мучиться напрасно?

— Почему — напрасно?

— А вдруг цыплята не выведутся?

— Ну что ж, если не выведутся... Не должен же ты один мучиться: раз мы друзья, то все пополам.

Я не знал, что сказать Мишке. У меня не хватило смелости ему признаться, и я решил

## Сбор отряда

Костя ежедневно заходил к нам, а потом рассказывал ребятам, как идёт дело с высиживанием цыплят. Только он не говорил, что это мы с Мишкой устроили инкубатор. Он сочинил, что это какие-то другие ребята, из другой школы.

Однажды Витя Смирнов сказал:

— Ты бы познакомил меня с этими ребятами.

— А зачем тебе?

— Просто интересно посмотреть, что это за ребята такие. Вот нам бы таких в юннатский кружок! У нас сразу бы работа пошла. А то с такими ребятами, как Миша и Коля, ничего хорошего не выходит: дежурить не хотят, деревья нужно было сажать — не пошли, скворечен не делают...

— А они тоже деревья не сажали, — сказал Костя и подмигнул нам с Мишкой.

— Ну, они — это другое дело: у них и без деревьев забот небось по горло.

Витя и не догадывался, что Костя рассказывал про нас с Мишкой.

А у нас на самом деле было по горло забот: из-за этого инкубатора мы совсем запустили уроки и получили по арифметике двойки.

Меня вызвал Александр Ефремович и за то, что я не сумел решить задачу, поставил двойку. Потом он вызвал Мишку и поставил ему двойку с плюсом. Конечно, мы урока не знали, но всё-таки было как-то обидно получить плохие отметки.

— Тебе ещё не так обидно, — говорил Мишка, — у тебя просто двойка, а у меня двойка с плюсом.

— По моему двойка с плюсом всё-таки лучше, чем просто двойка, — говорю я.

— Ничего ты не понимаешь! Ну скажи, если к двойке прибавить плюс, разве от этого она станет тройкой?

— Нет, она так и останется двойкой.

— Для чего же ставится плюс?

— Не знаю.

— А я знаю. Плюс ставят для того, чтобы ты не думал, что тебя напрасно обидели. Вот — даже плюсика для тебя не пожалели! На сколько ответил, столько и поставили.

— Что же тут обидного?

— Как «что обидного»? Обидно то, что тебя считают глупым. Умному человеку можно поставить просто двойку — он и так поймёт, что ничего не знает, а глупому нужно поставить двойку с плюсом, чтоб он не воображал, будто его обижают напрасно. То-то и обидно, что тебя считают глупым. А то ещё бывает двойка с минусом, — говорил Мишка. — Какой здесь смысл? Двойка означает, что ты ничего не знаешь. А разве можно знать меньше, чем ничего?

— Нельзя! — согласился я.

— Вот видишь! — обрадовался Мишка. — Двойка с минусом означает, что ты не только ничего не знаешь, но и не хочешь ничего знать. Если ты просто не выучил урока, тебе поставят двойку, а если ты известный лодырь, то тебе нужно закатыть двойку с минусом, чтобы ты почувствовал. А то ещё бывает единица... — продолжал разглагольствовать он.

Но ему так и не удалось рассказать о единице, потому что Александр Ефремович рассадил нас на разные парты.

На последней перемене Женя Скворцов сказал:

— После уроков останьтесь, ребята! Будет сбор отряда.

— Мы не можем: нам некогда, — сказали мы с Мишкой.

— Нужно остаться, — сказал Женя, — будет о вас вопрос.

— Почему о нас? Для чего о нас вопрос ставить? Что мы такое сделали?

— На отряде поговорим, — сказал Женя.

— Ишь ты! — сказал Мишка. — Что это ещё такое: не успеешь получить двойку, как уж о тебе вопрос! Думает, он председатель отряда, так может обо всех вопросы ставить! Ничего, вот он получит когда-нибудь двойку, пусть и о себе ставит вопрос.

— Он не получит: он хорошо учится, — говорю я.

— А ты что его защищаешь?

— Да я не защищаю.

— Вот, придётся теперь оставаться! — говорит Мишка.

— Ничего, — говорю я. — Майка за инкубатором посмотрит.

После уроков мы остались на сбор отряда.

— Сегодня у нас вопрос об успеваемости и дисциплине, — сказал Женя Скворцов. — За последнее время некоторые ребята недисциплинированно ведут себя на уроках: вертятся,

разговаривают, мешают другим. Особенно отличаются этим Миша и Коля. Их уже несколько раз рассказывали за это. Куда это годится? Это ведь безобразия! А сегодня совсем отличились: получили по двойке.

— И совсем не по двойке! У меня двойка с плюсом, — сказал Мишка.

— Невелика разница! — ответил Женя. — У вас и по другим предметам стали отметки хуже.

— У нас по другим нет двоек, только по русскому у меня тройка, — ответил Мишка.

— У него тройка с минусом, — подсказал Ваня Ложкин.

— А ты не лезь, когда не спрашивают! — сказал Мишка.

— Почему — не лезь? Я имею право высказываться: у нас сбор отряда.

— Так возьми слово и высказывайся.

— И возьму! Думаешь, не возьму!.. Ребята, я считаю, что у них плохая успеваемость потому, что они не учат дома уроков. Им что-то мешает учиться. Пусть они скажут, что им мешает.

— Ну, что вам мешает учиться? — спросил Женя Скворцов.

— Ничего нам не мешает, — ответил Мишка.

— Я знаю, что им мешает, — сказал Лёша Курочкин, — они разговаривают, и не слушают уроков, а дома тоже плохо готовятся. По-моему, их надо навсегда рассадить, чтоб они не разговаривали.

— За что нас рассказывать? — сказал Мишка. — Мы дружим... За то, что мы дружим, нас рассказывать?

— А что с вами делать, если вам дружба во вред? — сказал Сеня Бобров.

Тут Костя вступился за нас:

— Разве дружба может быть во вред? Дружба никогда не во вред.

— А у них такая дружба — что один, то и другой: один разговаривает, и другой разговаривает; один не хочет делать уроки, и другой тоже; один получил двойку, и другой тут же. Рассадить их, и дело с концом! — сказал Витя Смирнов.

— Пойдите, ребята, — сказал Костя. — Рассадить всегда успеем. Может быть, им помочь надо? Может быть, им делать уроки некогда?

— Почему же им некогда?

— Ну, может быть, они каким-нибудь важным делом занимаются.

— Каким это важным делом? — засмеялся Сеня Бобров.

— А может быть, они инкубатор делают!

— Они? Инкубатор? — удивился Сеня.

— А ты что думаешь? Может быть, они ночей недосыпают — за температурой следят! Может быть, они целый день трудятся, а мы их ругаем! Может быть...

— Да что ты «может быть» да «может быть»! — рассердился Женя. — Что они, на самом деле инкубатор сделали?

— Сделали, — сказал Костя.

— Это они с тех ребят собезьянничали, про которых ты рассказывал, — сказал Витя.

— Нет, — сказал Костя, — это они и есть те ребята, про которых я говорил.

— Они?

— Ну да.

— Да ведь ты говорил, что они в другой школе?

— Ну, это я так говорил.

Тут все обступили нас с Мишкой:

— Так это вы сделали инкубатор? А Витя Смирнов сказал:

— Это безобразие! Так настоящие юннаты не поступают! Сделали инкубатор и молчат...

Эта работа ведь всех ребят интересует. Чего вы секретничаете?

— Да мы думали — вы будете смеяться, — говорим мы с Мишкой.

— Над чем же тут смеяться? Что тут смешного? Наоборот, мы бы помогли вам. Устроили бы дежурство. Вам бы легче было и учились бы лучше.

— Ребята, — сказал Вадик Зайцев, — давайте возьмём шефство над инкубатором.

— Правильно! — закричали все.

Витя сказал, что зайдёт к нам после обеда, мы составим список дежурных и условимся насчёт шефской работы. На этом сбор отряда закончился.

## Шефская работа

После обеда у нас на кухне собрался почти весь юннатский кружок. Мы показали ребятам наш инкубатор, рассказали, как производится нагревание, как мы проверяем температуру, как переворачиваем яйца. Потом мы стали обсуждать, как организовать дежурство. Витя Смирнов

предложил написать правила для дежурных. Вот какие у нас получились правила.

Двое дежурных приходят в назначенный день после школы, получают от нас с Мишкой указания, что нужно делать, и остаются возле инкубатора до конца дня. Обедать и делать уроки дежурные ходят по очереди. Дежурные обязаны следить, чтобы мы с Мишкой не вертели возле инкубатора, а делали вовремя уроки.

Потом Витя составил список дежурных и назначил, кому какого числа дежурить. Этот список мы повесили на стенку.

— А почему нас нет в списке? — говорит Мишка. — Мы ведь тоже хотим дежурить.

— Так вам ведь придётся следить за инкубатором ночью, — сказал Витя, — ночью-то некому будет дежурить. После этого Женя выпроводил от нас всех ребят.

— Можете уходить, ребята, — сказал он. — Останутся только дежурные, а остальным нечего мешать.

Ребята разошлись. Остались дежурные Женя и Витя да мы с Мишкой.

— И вы уходите, — сказал нам Женя.

— Куда же нам уходить? — говорим мы.

— Идите делать уроки.

— А вдруг тут что-нибудь случится!

— Ничего не случится. Если что-нибудь случится, я вас позову.

— Ну, так позови обязательно.

Пришлось нам с Мишкой засесть за уроки. Мы сделали упражнение по русскому, выучили географию и по арифметике решили одну задачу, а другая оказалась трудная. Мы её на потом отложили и явились на кухню.

— Ну, чего вы пришли? Вам ведь сказано, чтоб вы занимались!

— А мы уже все сделали.

— Ну-ка, покажите тетрадки.

— Что это ещё за проверка? — говорит Мишка.

— Ну, мы ведь взяли над вами шефство — значит, всё нужно проверить.

Мы принесли тетрадки.

— Почему же только одну задачу решили? Две ведь задано.

— Мы другую потом решим.

— Нет, уж если делать, так сразу. Сейчас не решили, а потом забудете и явитесь в школу с пустыми тетрадями.

— Почему — с пустыми? По одной задачке всё-таки сделали.

— Уж если делать, то до конца, — сказал Женя. — Знаете пословицу: «Кончил дело — гуляй смело».

Пришлось нам вернуться и засесть за задачу. Но она у нас все не сходилась с ответом. Мы пробились над нею с час и вернулись на кухню.

\* \* \*

— Не выходит задачка, — говорит Мишка. — Мы все правильно сделали, а с ответом не сходится. Наверно, в книжке ответ неправильный.

— Нечего тут на книжку пенять! — говорит Женя.

— Честное слово, у меня уже был случай, когда в книжке оказался ответ неверный.

— Не может быть! — говорит Женя. — Сейчас проверим. Он пошёл с нами в комнату и стал проверять задачу. Бился, бился — все правильно, а ответ не сходится.

— Вот видишь, я говорил! — радовался Мишка. Но Женя сказал, что не сойдёт с места, пока не найдёт ошибку. Стал проверять снова и наконец нашёл.

— Вот она, — говорит. — Семью семь сколько, по-вашему, будет?

— Сорок девять.

— А у вас что написано? Двадцать один!

Он исправил ошибку, и все получилось правильно.

— Это у вас от невнимательности, — сказал он и вернулся к инкубатору.

Мы переписали задачку начисто и снова пошли на кухню.

— Мы уже все сделали, — говорим мы.

— Ну, тогда идите гулять. На воздухе тоже бывает полезно.

Мы с Мишкой обиделись и пошли во двор. Погода была хорошая. Ребята во дворе затеяли игру в волейбол, мы тоже присоединились к ним, а потом зашли к Косте Девяткину, а к нему пришёл Вадик Зайцев, и мы вчетвером до самого вечера играли в лото и другие разные игры. Домой мы вернулись поздно и застали на кухне, кроме Жени и Вити, Ваню Ложкина. Он, оказалось, отпросился у мамы дежурить на ночь.

— Что же это такое, — говорит Мишка, — значит, теперь нам вовсе никогда не придётся

дежурить! Сегодня ты, а завтра другой кто-нибудь отпросится. Я так не согласен!

— Ну ладно, — сказал Витя, — я вас запишу в список наравне с остальными.

И приписал нас в список самыми последними. Мы с Мишкой начали высчитывать, когда наша очередь будет дежурить, и оказалось, что нам попало самое счастливое дежурство, то есть на двадцать первый день. Как раз в тот самый день, когда цыплята выведутся!

### Последние приготовления

Наконец-то мы с Мишкой вздохнули свободно! Раньше мы были как будто привязанные к инкубатору. Нам приходилось постоянно думать, как бы не прозевать чего-нибудь, и всё время быть начеку. Всякое другое дело было для нас помехой, и ничто нам не лезло в голову. Зато теперь работа прекрасно шла и без нас.

Мы стали активно работать в юннатском кружке: дежурили в живом уголке, сделали две скворечни и повесили их у нас в саду на деревьях, работали на пришкольном участке — сажали цветы и деревья. А самое главное то, что теперь мы исправно делали уроки. И моя и Мишкина мама видели, что мы стали лучше учиться, и они были довольны, что к нам приходят ребята и помогают следить за инкубатором.

На занятии кружка юннатов Марья Петровна рассказала нам, как подготовиться к приёмке новорождённых цыплят, и посоветовала посеять какую-нибудь траву, чтобы у наших цыплят был свежий зелёный корм. Она сказала, что лучше всего посеять овёс, потому что он очень питательный и быстро растёт.

Все стали думать, где бы достать овса.

— Надо поехать на птичий рынок, — предложил Ваня Ложкин. — Там продаётся разный птичий корм. Может быть, и овёс есть.

\* \* \*

После уроков Ваня и Женя поехали на птичий рынок и часа через два вернулись с полными карманами овса.

— Купили? — обрадовались мы.

— Что вы! Разве его где купишь? Овса нигде нет. Мы обошли весь рынок — все продается: и конопля, и просо, и репейное семя, а овса нет. Мы уже хотели ехать домой, но решили пойти посмотреть на кроликов. Пришли туда, а там стоит лошадь и ест овёс прямо из мешка. Ну, мы и попросили немного овса.

— Как, у лошади попросили? — удивился Мишка.

— Да не у лошади, умник! У колхозника. Он на этой лошади привёз кроликов продавать. Хороший колхозник попался! Только сначала не хотел давать овса. «Зачем вам овёс?» — спрашивает. А мы говорим: «Для цыплят». Он говорит: «Цыплят овсом не кормят». Тогда мы объяснили ему, что хотим посеять овёс, чтоб из него трава выросла. Тогда он говорит:

«Берите». Ну мы и набрали в карманы.

Ваня и Женя высыпали из карманов овёс.

Мы быстро сколотили из фанеры два плоских ящика, насыпали в них земли, налили воды и размешали так, чтоб получилась как будто жидкая грязь.

Потом набросали прямо в эту грязь зёрен овса, ещё раз хорошенько перемешали и поставили ящики под печку, чтобы зёрнам было теплее.

Марья Петровна рассказала нам, что зерна растений, так же как яйца птиц, — живые существа. Жизнь тоже дремлет внутри зерна, но, когда зерно попадает в тёплую, влажную землю, жизнь пробуждается в нём и начинает развиваться. Как и всякие живые существа, зерна могут умереть, и такие зерна уже не могут взойти.

Мы очень боялись, как бы наши зерна не оказались такими «мёртвыми», и поминутно заглядывали в ящики. Прошло два дня — зерна не проросли. На третий день мы заметили, что земля в ящиках потрескалась и как-то подозрительно вспучилась.

— Что это? — удивился Мишка. — Кто это тут навредил?

Кто расковырял землю?

— Никто не ковырял! — ответил ему Лёша Курочкин, который в этот день был дежурным вместе с Сеней Бобровым.

— Почему же земля словно вспаханная? — закричал Мишка. — Это вы, наверно, тут ковырялись, чтоб посмотреть на зерна!

— Да не ковырялись мы, — говорит Сеня. — Зачем нам на них смотреть?

Я приподнял комочек земли и нашёл под ним овсяное зёрнышко. Оно сильно разбухло и лопнуло, а на кончике его виднелся белый росток. Мишка тоже вытащил из-под земли набухшее зёрнышко с белым ростком. Он долго рассматривал его и вдруг закричал:

— А, понимаю: это они сами расковыряли землю!

— Кто «они»?

— Зерна! Они ожили и лезут уже из-под земли. Смотри, как земля вспучилась. Им там, под землёй, становится тесно.

Мишка поскорее побежал звать ребят, чтоб показать им, как прорастают зерна. Мы с Лешкой и Сеней вытащили из-под земли ещё несколько зёрен. Все они уже начали прорасти. Скоро прибежали остальные ребята. Каждому хотелось взглянуть на зерна.

— Смотрите, ребята, — сказал Витя Смирнов, — зерна лопаются, и из них как будто выклевывается овёс.

— А что ты думаешь? — ответил Мишка. — Овёс ведь тоже живой; только он вырастет и будет стоять на месте; а когда выклюнутся наши цыплята, они будут бегать, пищать и просить у нас кушать. Вот увидите, какая у нас будет весёлая семейка!

### Самый тяжёлый день

Работать в компании было весело, и последние дни прошли быстро. Наконец наступил двадцать первый день. Это было в пятницу. У нас всё уже было приготовлено к приёму молодняка. Мы отыскали в сарае большую кастрюлю и сделали из неё грелку, то есть выложили её внутри войлоком, чтобы цыплятам в ней было тепло. Теперь эта грелка стояла на чугунке с горячей водой — на случай, если цыплёнок выведется, чтоб сейчас же посадить его в грелку.

Накануне мы с Мишкой хотели совсем не ложиться спать, но в эту ночь Вадик Зайцев отпросился у мамы, и она разрешила ему дежурить у инкубатора.

— Какой же я буду дежурный, если вы будете сидеть возле меня всю ночь? — сказал Вадик. — Уж вы, пожалуйста, лучше идите спать.

— А вдруг цыплята начнут выводиться ночью?

— Что ж тут такого? Если цыплёнок выведется, я его бац в кастрюлю, и пусть себе сохнет.

— Как это «бац»? — говорю я. — С цыплятами нужно бережно обращаться!

— Я буду бережно, не беспокойтесь. А вы лучше ложитесь спать. Завтра ведь ваше дежурство. Как вы будете дежурить, если не выспитесь ночью?

— Хорошо, — говорит Мишка. — Только ты, пожалуйста, разбуди нас, если цыплята начнут выводиться. Мы ведь столько дней ждали этого момента!

— Ладно, разбужу, — согласился Вадик.

Мы отправились спать, только я в эту ночь долго не мог заснуть, так как очень тревожился о цыплятах. Наутро я проснулся с рассветом и сейчас же побежал к Мишке. Мишка тоже уже встал. Он сидел возле инкубатора и внимательно осматривал яйца. Он увидел меня и сказал:

— Ещё ни одной наклевки не видно.

— Сейчас, наверно, ещё рано, — ответил Вадик. — Они позже начнут наклеиваться.

Вадик скоро ушёл домой, потому что ночь уже кончилась и теперь начиналось наше дежурство. Когда он ушёл, Мишка решил ещё раз осмотреть все яйца. Мы стали переворачивать их и осматривать со всех сторон — нет ли в каком-нибудь яйце маленькой дырочки, которую должен пробить изнутри цыплёнок. Но все яйца оказались целы. Мы закрыли инкубатор и долго сидели молча.

— А что, если разбить яйцо и посмотреть, есть там цыплёнок или нет? — говорю я.

— Сейчас ещё нельзя разбивать, — сказал Мишка. — Цыплёнок ещё пока дышит через кожу, а не лёгкими. Как только он начнёт дышать лёгкими, он сейчас же пробьёт скорлупу сам. Если же мы разобьём раньше, то цыплёнок погибнет.

— Но цыплята в яйцах уже должны быть живые, — говорю я. — Может быть, можно услышать, как они там шевелятся?

Мишка достал яйцо и приложил его к уху. Я наклонился поближе и тоже стал прислушиваться.

— Тише! — заворчал на меня Мишка. — Сопит тут, как лошадь!

Я затаил дыхание. Стало тихо. Только слышно было, как тикают часы на столе. Вдруг зазвонил звонок. Мишка вздрогнул и чуть не уронил яйцо. Я скорей побежал открывать дверь. Это пришёл Витя. Он хотел узнать, не начали ли выводиться цыплята.

— Нет ещё, — сказал Мишка. — Ещё рано.

— Ну, я потом ещё перед школой зайду, — сказал Витя. Он ушёл, а Мишка снова взял яйцо и приложил его к уху.

Он долго сидел, закрыв глаза, и старательно прислушивался.

Наконец сказал:



— Совсем ничего не слышно.

Я взял яйцо и тоже послушал. В яйце была мёртвая тишина.

— Может быть, в этом яйце зародыш погиб? — сказал я. — Надо другие проверить.

Мы стали вынимать одно яйцо за другим и выслушивать их, по ни в одном яйце нам не удалось обнаружить никаких следов жизни.

— Неужели все зародыши погибли? — сказал Мишка. — Должен ведь хоть в одном яйце сохраниться.

Тут снова раздался звонок. Пришёл Сеня Бобров.

— Ты чего в такую рань поднялся? — спрашиваю я.

— Пришёл узнать, как цыплята.

— Цыплята ещё никак. Ещё слишком рано, — ответил Мишка.

Вслед за Сеней пришёл Серёжа:

— Ну как, есть уже хоть один цыплёнок?

— Какой ты нетерпеливый! — говорит Мишка. — Что ты хочешь, чтоб цыплята с самого утра выводились? Успеют ещё.

Серёжа и Сеня посидели немного и ушли. Мы с Мишкой снова стали выслушивать яйца.

— Все пропало! — убивался Мишка. — Совсем ничего не слышно.

— А может, они там притаившись сидят?

— Зачем же они сидят притаившись? Им пора скорлупу долбить.

Тут пришли Юра Филиппов и Стасик Левшин, а за ними — Ваня Ложкин. Ребята стали собираться один за другим, так что под конец у нас получилось как будто общее собрание. Мы с Мишкой позвали Майку, объяснили ей, что нужно делать, если цыплята начнут выводиться без нас, и пошли вместе с ребятами в школу.

Как мы провели этот день в школе, нельзя рассказать. Это был самый мучительный день в нашей жизни. Нам казалось, что кто-то нарочно растянул время и сделал уроки в десять раз длинней. Все мы очень боялись, что цыплята начнут выводиться, пока мы сидим в школе, а Майка без нас сделает что-нибудь не так, как нужно. Особенно длинным оказался последний урок. Время как будто остановилось совсем. Мы даже начали думать, что прозевали звонок. Потом нам стало казаться, что звонок испортился и поэтому мы не слышали его. Потом мы вообразили, что тётя Дуня забыла дать последний звонок и ушла домой и теперь нам придётся сидеть тут до завтрашнего дня, когда она снова вернётся в школу.

Ребята нервничали и шептались. Все посылали записочки Жене Скворцову и спрашивали, который час, но Женя, как на беду, в этот день забыл свои часы дома. В классе было шумно, и Александр Ефремович несколько раз просил восстановить тишину. Но тишина не восстанавливалась. Наконец Мишка поднял руку и хотел сказать, что урок уже кончился, но как раз в это время прозвонил звонок. Ребята сорвались с мест и бросились к двери. Александр Ефремович заставил всех сесть на свои места и сказал, что никто не должен выходить из-за парт, пока учитель в классе. Потом он обратился к Мишке:

— Ты, кажется, что-то хотел спросить?

— Нет, я хотел сказать, что урок кончился.

— Но ты ведь до звонка поднял руку.

— А я думал, что звонок испортился.

Александр Ефремович только головой покачал, потом взял журнал и вышел из класса. Ребята гурьбой бросились в коридор и загремели вниз по лестнице. У выхода образовалась пробка, но мы с Мишкой успели проскочить первыми и помчались по улице во весь опор. За нами, растянувшись длинной вереницей, мчались остальные ребята.

Через пять минут мы уже были дома. Майка сидела на своём посту, у инкубатора, и шила своей кукле Зинаиде новое платье.

— Ничего не случилось? — спросили мы её.

— Ничего.

— А ты давно заглядывала в инкубатор?

— Давно, ещё когда переворачивала яйца.

Мишка подошёл к инкубатору и приготовился открыть крышку. Все ребята столпились вокруг. Они вытягивали шеи, приподнимались на цыпочки, а Ваня Ложкин взобрался на стул, чтобы получше видеть, и свалился оттуда прямо на Лешку Курочкина и чуть не сбил его с ног. Мишка все не решался открыть крышку. Он как будто боялся.

— Ну, открывай! Чего-же ты медлишь? — не вытерпел кто-то.

Мишка наконец открыл инкубатор. Яйца по-прежнему спокойно лежали на дне, словно большие белые камешки. Мишка постоял над ними молча, потом осторожно перевернул их по одному и каждое осмотрел со всех сторон.

— Нет ни одной наклейки! — печально объявил он.

## Чья вина?

Ребята молча стояли вокруг.

— А может быть, и не будет этих наклевок? — спросил Сеня Бобров.

Мишка развёл руками:

— Я ведь не курица! Откуда мне знать! Что я понимаю в наклевах?

Тут ребята заговорили все разом, заспорили: одни говорили, что цыплята не выведутся; другие — что ещё, может быть, выведутся; третьи — что либо выведутся, либо нет. Наконец Витя Смирнов прекратил разговоры.

— Пока ещё рано спорить, — сказал он. — День ещё не прошёл. Надо продолжать работу, как раньше. А сейчас марш все по домам! У инкубатора останутся только дежурные.

Ребята разошлись по домам. Мы с Мишкой остались одни и ещё раз осмотрели все яйца, нет ли где хоть маленькой трещинки, но нигде не было никакой. Мишка закрыл инкубатор и сказал:

— Ничего, пусть будет что будет! Сейчас ещё рано волноваться. Подождём до вечера и, если ничего не будет, тогда начнём волноваться.

Мы решили не волноваться и терпеливо ждать. Но легче всего сказать — не волноваться! Мы всё-таки волновались и через каждые десять минут заглядывали в инкубатор. Ребята тоже беспокоились и поминутно приходили. У всех был один вопрос:

— Ну как?

Мишка уже не отвечал ничего, а только пожимал плечами в ответ, так что к концу дня он так и остался с поджатыми плечами, будто они были у него к ушам приклеены.

Наступил вечер. Ребята заходили все реже и реже. Последним пришёл Витя и долго сидел у нас.

— Может быть, вы не правильно посчитали дни? — спросил он.

Мы снова стали считать дни, но оказалось все правильно. Сегодня был двадцать первый день, и вот он уже кончился, а цыплят не было.

— Ничего, — утешал нас Витя. — Подождём до утра. Может быть, они за ночь выведутся.

Я попросил у мамы разрешения ночевать у Мишки, и мы с ним решили не спать всю ночь.

Мы долго сидели у инкубатора. Разговаривать нам было не о чём. Теперь мы уже не мечтали, как прежде, потому что нам не о чём было мечтать. Скоро трамваи перестали ходить по улице. Стало тихо. За окошком погас фонарь. Я прилёг на кушетке. Мишка задремал, сидя на стуле, и чуть не свалился с него. Тогда он перебрался ко мне на кушетку, и мы заснули.

Наутро картина не переменилась. Яйца по-прежнему лежали в инкубаторе и все были целенькие. Внутри не было никакого шума.

Все ребята были разочарованы.

— Почему же так вышло? — спрашивали они. — Ведь мы, кажется, все правильно делали!

— Не знаю, — говорил Мишка и разводил руками. Один я знал, в чём дело. Конечно, зародыши погибли ещё тогда, когда я проспал ночью: они остыли, и жизнь оборвалась на полпути. Мне было очень совестно перед ребятами. Ведь это из-за меня они напрасно трудились! Но я не мог никому об этом сейчас сказать и решил признаться когда-нибудь потом, когда этот случай немного забудется и ребята перестанут жалеть о цыплятах.

В школе в этот день нам было особенно грустно. Все ребята как-то сочувственно поглядывали на нас, будто над нами стряслась какая-то особенная беда, а когда Сеня Бобров вздумал, по привычке, назвать нас «инкубаторщиками», то все на него набросились и стали стыдить. Нам с Мишкой даже было неловко.

— Пусть бы лучше ребята ругали нас, — говорил Мишка.

— За что же нас ругать?

— Ну, они столько работали из-за нас. Они имеют право сердиться.

После школы ребята наведались к нам, а потом уже весь день не приходил никто. Только Костя Девяткин иногда приходил. Он один ещё не разочаровался в инкубаторе.

— Вот видишь, — говорил Мишка мне, — теперь все ребята на нас рассердились. А за что на нас сердиться? С каждым может случиться неудача.

— Ты ведь сам говорил, что они имеют право сердиться.

— Имеют! Конечно, имеют! — отвечал с раздражением Мишка. — Ты тоже имеешь право на меня сердиться. Это я во всём виноват.

— Почему ты виноват? Никто тебя не винит. Ни в чём ты не виноват, — ответил я.

— Нет, виноват. Только ты не очень сердись.

— Да за что же сердиться?

— Ну за то, что я такой неудачливый. Такое уж моё счастье, что я все порчу, к чему только не прикоснусь!

— Нет это я все порчу, — говорю я. — Я сам виноват во всём.

— Нет, я виноват: это я погубил цыплят.

— Как же ты мог погубить их?

— Я тебе расскажу, только ты не очень сердись, — сказал Мишка. — Один раз я под утро заснул и не уследил за градусником. Температура поднялась до сорока градусов. Я поскорее открыл инкубатор, чтоб яйца остыли, но они, видно, уже успели испортиться.

— Когда же это случилось?

— Пять дней назад.

Мишка взглянул на меня исподлобья. Лицо у него было виноватое и печальное.

— Можешь успокоиться, — говорю я ему, — яйца испортились гораздо раньше.

— Как — раньше?

— Ещё до того, как ты проспал.

— Кто же их испортил?

— Я.

— Как?

— А я тоже проспал, а температура упала, и яйца погибли.

— Когда же это случилось?

— На десятый день.

— Что же ты до сих пор молчал?

— Ну, мне совестно было признаться. Я думал — может быть, это ничего и зародыши выживут, а они вот не выжили.

— Так, так, — пробормотал Мишка и сердито посмотрел на меня. — Значит, из-за того, что тебе совестно было признаться, все ребята должны были даром трудиться, а?

— Но я ведь думал, что как-нибудь обойдётся. Все равно ребята сами бы решили продолжать дело, чтобы узнать, погибли зародыши или нет.

— «Сами решили!» — передразнил меня Мишка. — Вот и нужно было сказать, чтоб все вместе решили, а не решать самому за всех!

— Послушай, — говорю я, — что ты кричишь на меня? А разве ты сам сказал кому-нибудь, когда не уследил за температурой? Ты ведь тогда тоже решил за всех!

— Верно, — говорит Мишка. — Я свинья! Бейте меня!

— Никто тебя бить не собирается. А ребятам ты всё-таки не говори про это, — сказал я.

— Завтра же расскажу! Про тебя я говорить ничего не буду, а про себя расскажу. Пусть все знают, какая я свинья! Пусть это будет как наказание мне!

— Ну, тогда и я все про себя расскажу, — говорю я.

— Нет, ты лучше не рассказывай.

— Почему?

— Ребята и так смеются, что мы с тобой все вдвоём делаем: и в школу ходим всегда вдвоём, и уроки учим вдвоём, и даже двойки получаем вдвоём. А теперь скажут: и на дежурстве проспали вдвоём.

— Ну и пусть, — говорю, — смеются. Что мне, легче будет, если только над тобой будут смеяться?

### Когда погасла надежда

Печально закончился этот день, и опять наступил вечер. На кухне всё было по-прежнему: инкубатор продолжал нагреваться, лампочка продолжала гореть, но надежда у нас совсем погасла. Мишка молча сидел и вертел в руках яйцо. Мы долго думали, разбить его или пока подождать. Вдруг Мишка испуганно посмотрел на меня. Мне показалось, что он увидел позади меня что-то страшное. Я оглянулся. Позади ничего не было. Я снова взглянул на Мишку.

— Смотри! — прохрипел он и протянул мне яйцо, которое было у него в руках.

Сначала я не разглядел ничего, но потом заметил, что в одном месте яйцо треснуло и как будто бы надломилось изнутри.

— Что это? — говорю. — Может быть, ты сам ударил яйцо нечаянно?

Мишка отрицательно замотал головой.

— Тогда что ж это может быть? Наклейка?

Мишка молча закивал головой.

— Почему ты так в этом уверен? Мишка пожал плечами:

— Сам не знаю...

Я осторожно приподнял надломленную скорлупу ногтем. В яйце получилась дырочка. Из неё на минуточку высунулся жёлтенький носик цыплёнка и сейчас же спрятался обратно.

От радости мы с Мишкой не могли вымолвить ни одного слова и молча бросились обнимать друг друга.

— Вот так чудо! — закричал Мишка и залился счастливым смехом. — Ну, куда нам теперь бежать? Куда бежать?

— Пстой! — говорю. — Куда бежать? Зачем бежать?

— Ну, надо бежать, сказать ребятам! Мишка бросился к двери.

— Пстой! — говорю. — Ты хоть яйцо оставь. Что ты, побежишь к ребятам с яйцом?

Мишка вернулся и положил яйцо в инкубатор. В это время к нам пришёл Костя.

— А у нас уже есть цыплёнок! — закричал Мишка.

— Врёте!

— Честное слово!

— Где же он?

— А вот посмотри!

Мишка открыл инкубатор. Костя заглянул в него:

— Где же цыплёнок? Тут одни только яйца лежат.

Мишка забыл, куда сунул яйцо с наклейкой, и никак не мог отыскать его среди остальных яиц. Наконец он его нашёл и показал Косте.

— Братцы! Да там ведь самый настоящий цыплячий нос торчит! — закричал Костя.

— А ты думал, что мы тебе какой-нибудь фокус показываем?.. Конечно, настоящий!

— Сейчас, братцы! Вы это яйцо держите крепче, а я побегу за ребятами! — закричал Костя.

— Беги, беги, а то ребята совсем уже перестали верить в цыплят. Никто и не зашёл за весь вечер ни разу.

— Да они все у меня сидят и все ещё верят, только они боятся беспокоить вас и каждый раз меня посылают узнать, как дела.

— Почему же они боятся?

— Ну, они ведь понимают, что вам не до них. Вам-то небось и без ребят было тошно.

Костя бросился к двери, и мы слышали, как он загремел вниз по лестнице.

— Батюшки-матушки! — закричал вдруг Мишка. — А я ещё маме ничего не сказал!

Он побежал звать маму, а я схватил яйцо и побежал показать своей маме. Мама посмотрела и велела положить яйцо обратно в инкубатор, потому что оно может остыть и тогда цыплёнок простудится.

Я прибежал обратно к Мишке, смотрю — он скачет по кухне как угорелый, а мама и папа стоят и смеются.

Мишка увидел меня и закричал:

— Ты не видел, куда я сунул яйцо? Я весь инкубатор перерыл — нет нигде!

— Какое яйцо? — спрашиваю я.

— Ну какое... С цыплёнком!

— Да вот оно, — говорю.

Мишка увидел у меня в руках яйцо:

— Ах ты, растяпа! Схватил яйцо и убежал! А я тут ищу его.

— Тише! — сказала Мишкина мама. — Столько шума из-за одного яйца.

— Да ты посмотри, что за яйцо! Разве это простое яйцо? — ответил Мишка.

Мама взяла яйцо и стала разглядывать маленький клювик цыплёнка, который виднелся сквозь дырочку. Папа посмотрел тоже.

— Хм! — усмехнулся он. — Удивительное дело!

— Что же тут удивительного? — сказал с важностью Мишка. — Просто явление природы.

\*\*\*

— Сам ты явление природы! — засмеялся Мишкин папа. — В цыплёнке, конечно, удивительного ничего нет, а вот удивительно, как он у вас получился. Я был уверен, что у вас из этой затеи ничего не выйдет.

— Почему же ты не сказал ничего?

— А зачем говорить? Я думал, что вам полезнее заниматься делом, чем бегать по улице.

Тут на кухню явилась Майка. Платье на ней было надето задом наперёд, ботинки — на босу ногу. Она уже легла спать, но услышала про цыплёнка и тоже захотела посмотреть, поэтому она очень спешила и оделась кое-как. Мы дали ей на минуточку подержать яйцо. Она стала заглядывать в дырочку одним глазом. В это время цыплёнок высунул клюв.

— Он меня клюнуть хотел! — закричала Майка. — Ишь ты какой! Не успел из яйца вылезти, а уже дерётся.

— Ну нечего тут на цыплят кричать! — сказал Мишка. Он отнял у неё яйцо и положил в инкубатор. Вдруг на лестнице послышался шум и топанье ног. Кухня быстро наполнилась ребятами. Яйцо снова пошло по рукам. Каждому обязательно хотелось заглянуть в дырочку и

увидеть цыплёнка.

— Братцы, — надрывался Мишка, — отдайте яйцо! Ему ведь надо в инкубаторе лежать — цыплёнок простудится!

Но никто не слушался.

Насилу мы отняли у ребят это яйцо и положили в инкубатор.

— А на других яйцах нет наклеек? — спросил Витя. Мы принялись осматривать другие яйца, но наклеек больше не было.

— Нет, только номер пятый наклюнулся, остальные яйца без наклеек, — ответил Мишка.

— Может быть, они тоже наклюнутся? — говорили ребята.

— Ничего, — сказал Мишка, сияя от радости. — Если у нас выведется только один цыплёнок, я и то буду доволен. Всё-таки мы не даром трудились. Вот он, результат!

— Ребята, — сказал Сеня Бобров, — может быть, надо разломать скорлупу и выпустить цыплёнка на волю? Ему ведь тесно в яйце сидеть.

— Что ты! — ответил Мишка. — Нельзя скорлупу ломать. У цыплёнка кожа ещё слишком нежная, можно её поцарапать.

Ребята долго не расходились. Каждому хотелось увидеть, как цыплёнок выберется из яйца, но было уже очень поздно, и им пришлось уйти домой.

— Ничего, ребята, — говорил на прощание Мишка, — это ещё не все! Наверно, кроме этого, и другие яйца наклюнутся.

Когда ребята разошлись, Мишка осмотрел ещё раз яйца и нашёл ещё на одном наклейку.

— Смотри, — закричал он, — номер одиннадцатый наклюнулся!

Я посмотрел: яйцо, на котором была написана цифра «одиннадцать», тоже было с наклейкой.

— Ах, какая досада, что ребята ушли! — говорю я. — Теперь уже поздно за ними бежать.

— Да, жалко! — пробормотал Мишка. — Ну ничего, завтра увидят уже готовых цыплят.

Мы сидели у инкубатора и упивались счастьем.

— Это только мы с тобой такие счастливые! — говорил Мишка. — Не каждому небось выпадает такое счастье!

Наступила ночь.

Все давно уже спали, но нам с Мишкой даже не хотелось спать.

Время бежало быстро. Часа в два ночи наклюнулись ещё два яйца: номер восьмой и десятый. А когда мы заглянули в инкубатор в следующий раз, то даже ахнули от изумления. Посреди яиц барахтался маленький новорождённый цыплёнок. Он пытался подняться на своих лапках, но всё время шатался и падал.

От счастья у меня захватило дыхание, сердце сильно забилось в груди.

Я поскорее взял цыплёночка в руки. Он был ещё мокренький и какой-то облезлый. Вместо перьев на нём были рыжие волосики, которые прилипли к его тонкой, нежной розовой коже.

Мишка поскорее открыл кастрюлю, из которой мы сделали грелку.

Я посадил цыплёнка в кастрюлю. Мы подлили в чугунок горячей воды, чтобы цыплёнку было теплее.

— Теперь он высохнет, обогреется и станет совсем хорошим, — говорил Мишка.

Он вынул из инкубатора две половинки скорлупы, из которой вылупился цыплёнок, и сказал:

— Удивительно, как в такой маленькой скорлупе мог помещаться такой огромный цыплёнок!

А цыплёнок на самом деле казался огромным по сравнению с маленькой скорлупой, из которой он вылупился. Он ведь лежал в скорлупе скрюченный, с поджатыми лапками, с подвёрнутой головой, а теперь он расправился, вытянул шею и стоял на своих маленьких ножках.

Мишка принялся рассматривать обе половинки скорлупы и вдруг как закричит:

— Да это ведь не тот цыплёнок!

— Как «не тот»?

— Ну, не тот, не первый! Первый наклюнулся номер пятый, а этот одиннадцатый.

На скорлупе в самом деле была написана цифра «одиннадцать».

Мы заглянули в инкубатор. Номер пятый по-прежнему лежал на месте.

— Что ж это он? — говорю я. — Раньше всех наклюнулся, а вылезать не хочет.

— Наверно, он слабенький и не может сам разломать скорлупу, — сказал Мишка. — Пусть полежит ещё и наберётся побольше сил.

## Наша ошибка

За всеми хлопотами мы даже не заметили, как наступило утро. Взошло солнышко и стало

светить в окно. На полу заиграли солнечные зайчики, и вся кухня наполнилась радостным светом.

— Вот увидишь, сейчас придёт кто-нибудь из ребят, — сказал Мишка. — Они не вытерпят!

Не успел он это сказать, как пришли сразу двое — Женя и Костя.

— Смотрите на чудо! — закричал Мишка и вытащил из кастрюли цыплёнка. — Вот оно, чудо природы! Ребята стали рассматривать цыплёнка.

— А здесь ещё три наклейки! — хвастался Мишка. — Смотрите: номер пятый, восьмой и десятый.

Цыплёнок, видно, очень боялся холода. Когда мы держали его в руках, он начинал беспокоиться, а когда сажали обратно в грелку, сейчас же успокаивался.

— А вы уже покормили его? — спросил Костя.

— Что ты, что ты! — ответил Мишка. — Его ещё рано кормить. Цыплят начинают кормить только на следующий день.

— А вы так и не спали всю ночь? — спросил нас Женя.

— Нет. Куда уж тут спать, когда такие дела пошли!

— Так вы ложитесь, а мы пока подежури́м, — предложил Костя.

— А вы разбудите нас, если новый цыплёнок выведется?

— Конечно, разбудим.

Мы с Мишкой улеглись на кушетке и моментально заснули. По правде сказать, мне давно уже хотелось спать. Ребята разбудили нас часов в десять утра.

— Вставайте смотреть чудо-юдо номер два! — закричал Костя.

— Какое «чудо-юдо номер два»? — не понял я спросонок и огляделся по сторонам.

Вся кухня уже была полна ребят.

— Вот оно, чудо! — закричали ребята и показали на грелку.

Мы с Мишкой вскочили и заглянули в кастрюлю. В ней оказалось уже два цыплёнка. Один из них был кругленький, пушистый и жёлтенький, как яичный желток. Совсем настоящий красавец!

— Какой замечательный! — говорю я. — Почему же наш первый такой облезлый? Все засмеялись:

— Да это и есть ваш первый.

— Какой?

— Вот этот, пушистый.

— Да нет! Наш вот тот, голенький.

— Этот голенький только что вылупился. А первый уже обсох и стал пушистый.

— Вот так чудеса! — говорю я. — Значит, и второй такой будет, когда обсохнет?

— Конечно.

— А какой номер вылупился? — спросил Мишка.

— Как — какой номер? — не поняли ребята.

— Ну, у нас все яйца ведь пронумерованы, — объяснил Мишка.

— А мы и не посмотрели, из какого он номера вылез, — ответил Костя.

— Можно проверить по скорлупе, — сказал я. — Там ведь скорлупа осталась.

Мишка открыл инкубатор и как закричит:

— Батюшки! Да тут ещё два новорождённых! Все, толкая друг друга, бросились к инкубатору. Мишка осторожно вынул из инкубатора двух новых цыплят и показал нам.

— Вот они, орлы! — с гордостью сказал он.

Мы усадили и этих цыплят в кастрюлю. Теперь их уже было четверо. Они все сидели кучкой и жались друг к дружке, чтобы было теплее.

Мишка вытащил из инкубатора оставшуюся скорлупу и стал разбирать, какие на ней были написаны номера.

— Номер четвёртый, восьмой и десятый, — объявил он. — Только который из них какой?

Мы стали рассматривать трех новых цыплят, но теперь уже нельзя было узнать, из какой скорлупы они вывелись.

— Все номера перепутались! — смеялись ребята.

— А номер пятый так и лежит в инкубаторе? — говорю я.

— Верно! — воскликнул Мишка. — Лежит! Что ж это он? Может быть, умер?

Мы достали яйцо номер пять из инкубатора и немного расширили наклейку.

Цыплёнок спокойно лежал в яйце и шевелил головкой.

— Живой! — обрадовались мы и положили яйцо обратно.

Мишка проверил оставшиеся яйца и обнаружил новую наклейку, на третьем номере. Ребята смеялись и потирали от удовольствия руки.

— Вот как пошли дела! — радовались они.

Тут пришла Майка. Мы стали показывать ей цыплят.

— Вот этот мой! — сказала она и уже хотела схватить пушистого.

— Постой, — говорю я. — Зачем хватаешь? Ему сидеть надо в грелке, а то простудится.

— Ну, тогда я потом возьму. Только этот, пушистый, мой будет. Я не хочу голого.

В этот день было воскресенье. В школу никому не нужно было идти. Ребята весь день толпились у нас. Кто на стуле сидел, кто на кушетке. Мы с Мишкой сидели на самом почётном месте — возле инкубатора. Направо, возле плиты, стояла кастрюля с новорождёнными, на плите грелся чугунок с водой, на окне весело зеленел овёс в ящиках. Ребята шутили, смеялись, рассказывали разные интересные случаи из жизни.

— Почему же произошла задержка? — спросил кто-то из ребят. — Вы ведь ещё в пятницу ждали цыплят.

— Не знаю, — ответил Мишка. — В книге написано, что цыплята выводятся на двадцать первый день, а сегодня уже двадцать третий. Может быть, в книге произошла какая-нибудь ошибка?

— Может быть, это у вас произошла ошибка? — говорит Лёша Курочкин. — Вы помните, когда заложили в инкубатор яйца?

— Мы заложили третьего числа. Это было в субботу, — говорит Мишка. — Это я точно помню, потому что на другой день было воскресенье.

— Послушай, — сказал Женя Скворцов, — у вас как-то нескладно получается: заложили яйца в субботу, а двадцать первый день наступил в пятницу.

— Правда! — подхватил Витя Смирнов. — Если вы начали в субботу, то и двадцать первый день тоже должен наступить в субботу. Ведь в неделе семь дней, а двадцать один день — это ровно три недели.

— Трижды семь — двадцать один! — засмеялся Сеня Бобров. — Так по таблице умножения получается.

— Я не знаю, как там у тебя по таблице умножения получается! — обиделся Мишка. — Мы не по таблице считали.

— Как же вы считали?

— А вот как, — сказал Мишка и начал загибать пальцы. — Третьего числа был первый день, четвёртого — второй, пятого — третий...

Так он дошёл до пятницы, и у него получился двадцать один день.

— Что же это? — говорит Сеня. — По таблице умножения двадцать первый день получается в субботу, а по пальцам — в пятницу. Как-то чудно!

— А ну покажи ещё раз, как ты считаешь, — сказал Женя

— Вот, — сказал Мишка и снова начал загибать пальцы. — В субботу, третьего, — один день, в воскресенье, четвёртого, — два...

— Постой, постой! Не правильно! Если ты начал третьего, то третье число не надо считать.

— Почему?

— Потому что день ещё не прошёл. День прошёл только четвёртого. Значит, ты должен начать счёт с четвёртого числа.

Тут мы с Мишкой поняли, в чём дело. Мишка подсчитал по-новому, и оказалось все верно.

— Правильно, — сказал он. — Двадцать первый день наступил вчера.

— Значит, все вышло как надо, — говорю я. — Ведь мы заложили в инкубатор яйца в субботу вечером, и первая наклейка появилась в субботу вечером, то есть вчера. Как раз двадцать один день прошёл.

— Видишь, какое несчастье может произойти, если плохо знаешь арифметику, — сказал Ваня Ложкин. Все засмеялись, а Мишка сказал:

— Из-за этой ошибки мы столько мучений перенесли! Если б мы не ошиблись, никто бы не мучился.

## День рождения

К концу дня у нас в грелке сидело уже десять цыплят. Последним появился номер пятый. Он упорно не хотел вылезать из яйца, и нам пришлось наполовину обломать скорлупу, чтобы помочь ему выбраться. Если бы мы этого не сделали, то он так и остался бы в скорлупе до скончания веков. Он был помельче остальных птенцов и не такой крепкий — должно быть, оттого, что так долго сидел в яйце.

К вечеру в инкубаторе осталось только два яйца. Они сиротливо лежали посреди опустевшей коробки, и на них не появилось даже наклеек. Мы продолжали нагревать инкубатор и не гасили лампы, но они даже не наклюнулись за ночь. Все новорождённые

цыплята прекрасно провели ночь в кастрюле, а наутро мы их выпустили на пол. Все они были жёлтенькие, пушистые и отчаянно пищали. Они моргали своими глазёнками, жмурились от яркого света; одни уже крепко держались на своих маленьких ножках, другие падали, третьи пытались бежать, но тут же спотыкались. Иногда они тыкали клювиками в разные пятнышки на полу и даже в блестящие шляпки гвоздей.

\* \* \*

— Миленькие! Да они есть хотят! — воскликнул Мишка. Мы поскорее сварили вкрутую яйцо, нарезали его мелко и насыпали цыплятам. Но цыплята не догадывались, что яйцо можно есть. Мы давали им по кусочку яйца и говорили:

— Ешьте, глупые!

Но цыплята даже не смотрели на корм. В это время на кухню пришла Мишкина мама.

— Мама, они не хотят есть яйцо! — пожаловался Мишка.

— А ты поучи их.

— Как же их учить? Мы говорим им, а они не слушаются.

— Да разве так цыплят учат? Ты постучи по полу пальцем.

Мишка присел возле цыплят и стал стучать пальцем по полу там, где был насыпан корм. Цыплята увидели, что палец как будто клюёт на полу корм, и тоже стали клевать. Через минуту от яйца не осталось ни крошки. Тогда мы поставили им блюдечко с водой, и цыплята принялись пить воду. Их этому не нужно было даже учить. Потом они сбились на полу кучкой и прижались друг к дружке. Мы посадили их обратно в кастрюлю, чтобы им было теплее.

В этот день, как только Марья Петровна пришла в класс, все ребята бросились к ней навстречу и стали рассказывать, что у нас уже есть цыплята. Марья Петровна очень удивилась и обрадовалась.

— Значит, вас можно поздравить с днём рождения цыплят? — сказала она.

Все засмеялись, а Витя Смирнов сказал:

— А мы даже не отпраздновали день рождения цыплят! Давайте сегодня отпразднуем.

Все обрадовались и закричали:

— Давайте, давайте! Марья Петровна, а вы придёте на день рождения к нам?

— Приду, — улыбнулась Марья Петровна. — И подарок цыплятам принесу.

— Мы тоже принесём подарки! — кричали ребята. Вернувшись из школы, мы с Мишкой с нетерпением ждали гостей. Нас очень интересовал вопрос: какие будут подарки? Первым явился Сеня Бобров с букетом цветов.

— Что это? — сказал Мишка, — Ты зачем цветы притащил?

— А подарок!

— Зачем же цыплятам такой подарок? Что они, есть будут эти цветы?

— Зачем есть? Будут смотреть и нюхать.

— Вот ещё выдумал! Цветов они не видели, что ли!

— Конечно, не видели. Давай-ка банку с водой. Увидишь, как хорошо будет.

Мы налили в банку воды и поставили цветы в воду. Вслед за Сеней явились Серёжа и Вадик. Они оба принесли по букету подснежников.

— Что это вы все сговорились приносить цветы? — насупился Мишка.

— А тебе что, наши подарки не нравятся? — обиделся Вадик — Знаешь, дарёному коню в зубы не смотрят.

Мы поставили и эти цветы в воду.

Пришёл Ваня Ложкин и принёс полкило крупы овсянки. Мишка посмотрел и покачал головой:

— Уж не знаю, будут ли они такую овсянку есть.

— А ты попробуй, — говорит Ваня.

— Нет, мы лучше подождём и спросим Марью Петровну.

Тут пришла Марья Петровна.

В руках у неё было что-то завёрнутое в газету. Она развернула, и это оказалась бутылка. В бутылке было что-то белое.

— Молоко! — закричал Мишка. — А мы и не догадались цыплятам молока дать!

— Это не молоко, а простокваша, — сказала Марья Петровна. — В первые дни цыплятам нужно вдоволь простокваши давать. Они её очень любят.

Мы выпустили цыплят из грелки, принесли блюдечко и налили в него простокваши. Цыплята принялись есть простоквашу.

— Вот это настоящий подарок цыплятам! — радовался Мишка. — Надо знать, что цыплятам дарить.

Продолжали прибывать новые «гости». Пришли Витя и Женя и принесли пшена. Вслед за



ними прибежал Лёша Курочкин с детской погремушкой в руках и закричал.

— Вот, не знал, что купить новорождённым! Иду по улице, смотрю — в киоске продаются детские погремушки. Ну, я и купил погремушку им.

— Додумался! — проворчал Мишка. — Кто же дарит цыплятам погремушки?

— Откуда же я знаю, что цыплятам дарить? Может быть, им погремушка поправится.

Он подскочил к цыплятам и начал над ними греметь погремушкой. Цыплята перестали есть простоквашу и начали задирать вверх головы.

— Смотрите! — кричал радостно Лёша. — Им погремушка нравится!

Все засмеялись. Мишка сказал:

— Ну ладно, не мешай им есть.

Я спросил Марью Петровну, можно ли кормить цыплят овсянкой. Марья Петровна сказала, что кормить цыплят можно всякой крупой, но только вареной.

— А как варить крупу? — спросил Мишка.

— Ну, сварите просто кашу.

Мы с Мишкой хотели уже начать варить кашу, но тут пришёл ещё один «гость» — Костя Девяткин.

— А подарок принёс? — спросили его ребята.

— Подарок вот, — сказал Костя и вытащил из кармана два пирога.

— Вот так придумал! — засмеялись ребята.

— Ну, на день рождения всегда ведь бывают пироги, — оправдывался Костя.

— А с чем пироги? — спросил подозрительно Мишка.

— С кашей

— С кашей?.. — закричал Мишка. — Так чего ж ты молчишь?

Он выхватил у Кости из рук пироги и стал выковыривать из них кашу.

— Постой! — сказал Костя. — Ведь и так видно, что они с кашей. Зачем пироги портить?

Но Мишка не слушал. Он выложил кашу на блюдечко и поставил перед цыплятами.

Цыплята принялись клевать кашу.

Майка увидела, что все приносят подарки цыплятам. Она принесла красную ленточку, разрежала на кусочки и повязала каждому цыплёнку бантик вокруг шеи. Мы расставили вокруг цыплят банки с цветами, и у цыплят получился настоящий праздник. Перед ними в блюдечках стояло угощение: в одном блюдечке каша, в другом простокваша, в третьем чистая, свежая вода, а все цыплята были с красными бантиками — настоящие именинники! Костя хотел ещё угостить их травой, но Марья Петровна сказала, что цыплятам ещё рано давать зелёный корм; с этим лучше потерпеть до завтра.

Цыплята наелись, попили свежей водички. Мы сняли с них бантики и посадили обратно в грелку. Марья Петровна посоветовала нам отгородить для цыплят угол на кухне и поставить им чугунок с горячей водой, чтоб они возле него грелись.

— А лучше всего отвезти их куда-нибудь в деревню. В закрытом помещении цыплята часто болеют и могут умереть. Им обязательно нужен свежий воздух, — сказала Марья Петровна.

\* \* \*

Мы показали Марье Петровне наш инкубатор, в котором осталось только два яйца.

— Из этих яиц, наверно, уже ничего не выйдет, — сказала Марья Петровна. — Но это не беда. У вас и так все очень хорошо получилось. Вы потрудились на славу!

— А мы не одни трудились: с нами ребята работали, — сказал Мишка.

— Так и надо, — ответила Марья Петровна. — Будете дружными — никакие трудности вас не испугают.

— А я думал, что у нас совсем ничего не получится, так как один раз не уследил за температурой и яйца остыли, — сказал я.

— Зародыши могут выдержать довольно длительное охлаждение, — сказала Марья Петровна. — Ведь наседка не сидит всё время на яйцах. Раз в день она сходит с гнезда, для того чтобы покормиться, и яйца остывают. В инкубаторах тоже остужают яйца раз в день, чтобы зародыши развивались, как в природных условиях. Но гораздо опаснее перегреть яйца.

— А я один раз перегрел, — говорит Мишка. — Температура поднялась до сорока градусов.

— Значит, ты вовремя спохватился, — объяснила Марья Петровна. — Длительный перегрев мог бы погубить зародыши.

Вечером мы разбили оба оставшихся яйца. В обоих оказались недоразвившиеся зародыши. Жизнь почему-то остановилась в них, и цыплята умерли не родившись. Может быть, это как раз и случилось от перегрева. Мы потушили лампу, которая горела ровно

двадцать три дня. Ртуть в градуснике медленно опустилась вниз. Инкубатор остыл. А у плиты в кастрюле копошилась наша «весёлая семейка» — десять пушистых жёлтеньких цыплят.

## На волю

Наша «весёлая семейка» жила очень дружно. Цыплята чувствовали себя спокойно и хорошо, когда были все вместе. Но стоило только какого-нибудь из них унести от остальных, как он начинал тревожно пищать и бегать, стараясь отыскать своих братцев, и успокаивался только тогда, когда находил их.

\* \* \*

Майка уже давно хотела забрать своего цыплёнка, но мы всё не позволяли ей. Наконец она всё-таки не послушалась и унесла его в комнату. Через полчаса она принесла его обратно и со слезами сказала:

— Я не могу больше! Он надрыгает мне душу писком. Я думала, он привыкнет и не будет пищать, а он все пищит, да так жалобно!

Она пустила цыплёнка на пол, и он со всех ног бросился к остальным цыплятам, которые держались стайкой и не отходили далеко друг от друга.

Мы отгородили на кухне угол. В углу постелили клеёнку и поставили на неё чугунок с тёплой водой. Сверху мы накрыли чугунок подушкой, чтоб вода не остывала слишком быстро. Цыплята забирались под подушку и сидели вокруг чугунка, как вокруг курицы. Этот чугунок на самом деле заменял им мать — курицу.

Иногда мы выносили цыплят во двор, но там нам трудно было следить за ними: то собака появится, то кошка — со всех сторон грозила какая-нибудь беда. Цыплятам чаще всего приходилось сидеть дома, и мы очень боялись, что им не хватает свежего воздуха. Особенно нас беспокоил один цыплёнок. Он был помельче остальных, и характер у него был какой-то задумчивый. Он мало бегал, часто сидел совсем молча и мало ел. Это был номер пятый, который позже всех вылупился из яйца.

— Хорошо бы отвезти наших цыплят в деревню, — сказал Мишка. — Боюсь, как бы они не заболели у нас.

Но нам жалко было расставаться с цыплятами, и мы со дня на день откладывали поездку.

Один раз утром мы с Мишкой пришли кормить цыплят. Цыплята уже узнавали нас и с радостным писком бросались из-под чугунка к нам навстречу. Мы поставили им тарелочку с пшённой кашей. Цыплята принялись клевать корм.

Они толкали друг дружку, прыгали через головы. Каждый старался опередить другого, а один даже залез с ногами в тарелку.

— А где же номер пятый? — спросил Мишка. Номер пятый обычно толкся позади всех. Его, как самого слабого, цыплята отталкивали, и мы всегда кормили его отдельно. Иногда он и вовсе не хотел есть, а прибежал с остальными цыплятами, чтоб не оставаться одному. Но на этот раз его совсем не было. Мы пересчитали цыплят. Их оказалось девять.

— Может быть, он за чугуном спрятался? — сказал я и заглянул за чугунок.

Цыплёнок был там. Он лежал на полу, и я сначала подумал, что он просто прилёг отдохнуть. Я протянул руку и взял его. В руке у меня очутилось маленькое холодное тельце. Головка цыплёнка свесилась книзу и безжизненно моталась на тоненькой шейке. Номер пятый был мёртв.

— Мы долго смотрели на него и от жалости не могли сказать ни слова.

— Это мы виноваты! — сказал наконец Мишка. — Надо было отвезти его в деревню. Он бы окреп там на чистом воздухе.

Мы похоронили цыплёнка во дворе под липой, а на другой день собрали всех остальных в корзинку и сказали, что повезём их в деревню. Все ребята пришли провожать цыплят. Майка плакала и целовала на прощание своего цыплёнка. Ей очень хотелось оставить его у себя, но она боялась, что он будет скучать по своим братцам, и поэтому согласилась, чтобы мы отвезли его тоже в деревню.

Мы накрыли корзинку тёплым платком и пошли на вокзал. Цыплятам было тепло и уютно. Всю дорогу они сидели тихо и только иногда попискивали, перекликаясь между собой. Пассажиры с любопытством поглядывали на нас и, наверно, догадывались, что у нас в корзинке цыплята.

\* \* \*

— Ну как, птицеводы, опять за яйцами приехали? — засмеялась тётя Наташа, когда

увидела нас.

— Нет, — сказал Мишка. — Мы привезли вам маленьких цыплят, чтоб они у вас жили.

Тётя Наташа заглянула в корзинку:

— Батюшки! Где же вы набрали столько цыплят?

— Сами вывели в инкубаторе.

— Шутите! Наверно, в зоомагазине купили.

— Нет, вы ведь сами дали нам яиц месяц назад. А теперь эти вот яйца вернулись к вам в живом виде.

— Чудеса! — воскликнула тётя Наташа. — Вы, наверно, какими-нибудь животноводами будете, когда вырастете.

— Не знаю, — ответил Мишка.

— А вам не жалко расставаться с цыплятами?

— Жалко, — ответил Мишка. — Да вы ведь знаете: в городе им не житьё. Здесь у вас воздух свежий и чистый, и им будет здесь хорошо, а там им даже побегать негде. У вас они вырастут, и получатся из них настоящие куры и петухи. Куры будут нести вам яйца, а петухи будут петь песни. А у нас уже один цыплёнок умер, и мы похоронили его под липой.

— Ах вы мои бедные! — сказала тётя Наташа и обняла нас с Мишкой. — Ну ничего, ничего! Один цыплёнок умер, что ж делать? Зато остальные будут жить.

Мы выпустили цыплят из корзины и долго смотрели, как они резвились на солнышке. Тётя Наташа сказала, что у неё заклохтала курица, и мы с Мишкой побежали в сарай посмотреть на наседку. Она сидела в лукошке, из которого торчало во все стороны сено. Курица строго глядела на нас, будто боялась, что мы отнимем у неё яйца.

— Вот и будут нашим цыплятам товарищи, — сказал Мишка. — Вместе им веселее будет.

Весь день мы провели с Мишкой в деревне. Ходили в лес, на реку, в поле. Когда мы приезжали в прошлый раз, на полях ещё ничего не росло, потому что это было совсем ранней весной. Только тракторы трещали вокруг и пахали чёрную землю. А теперь вся земля покрылась зелёными всходами: куда ни глянешь — до самого горизонта тянется зелёный ковёр.

А в лесу — вот где было раздолье! В траве копошились мурашки, букашки, в воздухе порхали бабочки, со всех сторон доносились голоса птичек. Так было хорошо, что не хотелось уезжать домой! Мы с Мишкой решили приехать сюда летом, построить на берегу реки шалаш и жить в нём, как Робинзон.

Наконец мы вернулись к тёте Наташе и стали прощаться с ней. Тётя Наташа дала нам на дорогу по куску пирога и сказала, чтоб мы приезжали к ней жить на каникулы. Мы вышли во двор и в последний раз посмотрели на наших цыплят. Они уже совсем привыкли к новому месту и бегали среди кустов и деревьев, наполняя воздух радостным писком. Они по-прежнему держались дружной стайкой и пищали, должно быть, для того, чтобы тот, кто заблудился среди травы, мог найти остальных по писку.

— Ну, прощай, наша весёлая семейка! — сказал Мишка цыплятам. — Дышите тут воздухом, грейтесь на солнышке, закаляйте свои организмы, набирайтесь побольше сил. Живите между собой дружно, как и до сих пор жили. Помните, что вы все братья — дети одной матери... то есть тьфу! — дети одного инкубатора, в котором все вы лежали рядышком, когда были ещё обыкновенными, простыми яйцами и ещё не умели ни бегать, ни говорить... то есть тьфу! — ни пищать... И нас тоже не забывайте, потому что это мы сделали инкубатор и, значит, это мы дали вам жизнь, которая такая хорошая и прекрасная...

Все!

## Николай Николаевич Носов "О Незнайке"

Три книги о Незнайке вышли в 1953, 1958 и 1964 годах. Родившиеся после 1960-го имели их своевременно и в полном объёме. Такие произведения никогда не устаревают, не выходят из моды и не теряют актуальности. Их начинают читать когда осваивают букварь, а заканчивают в младших классах. В школе их не проходят, литературоведы ими не занимаются, так что обсудить их совершенно некому. Только иногда кто-нибудь из взрослых знакомых вдруг восторженно заявляет: «Вчера читал «Буратино» — полный улёт!!!» И начинает сыпать цитатами типа: «ах ты, старый плавающий чемодан» или «голову отъем!»...

«Незнайку» цитируют чаще всего политические обозреватели, экономисты или ведущие интеллектуальных игр. Реже — сами дети, так как считают эти книжки чем-то более интимным, нежели предмет для разговора со сверстниками.

Среди взрослых библиофилов весьма ценятся и охотно перечитываются прижизненные издания Н. Н. Носова 50-х — 60-х годов с качественной бумагой, печатью, переплётом и иллюстрациями.

### КАК РОДИЛСЯ ЗАМЫСЕЛ

Из воспоминаний Носова мы можем узнать, что на мысль о создании «Незнайки» его натолкнула книжка Анны Хвольсон [«Царство малюток. Приключения Мурзилки и лесных человечков»](#) 1883 года по мотивам американских комиксов Палмера Кокса. (Глубже копать не будем, ибо увязнем в скандинавской мифологии.) Отметим сразу, что в «Малютках» Хвольсон много колоритных героев, но мало литературных идей. Книга эта была впоследствии не раз переиздана (последний раз в 1996 году), желающие могут с ней ознакомиться, но детям лучше её не покупать. Вещица откровенно слабая и не стоит внимания. Носов придумал своих коротышек потому, что у него было много идей, но не хватало героев.

«Этим персонажам я свободно мог давать те чёрточки характеров, которые требовались по замыслу. Малютки эти, которых я называл коротышками, были удобны тем, что я мог не развивать и не углублять их характеры, загружая повествование ненужными деталями, а снабжать их отдельными чёрточками, отражать какую-нибудь одну сторону характера, что вполне вязалось с их микроскопичностью и в то же время заостряло, обобщало образ, типизировало его». — Из письма Н. Н. Носова Ю. С. Пухову.

### КАК УСТРОЕНА СКАЗОЧНАЯ СТРАНА КОРОТЫШЕК

В сущности, у Носова получилась страна, нет, целая планета лилипутов, в которой категорически не предусмотрено появление какого-нибудь Гулливера, так как больших, нормальных людей там не существует в принципе. Жители страны называются коротышками, ростом они с небольшой огурец. По половой принадлежности коротышки делятся на малышей и малышек. Среди коротышек встречаются мудрые бородатые волшебники, учение профессора и неотёсанные юнцы вроде Незнайки. То есть это, по сути, крошечные взрослые люди с чертами характера ребёнка.

Растения в сказочной стране «Гигантские» (арбуз — величиной с дом»), насекомые тоже («воротник из меха чёрно-бурой гусеницы»), а вот звери такие же маленькие, как и сами коротышки («медведь величиной с крысу»).

В описании сказочной страны автором наложены табу на понятия рождения и смерти (коротышки никогда не рождаются и никогда не умирают, они существуют всегда как объективная реальность), а также на понятия романтической или плотской любви (допускается лёгкий флирт). Кстати, возможно именно по этой причине «Незнайка» гораздо более популярен среди мужской половины читателей, ведь в бессознательном женской половины львиную долю инстинктов составляют инстинкты продолжения рода.

## КАКОГО РОСТА НЕЗНАЙКА

Помимо расплывчатого определения «с небольшой огурец», при внимательном изучении книги мы можем узнать совершенно точный рост Незнайки. Сначала заглянем в главу шестнадцатую «Незнайки в Солнечном городе» и узнаем, что высокий коротышка Калигула (осёл) был ростом в 9,5 ногтей.

«Ноготь — эта такая мера длины в стране коротышек. В переводе на наши меры ноготь равняется одному сантиметру с четвертью. Помножив девять с половиной на сантиметр с четвертью, каждый может узнать, какого роста был этот Калигула».

Но это рост не самого Незнайки, а гораздо более высокого коротышки. В девятой главе «Незнайки на Луне» мы обнаружим исчерпывающее описание параметров нашего героя. В полицейском отделении его обмеряют для криминальной картотеки.

«Ваш рост, выраженный в стандартных измерительных единицах, равняется семидесяти двум. Значит, вы коротышка среднего роста...»; «Измеряем окружность вашей головы... Вот так... Тридцать единиц. Видим, таким образом, что у вас голова большая...»; «Измеряем ваш нос и видим, что он длиной лишь в две с половиной единицы, то есть коротенький».

Предположив, что писатель не усложнял книгу выдумыванием каких-либо несуществующих или нерасшифрованных единиц измерения, приходим к выводу, что рост Незнайки равнялся 72 мм, нос имел длину 2,5 мм, а окружность головы — 30 мм.

## ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС В МИРЕ СКАЗОЧНЫХ ЧЕЛОВЕЧКОВ

В первой книжке коротышки ездят на газированном автомобиле и изобретают воздушный шар. Вернувшись из путешествия, они стали строить мост, водопровод и фонтаны, которые видели в Зелёном городе.

Вторая книга загружена (в хорошем смысле) подробными описаниями всевозможных технических устройств и даже фабрики и типографии в Солнечном городе, куда попадают Незнайка, Кнопочка и Пачкуля Пёстренький. Это радиолярии, циркулины и планетарки, диковинные здания, автомобили и даже электронные машины, играющие в шахматы (1958 год!). В жизни коротышек (как и в жизни советских людей) появилось также телевидение.

В третьей книге техника уже, как говорится, на грани фантастики. Коротышки строят космический корабль и отправляются на Луну. Ввиду того, что полет Гагарина состоялся в 1961 году, а «Незнайка на Луне» вышел в 1964-м, легко догадаться, что именно натолкнуло писателя на столь необычный в сказочном отношении шаг.

Но, как выясняется, мысль о космических полётах не давала покоя писателю ещё задолго до полёта Гагарина. Вот фрагмент из ответа Носова на анкету «Литературной газеты»:

«...В 1955 году буду работать над научно-фантастической повестью о последних достижениях и перспективах развития советской науки в области ракетоплавания и телемеханики...».

Что это за планы были, остаётся для нас загадкой. Вообще-то в своих интервью Носов иногда допускал конъюнктурные, впоследствии ничем не подтверждённые высказывания. Например, обещал написать книгу о Ленине.

## ПОЛИТЭКОНОМИЯ В МИРЕ СКАЗОЧНЫХ ЧЕЛОВЕЧКОВ

В трёх книгах о Незнайке перед нами разворачивается целая мировая история политекономии: от элементарной меновой экономики — к полному коммунизму (минуя развитой социализм), а затем вдруг в «загнивающий» на Луне капитализм.

В Солнечном городе (гл.24) Незнайка так описывает экономику Цветочного города: «...Значит, вы должны дать портному за брюки, скажем, грушу. Но если портному не нужна груша, а нужен, к примеру сказать, стол, то вы должны пойти к столяру, дать ему грушу за то, что он сделает стол, а потом этот стол выменять у портного на брюки»... И т.д.

Да, при такой экономике жить трудно. Зато на Луне товарно-денежные отношения очень похожи на наши — там капитализм. Роман-сказку «Незнайка на Луне» экономисты называют самым толковым и доступным учебником политекономии. Побывав вместе с Незнайкой на Луне, даже какая-нибудь подслеповатая бабушка отлично усвоит, что такое акционерное общество, реклама, продажная пресса, лопнувший банк, биржа, забастовка, безработица, что такое рыночные отношения, в конце концов. Из этой книжки можно узнать, как Пончик стал миллионером и почему разорился. Как Незнайка хотел бежать с деньгами вкладчиков, но его самого надули компаньоны.

## В ТРАВЕ СИДЕЛ КУЗНЕЧИК

Лучшими иллюстрациями к «Незнайке» библиофилами признаются работы художников А. Лаптева и Г. Валька. Хорошими признаются также современные издания с рисунками Евг. Козлова (стилизованы под Лаптева) и А. Борисенко (стилизованы под Валька). Поскольку в книгах такого рода для максимального восприятия визуальный ряд значит не меньше, чем смысловой, постарайтесь не испортить себе или младшему брату впечатление от книги халтурными или просто безобразными рисунками.

В начале 70-х вышла серия кукольных м/ф о Незнайке, которую, к счастью, давно уже не показывают. Делали эти фильмы люди, ясное дело, выросшие ещё до появления книги и ознакомившиеся с ней по необходимости. Фильм, как следствие, не получился, а когда на ТВ пришло поколение носовских читателей, м/ф показывать перестали. На слуху у публики остался один только дурацкий мотивчик о кузнечике...

## ПОЧЕМУ НЕЗНАЙКА НЕ СТАЛ НАЦИОНАЛЬНЫМ ГЕРОЕМ?

Как только студия Диснея в 30-х годах произвела на свет Микки Мауса, вся американская промышленность стала работать на возведение этого мышонка в культ. Сувенирные фигурки, изображения на всех мыслимых предметах, включая школьные тетради, участие в парадах его ростовых кукол и т.п. — все это работало на экономику, благосостояние и авторитет Америки.

Незнайка родился если и там, где надо, то точно не вовремя. Никто в советской России не был заинтересован в популяризации своего, может быть единственного, национального сказочного героя. Идеологическая загруженность и культ вождя были главным и едва ли не единственным постулатом педагогической науки. Даже кондитерские изделия назывались тогда повсеместно «Октябрь», «Аврора» и т.п.

Говорят, что известная питерская арт-тусовка во главе с С. Курехиным своим графическим символом выбрала изображение Незнайки, как единственного незаимствованного у иностранцев героя. И действительно, вспомним, что даже наш любимый «Буратино» пересказан с итальянского «Пиноккио», а «Волшебник Изумрудного города» — с американского «Волшебника страны Оз».

Незаимствованного? А как же Кокс и Хвольсон? — скажете вы. А всё нормально. Ни одно произведение искусства не возникало из ничего. К тому же литература Носова настолько выше, качественнее примитивной графомании предшественников, что говорить об этом просто

смешно. Не забудем также, что Палмер Кокс был художником, карикатуристом (несомненно, талантливым, выдающимся для своего времени), но не писателем.

## ПОЧЕМУ СКАЗОЧНЫЕ КОРОТЫШКИ ДОСТОЙНЫ ЛЮБВИ

А между прочим, в Незнайке куда больше жизни и душевных качеств, чем в иных героях из «серьёзной» литературы, не говоря уж о Микки Маусе. Незнайка хоть и дурит в своей обычной жизни, но в экстремальных ситуациях проявляет себя с лучшей стороны: рискуя собой, спасает друга (Козлика); по ночам его мучает совесть за проступки; он постоянно пытается чему-то научиться, но не доводит до конца. Незнайка бесхитроsten и нерасчётлив: он говорит, что думает, а делает все, наоборот, не подумавши.

Все эти носовские крошечные человечки — «взрослые», обладающие забавной детской непосредственностью, в сущности, богоугодны. «Будьте как дети» — говорится в Священном Писании. И коротышки из сказочной страны не фарисействуют и не лицемерят с именем Бога на устах, они вообще о Нем ничего не знают... А это незнание ещё более увеличивает ценность хороших поступков или побуждений, так как они вроде как и не «идут в зачёт».

Если не очень сложно, подумай над этим, читатель. А на досуге раскрой какую-нибудь книжку Николая Носова.

## ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Если книги о Незнайке написаны Носовым от третьего лица, то большая часть рассказов и повестей — от первого. Стремясь во всём подражать кумиру (в смысле — Носову, а не Незнайке), автор данной работы также переходит на повествование от первого лица.

Когда я прочитал все на свете книги и принялся перечитывать те, что особенно полюбились и запомнились, из самых разных писателей у меня выстроился определённый хит-парад, первое место в котором, к некоторому моему удивлению, занял детский писатель Николай Носов.

С определённого возраста к чтению детских книг возникает дурацкий психологический барьер, который может отрезать человека от любимых произведений на всю жизнь. Действительно, когда учишься в старших классах и хочется поскорее стать взрослым, читать детские книжки вроде бы как-то уже и неловко, нецелесообразно. Да и девочки могут подумать, что ты какой-нибудь умственно отсталый дурачок. (При этом считается совсем не стыдным и даже модным читать замороченную иностранную «Алису» или «Хоббитов».) Но когда ты становишься на самом деле взрослым и от этих детских комплексов ничего не остаётся (их место занимают другие), вернуться к этим книжкам оказывается безумно интересно. Тем более что детские книжки пишут вовсе не дети, а вполне взрослые и прошедшие через всё на свете люди.

То, что Носова любят, наглядно доказал мне недавний жизненный опыт. Более месяца, из номера в номер, я давал в газету объявление о желании купить сочинения этого писателя. То, что он есть едва ли не в каждом доме, мне доподлинно известно. Однако никто, за исключением двух одиноких пенсионеров, не пожелал расставаться с этими книжками. При этом отыскалась редкая, узкоспециальная техническая книжка, которая также значилась в моем объявлении без надежды на успех. Так вот эта книга нашлась, а Носова никто не захотел продавать. Даже не интересовались ценой. И эта относительная неудача меня нисколько не расстроила, она меня обрадовала.

Тут кстати сообщу, что лучшие носовские издания — это зелёный трёхтомник 1969 года и жёлтый четырёхтомник 1979-го. В трёхтомнике иллюстрации А. Лаптева и Г. Валька имеются в полном объёме, а в четырёхтомнике их крайне мало, но зато есть 4-й том, в котором содержатся самые последние произведения Носова, написанные для взрослых, а также масса полезных сведений в комментариях. Настоящим носовским фанатам рекомендую иметь оба.

Что касается иллюстраций, то если в повестях и рассказах они решающего значения не имеют (лучшие — И. Семенова), то в «Незнайке» знатоками признаются ТОЛЬКО иллюстрации Алексея Лаптева («Приключения Незнайки и его друзей» и «Незнайка в Солнечном городе») и Генриха Валька («Незнайка на Луне»). Цветные картинки А. Борисенко (не путать с А.

Борисовым!), стилизованные под Вальку, в самом последнем подарочном издании «Библиополиса», тоже хороши. (Это довольно дорогие книжки, но если есть деньги, надо брать.) Цветные и подарочные это хорошо, но всё-таки самые первые чёрно-белые рисунки Лаптева так замечательно вписываются в ткань повествования, что, хотя и все последующие иллюстраторы плясали от Лаптева, ничего лучшего уже не придумали.

Издатели и иллюстраторы, как волшебники и как многие обыкновенные люди, делятся на добрых и злых. Всем, например, известны иллюстрации к «Волшебнику Изумрудного города» Л. Владимировского, без которых эту книжку и читать-то не интересно. Но мне доводилось видеть издания этой книги с какими-то безобразными уродцами в стиле «чёрного» поп-арта. Доводилось также видеть на полках магазинов старой и новой книги «Незнаек» в таком исполнении, что я шарахался от них, как конь от гудящей электрички. Валяется у меня где-то сборник рассказов Носова в современной блестящей обложке с иллюстрациями, стилизованными почему-то под современность. Видеть это очень тяжело, товарищи. Это все равно как если бы то же самое проделать с «Томом Сойером», допустим. А представьте, что возьмёт кто-нибудь в руки эту книжку Носова, написанную в 30-х годах и стилизованную под 80-е, лет этак через сто... И возникнет у него тогда, мягко выражаясь, недоумение.

Три включённые в первый том собрания сочинений Н. Носова повести носят, как бы это сказать, производственный характер. В самом лучшем смысле этого слова. В «Весёлой семейке» (1949) Коля (рассказчик) и Мишка делают инкубатор и пытаются вывести из яиц цыплят. «Дневник Коли Синицына» (1950) о том, как ребята в каникулы разводят пчёл. «Витя Малеев в школе и дома» (1951) тоже, можно сказать, «производственная» повесть, так как учёба для школьника — то же производство. И она тоже написана от имени рассказчика (Вити Малеева). Кроме того что учатся в школе, ребята в этой повести дрессируют щенка.

Всё, чем занимаются в носовских повестях ребята, описано не «с пятого на десятое», а подробно, с толком, с расстановкой, со знанием дела. Вероятно, автору помогли знания, полученные им во время работы на студии учебных фильмов. «Производственная тема» удобна автору тем, что не надо придумывать какой-то специальный замысловатый сюжет: характеры и обстоятельства сами собой нанизываются на историю создания самодельного инкубатора или пасеки. Кроме того это надёжная защита от идеологической цензуры, которая обвиняла Носова в «бессодержательности» некоторых его рассказов. Уж очень цензуре не нравилось, что Носов каким-то непостижимым образом, выходя рекордными тиражами, уклонялся от конкретного изъяснения своей гражданской позиции по отношению к правящему режиму.

По сценариям Носова ставились пьесы в театрах, снимались мультипликационные и художественные фильмы. Всего х/ф по Носову при его жизни было поставлено девять, сам я отчётливо помню только два: «Приключения Толи Клюквина» (1964) и «Фантазёры» (1965). Эти добротные картины, снятые в период «хрущёвской оттепели», иногда показывают по ТВ. Другие коробки с лентами стоят, видимо, за давностью лет так далеко и высоко, что редакторам неохота карабкаться на полку. К тому же есть опасность поднять тучу пыли и чихнуть.

Но мы всё же надеемся, что книги Носова никакой пыли и сегодня не производят, что их будут всегда читать, переиздавать и перечитывать.